

**Саратовское областное управление образования
Саратовский областной институт
усовершенствования учителей**

Г. А. ЧЕРЕМИСИНОВ

**О ТОЛКОВАНИИ ТРУДОВОЙ
ТЕОРИИ СТОИМОСТИ:
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА**

**Саратов
1994 г.**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Глава I. Исходные постановки проблемы: от теории к практике.....	6
1. Е.Бем-Баверк о четырех аргументах трудовой теории стоимости.....	6
2. Возражения Р.Гильфердинга Е.Бем-Баверку.....	14
3. "Критический этюд" С.Л.Франка.....	26
4. Антитезы Н.И.Бухарина.....	37
5. Классическая школа до и после К.Маркса: Д.Рикардо и А.Маршалл.....	42
Глава II. Критическая проверка опытом: от практики к теории..	57
1. Методология статистической ценности П.Б.Струве.....	57
2. Л.Н.Кривский о проблеме безденежного хозяйства.....	67
Глава III. Герменевтика в экономической науке (на примере истолкований теории К.Маркса).....	78
1. Из рассуждений Х.-Г. Гадамера о герменевтике.....	78
2. Теологическая интерпретация марксизма.....	90
3. Рационально-догматическое толкование теории стоимости К.Маркса.....	98
4. Герменевтическая реконструкция методологии К.Маркса Е.Бем-Баверком.....	110
5. "Предрассудки" Н.И.Бухарина.....	117
6. Историко-экономическая герменевтика И.Шумпетера.....	126
Глава IV. Политическая экономия и экономическая политика...	134
1. Соотношение между наукой и политикой у С.Н.Булгакова...	134
2. Экономико-политическая герменевтика В.И.Ленина.....	145
Глава V. Истоки теории советской экономики: "Новая экономика" Е.А.Преображенского.....	157
Истолковывая свое прошлое(вместо заключения).....	179

Книга посвящена исследованию фундаментальных положений экономической теории и их реализации в хозяйственно-политической деятельности. Эссе в истории экономической мысли показывает познавательные возможности герменевтики — учения о толковании и понимании текстов. Оригинальный методологический подход позволяет преодолеть разрыв в развитии отечественной экономической науки, продолжить ее богатые традиции. Переосмысление своего прошлого — это шаг по пути решения нынешних проблем реформирования российского хозяйства.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

кафедра экономики и управления Саратовского государственного университета, доцент Т.В.Черевичко

Черемисинов Георгий Александрович

**О ТОЛКОВАНИИ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ:
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА**

Редактор Т.А.Дьяченко

Саратовский областной институт усовершенствования учителей, 1993,
410030, Саратов, Б.Горная, 1

Подписано к печати Формат 60x84 1/16 Объем 12,5п.
Заказ 428 Тираж 100 экз. Цена договорная

© Г.А.Черемисинов
1993

живших позднее.

Логическое совершенство теоретических моделей определяется не только развертыванием их от скатых обобщений (категорий, закономерностей и т.п.) к многообразию реальности, но и движением во встречном направлении — от практики к научным гипотезам. И тут не обойтись без уяснения методов подбора фактического материала, статистической его обработки, способов создания понятийного аппарата в марксистских схемах трудовой стоимости. По тому, как вылетают эмпирические данные в канву концепции, можно также судить о пригодности ее рекомендаций для текущей хозяйственной деятельности и для долгосрочной экономической политики.

Однако герменевтика не ограничивается "традиционным экзаменом" экономических теорий, их оценкой по двум критериям: непротиворечивости, ясности умозаключений и прагматичности, "приземленности" выводов. Она ставит вопрос о том, как понимаются и истолковывались те или иные теоретические положения разными людьми в различные исторические периоды. Поэтому предлагаемая читателю книга опирается на труды ряда известных философов и экономистов.

Обильное цитирование отражает герменевтический замысел — изложить историю вопроса "в лицах": лучше воспроизводить авторские мысли дословно, чем в пересказе. Взгляд в прошлое позволяет ощутить дух эпохи, почувствовать свою сопричастность к традициям ведущих экономических школ. Повторение пройденного в науке сокращает путь вперед. Оно помогает найти точки соприкосновения с сегодняшним днем, намечает пути решения наших насущных проблем.

Герменевтика пытается изучать влияние предварительно составленных суждений ("предрасудков") автора (или целого научного направления) на формирование его взглядов и построение концепций. Прежде всего это касается идеологических предрасудков, которые обуславливают приверженность либеральному или классово-групповому мировоззрению.

Идеологическая окраска экономической науки оглушается в процессе перевода теоретических положений на опешальный язык на язык повседневного общения. Здесь рациональные аргументы теряют силу и долит власть над умами с эмоциональным воздействием. В сфере массового общественного сознания политическая экономия уступает место риторике и политике. Постигание этих взаимосвязей приближает к ответам на современно вопросы: за чьи "грехи"

Экономическая мысль переживает ныне нелегкие испытания. Паревшие реформы сотрясают наше общество до основания, заставляют пересматривать бытовавшие мнения о закономерностях хозяйственного развития России. Коренная ломка общественных устоев разжигает страсти, и экономистам достается не меньше, чем политикам. Ученым предъявляют отчет за прошлые ошибки хозяйственного руководства, требуют ответа за его сегодняшние промахи и усугубленные трудности. Их заклиняют предсказать будущее, умоляют найти выход из затяжного социально-экономического кризиса.

Почему распалось дившееся не менее полувекна одушевление экономической науки и политики? Этот вопрос затрагивает интереснейшую проблему герменевтики — проблему понимания и истолкования теоретических положений, выдвигаемых различными школами экономистов. Когда дрелет злоба дня, занятие подобными абстрактными рассуждениями может показаться наивным. Но видимость обманчива. Включение философской герменевтики в арсенал познавательных средств обогащает экономическую методологию и подготавливает серьезные прорывы в теории. Чтобы привести в соответствие с изменившимися обстоятельствами понятия и логику науки, нужны новые концептуальные обобщения.

Обновление науки сопровождается "инвентаризацией" ее исходных посылок. Не случайно поэтому обращение к теме, с которой начиналось прежнее, советские учебники политической экономии — к трудовой теории стоимости. Критическая переоценка этого научного раздела неизбежна как отчетная реакция на прошлое. Ведь несколько десятилетий кряду официально разрешенные исследования соотечественников не могли ступить за узкие рамки марксистского видения рыночных отношений.

Предстоит уточнить допущения, при коих трудовая теория стоимости обретает статус научно доказуемой истины, насколько эти "прочие равные условия" оправданы теоретически и практически. Следует посмотреть, не "хромает" ли логика переходов от исходных абстракций к итоговим, конкретным выводам. Для более полного освещения указанных проблем надо включить трудовое понимание стоимости в контекст истории мировой экономической мысли. Желательно, в частности, сравнить учение К.Маркса со взглядами экономистов классической школы: как его предшественников, так и

должна каяться наука, в каком обществе мы жили и живем, почему существовала теоретически и политически ненормальная (как теперь говорит) "командно-административная система" народного хозяйства, где искать ее истоки?

Каждая эпоха понимает себя и свое прошлое по-своему. Все зависит от выбранного временного горизонта. Герменевтический подход поворачивает нас лицом к уходящей в глубь веков отечественной истории, которую нельзя отбрасывать ни по чьей прихоти. Нелепо вести отчет только с октября 1917 года, а тем более с момента начала "перестройки" или политического развала Советского Союза. Настала пора перешагнуть через порог надуманной схематики.

Историческое сознание — это способность видеть в прошлом не просто факты, а живые люди, осязаемые события, которые формируют нашу культуру и ценности. Герменевтика призывает нас вернуться к истокам, к первоисточникам, к тому, что было на самом деле. Это не просто академическое упражнение, это способ обрести ясность в современном мире, который часто кажется нам чуждым и непонятным. Мы должны научиться слышать голоса тех, кто шел нам впереди, кто боролся за справедливость и прогресс. Только так мы сможем избежать ошибок прошлого и построить лучшее будущее.

I. Е. Бем-Баверк о четырех аргументах трудовой теории стоимости

Господствовавшая до недавнего времени официальная теория советской экономики считала своим отправным пунктом учение К. Маркса о трудовой стоимости. Ключевые положения марксистской концепции, собранные в трех томах "Капитала", безоговорочно принимались за научно доказанную истину. Попытки усомниться в правильности трудового понимания стоимости отменялись во имя "чистоты" доктрины. Однако, развитие всякой науки возможно лишь при условии критического отношения к собственным теоретическим предпосылкам. Путь приращения знаний пролетает через осмысление и усвоение иных, даже противоположных взглядов на мир. Признак жизнеспособности любого направления экономических исследований - уважение заслуг своих оппонентов.

Одним из первых к развернутой критикой теории стоимости К. Маркса выступил известный австрийский экономист и государственный деятель Е. Бем-Баверк. Исходной посылкой для полемики послужило различие между первым и третьим томами "Капитала" К. Маркса. По мнению Бем-Баверка, "третий том Маркса опровергает первый. Теория средней нормы прибыли и цен производства не мирится с теорией ценностей"¹.

По словам Бем-Баверка, в первом томе утверждается, что "всякая ценность основана на труде и только на труде", что ценности товаров относятся как рабочее время, необходимое для их производства. Эти положения выводятся "исключительно и прямо" из меновых отношений товаров, в которых проявляется общее им свойство - ценность. Поэтому товары, воплощающие равные количества труда должны "постоянно и принципиально обмениваться друг на друга". А в третьем томе "нам заявляют", что товары обмениваются "необходимо и постоянно" в ином отношении, нежели в соответствии с количеством "воплощенного в них труда".

Тем не менее, К. Маркс считает, что обмен товаров по ценам производства, отклоняющимся от ценности, не устранил действия закона ценности (стоимости), но лишь изменяет (модифицирует) его ж Термин "ценность" употреблялся в отечественной экономической литературе до 30-х годов XX века как синоним термина "стоимость".
I. Бем-Баверк Е. Теория Маркса и ее критика. СПб., 1897, с. 24.

6

пенсировался: насколько одна величина превышает среднюю, настолько другая должна быть меньше.

Второй аргумент гласит: "Закон ценности подчиняет себе движение цен, так как увеличение или уменьшение рабочего времени, нужного для производства, заставляет цены производства подниматься или падать"⁷. Бем-Баверк не отрицает этого положения, подчеркивает, что оно допустимо как частный случай. Но проявление одной из нескольких причинно-следственных связей нельзя абсолютизировать, возводя во всеобщность.

"Весь мир" согласен с тем, что "при неизменности прочих равных условий" цены "поднимаются и падают в зависимости от количества затраченного труда", что "труд - одно из определяющих условий". Но Маркс утверждал посредством своего закона ценности далеко большее: он утверждал, что количество затраченного труда составляет единственное условие, определяющее меновые отношения товаров (оставляя в стороне случайные скоротечные колебания предложения и спроса). Что "этот" закон управляет движением цен, очевидно, можно было бы утверждать только в том случае, если бы (длиннее) изменение цен не могло быть причинено или вызвано ничем другим, как только изменением количества рабочего времени. Но этого Маркс совсем не утверждает и не может утверждать; что последовательность его собственного учения требует, чтобы изменение цены произошло, например, и тогда, если количество затрачиваемого труда остается неизменным, но изменяется вследствие укорочения процесса производства и т.п. органический состав капиталов"⁸.

Рядом с марксовым положением "без дальнейших доказательств" можно поставить "столь же основательное утверждение", что цены изменяются, при прочих равных условиях, в зависимости от затрат капитала. Но нельзя "последним утверждением доказать или подтвердить того, что будто бы продолжительность затрат капитала есть единственное обстоятельство, управляющее меновыми отношениями"⁹. Стало быть, нет и подтверждения "предъявляемого закона, гласящего, что один труд управляет меновыми отношениями".

Третий аргумент касается исторических рамок действия обмена товаров пропорционально воплощенному в них труду. "Закон ценности, как утверждает Маркс, вполне господствует в сфере обмена в 7. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 26
8. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 35
9. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 35

8

проявление. Бем-Баверк не соглашается с такой постановкой вопроса и критически разбирает "4 аргумента в пользу вполне или отчасти постоянного значения закона ценностей"⁴.

Первый аргумент формулируется так: "Хотя между собой отдельные товары и продаются выше или ниже своей ценности, но эти отступления с обеих сторон все-таки взаимно уничтожаются, и в обществе, в его целом, - рассматривая совокупность отраслей всего производства, - сумма цен производства товаров все-таки остается равной сумме их ценностей"⁵.

В обоснование своей точки зрения Бем-Баверк приводит следующие соображения: "О меновых отношениях может быть речь только в применении к различным отдельным товарам между собой. Но как только кто обнимает взором все продукты в их общей сложности и суммирует их цен, то он по необходимости и преднамеренно оставляет без внимания отношения внутри этой совокупности. Заключаясь внутри относительно различия в цене, конечно уравниваются в их сумме"⁶.

Закон ценности оказывается лишенным "всякого смысла", если вместо меновых пропорций указывает только на сумму цен в народном хозяйстве. "Это все равно, что на вопрос, на сколько минут или секунд победитель на скачках употребил меньше времени для того, чтобы пройти дистанцию, чем его соперники, нам ответить бы: все оскантели награды, вместе взятые, употребил 25 минут 13 секунд"⁴.

По мнению Бем-Баверка, подобное "тавтологическое утверждение" не может "служить проверкой правильности этого мнимого закона, что блага меняются в отношении к воплощенному в них труду". Таким путем легко "доказать" верность любого закона, подожим, закона, что блага меняются в отношении их оппозитивного веса"⁵.

Маркс смешивает тут две совершенно различные вещи: средние колебания и средние из постоянно и принципиально различных величин"⁶. Ведь арифметическую среднюю довольно просто вывести для любых, даже несопоставимых количественных показателей. И все отклонения от общего среднего уровня сами собой взаимно компенсируются.
2. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 26
3. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 29
4. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 30
5. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 31
6. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 32

7

известных "первобытных" стадиях, в которых превращение ценности в цену производства не успело еще произойти"¹⁰.

Выравнивание норм прибыли связано с двумя предположениями: господством капиталистического способа производства и сильным нивелирующим влиянием конкуренции. Поэтому надо искать это "первоначальное соотношение" там, где нет одной из двух указанных посылки. И Маркс описывает теоретическую модель "докапиталистического" общества, в котором работники владеют средствами производства и обменивают свои товары между собой по их ценности.

Однако Бем-Баверк, пожалуй, уж слишком категорично заявляет: "и речи не может быть о том, чтобы Марксу удалось посредством своих "предположений" доказать историческое существование такого состояния; он вывел его из своей теории единственно как гипотезу"¹¹. Эта гипотеза противоречит тем фактам, что в отрасли легкой и у лиц, "которые работают при помощи значительного капитала, оказывается и больший доход, чем у тех, которые располагают только руками производителей"¹².

Ссылаясь на известного экономиста В. Зомбарта, высоко ценящего Маркса, Бем-Баверк утверждает, что в истории мы не найдем "следов фактов", согласно которым "до выравнивания прибылей, отрасли производства с относительно наибольшим постоянным капиталом доставляли и доставляли наименьший, а отрасли с наименьшим постоянным капиталом - наибольший процент прибыли"¹³.

Исторически капиталистические предприятия начинают развиваться и в отраслях с преобладанием постоянного капитала, например, горном деле и т.п. Капитал устремлялся в производство лишь в надежде на получения обильной в стране прибыли, которая "ранее всякого капиталистического производства осуществлялась в виде коммерческой прибыли".

"Возникает ли предприятие с самым высоким или самым низким составом капитала, - установление цен его продуктов и вычисление (и реализация) прибыли производится исключительно на основании затрат капитала"¹⁴. Причем расходования норм прибыли, по мнению автора, зависят не от органического состава капитала, а от условий конкуренции.

10. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 27

11. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 40

12. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 45

13. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 46

14. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 48

9

Последний, четвертый аргумент изложен так: "В сложном народном хозяйстве закон ценности "регулирует", хотя ковенно и "в последней инстанции", цену производства, так как общая ценность товаров, определяемая по закону ценности, регулирует общую добавочную (прибавочную - Г.Ч.) ценность, а эта регулирует уровень средней прибыли" 15.

В качестве контраргументов марксової цепи доказательств Бем-Баверк выдвигает следующие соображения. Цена производства, помимо затрат на вещественные элементы капитала, складывается из двух элементов. "Один - расходы на заработную плату - есть продукт двух факторов, из которых один, количество труда, однороден с сущностью ценности Маркса, второй - высота заработной платы - нет." Связь между вторым элементом - составляющей суммой средней прибыли - и законом ценности, Маркс сам мог отстаивать вообще только путем грубого извращения этого закона, приписав бы ему действие в такой области, в которой вовсе нет меновых отношений. Но оставил даже это, все-таки фактор "общая ценность товаров" (который Маркс еще хочет вывести из закона ценности), должен был при определении следующего звена - общей добавочной ценности, - поделиться своим влиянием с фактором уже не однородным с законом ценности, с "высотой заработной платы"; "общая добавочная ценность" должна была поделиться с совершенно чуждым элементом, - количеством общественного капитала, - при определении средней нормы прибыли, последняя наконец - с отчасти чуждым элементом - расходами на заработную плату - при определении составляющей суммой прибыли" 16.

"Правильное изображение существа дела было бы такое: количество труда, которое по закону ценности Маркса должно вполне и исключительно управлять меновыми отношениями товаров, на деле оказывается только одним из определяющих цену производства элементов. Оно имеет сильное и довольно прямое влияние на один элемент цен производства, состоящий в расходах на заработную плату, и гораздо более ослабленное, более слабое и даже большей частью проблематическое влияние на другой элемент - среднюю прибыль" 17.

Она определяется суммой цен производства средств существования работников

- Общество как целое не является субъектом меновых связей
15. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 27
16. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 59
17. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 59 - 60

10

тательства с отвлечением от специальных видовых различий, при которых данное обстоятельство проявляется. Так, "при меновых отношениях товаров отпадают от специальных всяких видовых различий, при которых могла бы проявляться потребительная ценность товаров, служит ли товар для пищи, жилища или одежды и др., но вовсе не от потребительной ценности вообще" 21.

Бем-Баверк в вопросительной форме протестует против марксова умопознания, согласно которому если оставить в стороне потребительную ценность товаров, то им останется еще только одно свойство, что они - продукты труда. "Не остается ли еще immediate меновую ценность благам, напр., общим свойством их редкость по отношению к потребности в них? Или что они являются предметом спроса и предложения? Или что они находятся в собственности? Или что они суть продукты природы? ... Не общие ли меновым ценностям и то свойство, что они причитаются издержки своим производителям - свойство, о котором Маркс так ясно вспоминает в своем третьем томе?" 22 "Почему же, - спрашивает Бем-Баверк, - основание ценности не может так же хорошо заключаться в каком-нибудь из этих общих свойств, вместо свойства, быть продуктом труда?" 23

Далее ставится под сомнение тезис Маркса о сводимости (приведении, редукции) всех видов труда различной сложности к простому труду, к расходованию простой неквалифицированной рабочей силы. Это "априорное умозрение", появившееся "из глубины духа", не выдерживает "обращения к действительности". Беглые замечания Маркса типа "наблюдение показывает, что такое приведение совершается постоянно" или "пропорции устанавливаются общими", по мнению Бем-Баверка, необоснованны и бездоказательны.

Бем-Баверк не соглашается с тем, "что единица меры для приведения устанавливается... фактически меновыми отношениями". Он критикует по поводу некоторых высказываний автора "Капитала". В частности, Маркс "осмысливает на какой-то общественной процесс", посредством которого "за спиной производителей устанавливаются различные пропорции, для приведения различных видов труда к труду простому, как их единице меры". Сложная работа считается умноженной простой работой, но "считается" не значит действительно быть". Поэтому неверно положение, согласно которому обмениваемые товары "воплощают в себе труд одного вида и в одинаковом количестве". Точная истина, по просту, состоит в

21. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 75
22. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 76
23. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 77

12

Бем-Баверк замечает, что Маркс "исключительно на количестве труда, как единственном основании меновых отношений" строит в первых двух томах "Капитала" очень важные практические и теоретические выводы, свою теорию прибавочной стоимости и "осуждение капиталистического строя общества". А затем в третьем томе развивает теорию цен производства, чтобы задним числом признать "влияние других определяющих причин".

Характерно, однако, что Маркс в местах, посвященных апологии закона ценности, не обмолвится словом об этих других влияниях, и только односторонне выдвигает влияние количества труда, чтобы из верной и никем не оспариваемой посылки, что фактор - количество труда - в очень многих отношениях также влияет на установление цен производства, - сделать совершенно неосновательный вывод, что будто "в последней инстанции" закон ценности, который провозглашает исключительное господство труда, определяет цены производства!" 18

В споре о Марксовом Бем-Баверк непрестанно требует проверки фактами отдельных положений научной гипотезы, т.е. направляет дискуссию от теории к практике. "Меновые ценности товаров, как и их цены, а также и количества труда, потребности для их воспроизведения, суть такие ясно выдающиеся величины, которые в общем вполне доступны опытного определению. Чтобы доказать положение, справедливость или несправедливость которого должна обнаружиться в данных опыта, Марксу, казалось бы, следовало прежде всего обратиться к опыту или другими словами: для своего доступного чисто эмпирическому способу доказательства, положения, обратиться к этому именно способу доказательства. Но Маркс этого не делает". 19 Потому, что эмпирические данные противоречат его положениям. "Он знает, что цены товаров не пропорциональны количеству воплощенного труда, но что они определяются в соответствии с общей суммой издержек производства, в состав которой входят и другие элементы". 20

Как известно, Маркс видел в товаре двойственность свойств: способность к обмену или меновую стоимость, и способность удовлетворять потребности людей или потребительную стоимость (ценность). Но он в ходе исследования абстрагируется от второго свойства. Такой подход "заслужил" серьезные упреки Бем-Баверка, ибо нельзя смешивать отвлечение вообще от какого-либо обстоя-

18. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 62
19. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 65
20. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 66

11

том, что оба продукта воплощают в себе труд равного вида и в равном количестве" 24. Ссылка на "ценность" и на "общественный процесс" как на факторы, устанавливающие единичную меру для приведения всех видов труда к однородному абстрактному, "просто представляет собой "порочный круг", т.е. выдвигание в качестве доказательства того, что нужно еще доказать.

Завсегдатаем критический разбор трудовой теории ценности указанием на противоречия в марксовом понимании механизмов конкуренции, спроса и предложения. Конкуренция, по определению Бем-Баверка, - это "нечто в роде обирательного наименования для всех тех психологических побуждений и мотивов, которыми стороны, вступающие на рынке, руководствуются в своих действиях и которые таким образом приобретают влияние на установление цен" 25.

"Важней беспристрастный человек знает и видит, что влияние, оказываемое потраченным количеством труда на действительный уровень цен товаров (конечно не столь исключительное, как это утверждает марксовский закон ценности) - оказывается через посредство спроса и предложения, или, что тоже - конкуренции". 26

Однако Маркс "уменьшает" значение предложения и спроса для теории. Он считает, что когда спрос и предложение совпадают, они перестают действовать. Это положение, по словам Бем-Баверка, "является совершенно ложным и не научным". Действие их (спроса и предложения Г.Ч.) напротив и выражается именно в достигнутом состоянии равновесия, и это состояние равновесия со всеми его особенностями, к которым в особенности относятся и высота уровня, при котором получилось равновесие, может быть объяснено только действием находящихся в равновесии сил, а никак не "иначе, помимо действия обеих сил", как думает Маркс" 27.

Спрос и предложение - "растяжимые величины", поэтому наряду с устойчивым "центром колебания" рыночных цен существует множество относительно неустойчивых состояний их равновесия. "Совершенно верно, что, при продаже товара по его нормальной ценности, предложение и спрос в известном смысле должны совпадать, т.е., что по этой цене столько же товара потребовано, как и предложено. Но это верно не только в случае продажи по нормальной рыночной ценности, но и при всякой другой отклоняющейся от нормальной рыночной цене". 28

24. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 64
25. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 94
26. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 95
27. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 100
28. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 98

13

Бем-Баверк констатирует противоречие в логике "Капитала". Вначале Маркс убеждает читателей в достоверности обмена товаров по их трудовой ценности, предлагая пренебречь влиянием взаимных колебаний спроса и предложения. Напротив, когда он обращается к реальным отношениям рыночной конкуренции, ему приходится отказываться от исходной посылки - купли-продажи товаров пропорционально затратам труда. Речь теперь уже идет "о решительном отнесении цен к другому устойчивому центру тяготения, именно к цене производства".

"Если, по Марксу, отношение спроса и предложения вообще не может оказывать никакого влияния на высоту устойчивой цены, то каким образом "конкуренция", тождественная именно с этим отношением, является силой, перемещающей высоту устойчивых цен с уровня "ценностей" на далеко от этого отклоняющийся уровень цен производства?"

"Это вынужденное и противное теории признание конкуренции (точно "бога из машины"), которая отнесением устойчивых цен от соответствующего теории центра тяготения - материализованного количества труда - к другому центру тяготения, не выражает ли собой невольное признание, что "общественные движущие силы", управляющие действительной жизнью, заключают в себе и проявляют какие-то элементарные определяющие меновые отношения моменты, которые не могут быть сведены к рабочему времени; что, следовательно, анализ первоначальной теории, высказавшей одно рабочее время основанием для меновых отношений, был неполный и не соответствовал действительным фактам".²⁹ Так заключает оной критический разбор трудовой теории ценности Бем-Баверк.

2. Возражения Р. Гильфердинга Е. Бем-Баверку

Защитая марксистское учение, в спор с Бем-Баверком вступил его соотечественник, один из лидеров немецкой и австрийской социал-демократии - Р. Гильфердинг. В своей книге "Бем-Баверк как критик Маркса" он последовательно перебирает доводы против трудовой теории стоимости и пытается возразить им.

Вначале обсуждаются дискуссионные проблемы ценности как экономической категории. Гильфердинг принимает полемический вызов: "Критический вопрос Бема, на который Марко, якобы, дал... неправильный ответ, сводится к тому, насколько Марко имел право

29. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с. 103

14

в общественный труд. Условия труда, создающего ценность, являются, следовательно, общественными определениями труда или определениями общественного труда".

"Процесс абстракции, при помощи которого Марко переходит от понятия конкретного, частного труда к абстрактно-человеческому, общественному труду, не только не идентичен, как полагает Бем, но прямо противоположен тому, с помощью которого Марко исключает потребительную ценность".³

Потребительная ценность, по мнению Гильфердинга, есть индивидуальное отношение вещи к человеку. В процессе абстрагирования или отчуждения вещь перестает быть потребительной ценностью для владельца, и это индивидуальное отношение разрушается. "Если же я... абстрагируюсь от того конкретного способа, которым я затратил свой труд, то, во всяком случае, остается налицо факт, что труд вообще, в его всеобщей человеческой форме, был затрачен; это - объективная величина, мерой которой является ее продолжительность во времени. Это и есть та объективная величина, которая интересует Марко. Он ищет ту общественную связь, которая соединяет внешне разъединенных агентов производства".⁴

Всякая теория ценности, исходящая из потребительной ценности (естественных свойств вещи) впадает в ошибку, "которая заключается в желании вывести объективное общественное мерило из этого субъективного, индивидуального отношения, которое может служить исходным пунктом лишь для субъективных оценок".

Поняв учение Маркса, Гильфердинг постоянно заостряет противоположности "дихотомного" (двузначного) видения товарных отношений, стремится оправдать одну сторону и опровергнуть другую, а вместе с ней и критическую аргументацию Бем-Баверка. Подтверждением указанного полемического приема служат следующие рассуждения. "Так как... индивидуальное отношение равным образом присуще всем остальным обществу и само в себе не заключает принципа изменения, ибо развитие потребностей и возможности их удовлетворения в свою очередь сами обусловлены, то эта теория должна отказаться от поисков общественных законов движения и тенденции общественного развития. Ее точка зрения не исторична и не социальна. Ее категории это - естественные и вечные категории".⁵

Труд интересует Маркса не как технический акт, а как общественная связь между субъектами ("атомами общества") частной собственности и разделении труда. Поэтому закон ценности "обла-

3. Гильфердинг Р. Указ. соч., с. 14

4. Гильфердинг Р. Указ. соч., с. 15

5. Гильфердинг Р. Указ. соч., с. 16

объяснить труд единственно создающим ценность, и наша антикритика должна, прежде всего, показать, что анализ товара содержит в себе исковый ответ".¹ Аргументация в поддержку трудовой теории стоимости (ценности) выстраивается из соответствующих фрагментов "Капитала", которые пересказываются и цитируются.

Так, товар "есть экономическое выражение, т.е. выражение общественных отношений независимых друг от друга производителей, поскольку связь между ними поддерживается обменом благ. Противоположность определений товара, как потребительной ценности и ценности, противоположность натуральной и ценностной формы, вступает теперь перед нами, как противоположность самого товара, поскольку он, с одной стороны, является естественной вещью, а, с другой стороны, - общественной вещью. Здесь, таким образом, мы действительно имеем дело с дихотомией, когда один член исключает другой и наоборот. Однако, это лишь противоречие способов рассмотрения. Товар есть единство потребительной ценности (и ценности), и лишь способ рассмотрения является двойным: как вещь, относящаяся к миру природы, он является предметом естественных наук, как общественная вещь, товар - объект общественной науки, политической экономии. Предметом политической экономии является, таким образом, общественная сторона товара, блага, поскольку последние являются символом общественной связи, в то время, как естественная сторона, потребительная ценность, лежит вне поля зрения политической экономии".²

Продукт может быть выражением общественных отношений лишь "как продукт труда общества, как вещь, на которую общество наложило свою печать". Поскольку общество "ничего не обменивает", то товар для него "есть не что иное, как продукт труда". Отдельные вещи и меновые отношения не имеют самостоятельного значения для марксистов. "Продукт всего общественного труда представляется как совокупная ценность", которая в каждом товаре "получает количественное определение, проявляясь как меновая стоимость".

"Если товар для общества является продуктом труда, то теперь труд, благодаря этому, получает определенный характер - общественно-необходимого труда. Товар не выступает более как продукт труда различных субъектов; наоборот, эти последние являются простыми "органами труда". Труд отдельных лиц превращается для экономического рассмотрения в свою противоположность,

1. Гильфердинг Р. Бем-Баверк как критик Маркса. М., 1923, с. 12

2. Гильфердинг Р. Указ. соч., с. 13-14

15

дает реальность" и труд "является принципом ценности". "Естественные условия, в которых совершается труд, даны обществу, как нечто неизменное; из них, следовательно, нельзя вывести изменения общественных отношений. Изменяется только способ, которым труд достигает господства над этими естественными условиями. Степень, в которой это ему удается, определяет степень производительности труда. Изменение производительности касается лишь конкретного труда, создающего потребительные ценности". Но за этими словами следует вывод, противный их смысловому содержанию: "Однако, в то время, как масса продуктов, в которой находят себе воплощение труд, создавший ценность, возрастает или уменьшается, в каждом отдельном экземпляре овеществляется большее или меньшее количество труда, чем раньше".⁶ Вещь по исходным посылкам конкретный труд вовсе не касается абстрактного, общественного труда и ценности (общественной связи).

По поводу предложенных Бем-Баверком нескольких разнородных свойств товара Гильфердинг пишет: "Так Бем смешивает повсюду естественные условия с общественными. Это проявляется особенно ясно в его перечне тех общих свойств, которые еще имеются у товаров. Тут перед нами неясная смесь: факт присвоения есть юридическое выражение исторических отношений, которые и должны предполагать для того, чтобы вообще был возможен обмен благ; это - "дэкономический" факт; каким образом он может стать количественным мерилом, совершенно непонятно. Быть продуктом природы, это - естественное свойство товаров, которое опять-таки никоим образом не делает их сравнимыми в количественном отношении. Что они, далее, являются объектом потребности и по отношению к ней могут быть более или менее редкими - образует их потребительную ценность; ибо относительная редкость делает их субъективно предметом оценки и, следовательно, потребительной ценностью, в то время как объективно, с общественной точки зрения, их редкость есть функция затраты труда и в ее величине находит себе объективное мерило".⁷

В приведенных выше рассуждениях Гильфердинга некоторые положения вызывают сомнения частного характера. Например, почему общественность не является экономическим отношением, а представляет собой "дэкономический факт"? Насколько известно, К. Марко считал общественность фундаментальной категорией, общественной

6. Гильфердинг Р. Указ. соч., с. 18

7. Гильфердинг Р. Указ. соч., с. 18 - 19

17

формой соединения факторов производительных сил (работников со средствами производства), которая определяет всю систему экономических отношений (способ производства материальных благ). Далее, почему индивидуальные отношения "не историчны и не социальные", а также не исключают "принципа изменения"? Марко говорит, что индивид не может существовать вне общества, вне социальной связи, и волчески вымещал "робинзонада". Индивидуальные экономические связи несут на себе "печать общества" в ее исторической конкретности и пребывают в развитии.

Более серьезные возражения вызывают те мысли Гильфердинга, с помощью которых он пытается запитать теорию Марко, но которые расходятся с мыслями самого автора "Капитала". "Канонизация" оказывает "медвежий услугу" трудовой теории ценности, превращает ее в догмат. Это прежде всего касается проблем, связанных с потребительной стоимостью.

Целепо объявляет последнее субто "естественным", "субъективным" свойством товара. Излагая изначальные аксиомы трудовой теории ценности, Марко писал в I томе "Капитала": "Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость, реализуемая в обмене, а не "естественная".

Разногласия Марко и Гильфердинга возникают также из неоднозначности значения первого в различных местах "Капитала". То, что говорил выше о потребительной стоимости Гильфердинг (ее качественный, природный характер, связь с конкретными видами труда; ее абсолютная несовместимость с общественными, абстрактными элементами труда, стоимостью) можно все-таки согласовать с содержанием Главы I тома "Капитала".

Однако в IO главе II тома "Капитала" Марко меняет исходную точку зрения на противоположную. Соотношение объема произведенных потребительных стоимостей и общественных потребностей становится ключевым фактором формирования рыночной стоимости товаров и цен производства. Степень общественной необходимости затрат труда определяет общественную потребительную стоимость его продукта. "Пока мы имели дело только с отдельными товарами, мы могли предполагать, что существует потребность в этом определенном товаре, — количество которого уже заключено в

В. Марко К., Зигаль Ф. Собр. соч., изд 2-е, т. 23, с. 49

Здесь, по мнению Бем-Баверка, закон ценности не подтверждается опытом, так как отсутствует единое для всех видов трудовой деятельности мерло. А без "отскакивания" масштаба редукции для сведения сложного труда к простому нет возможности "наперед установить абсолютную величину цен".

"Но разве отсутствие масштаба редукции действительно означает непригодность закона ценности? — вопрошает Гильфердинг и продолжает. — В характерной противоположности к Бему Марко видит в теории ценности не средство к теоретическому уравниванию цен, но средство открыть законы движения капиталистического общества. Абсолютная величина цен есть исходный пункт этого движения, данный в опыте; но для самого движения абсолютная величина цен играет второстепенную роль; дело идет только о том, чтобы установить закон ее изменения. Составляет ли какой-либо определенный квалифицированный труд, например, труд скульптора, четырех- или десятикратное простого труда, например, труда портного, это совершенно безразлично".¹¹

Главное — закон ценности констатирует, что "развитие производительной силы в последней инстанции определяет изменения цен". А поскольку все экономические явления "обнаруживаются в изменениях цен, то этим дается возможность познания экономических явлений вообще", возможность "теоретического уяснения" процесса редукции. При этом Гильфердинг невольно показывает ограниченность отстаиваемой им теории таким пассажем: "Рикардо, осознавая неполноту своего анализа закона ценности, говорил поэтому прямо, что исследование, на которое он хочет обратить внимание читателей, касается влияния, изменений относительной ценности товаров, но не их абсолютной ценности".¹² Стало быть, и марковский подход "неполный", если он затрагивает лишь относительную динамику цен.

Гильфердинг считает, что когда Бем спрашивает о качествах, присущих квалифицированному труду и составляющих его способность создавать ценность, то ошибка заключается уже в самой постановке вопроса. Ибо "свойство создавать ценность не присуще никакому труду, как таковому". "Из рассмотрения отдельного труда, в его конкретности, мы вообще не приходим к понятию труда, образующего ценность. Следовательно, и сложный труд, в качестве труда, создающего ценность, должен рассматриваться не сам по себе, но как часть общественного труда".¹³

11. Гильфердинг Р. Указ. соч., с. 22

12. Гильфердинг Р. Указ. соч., с. 23

13. Гильфердинг Р. Указ. соч., с. 23

20

его цене, — и дальше не вдавался в рассмотрение размеров потребности, подлежащей удовлетворению. Но эта количественная сторона дела становится существенным моментом, коль скоро, с одной стороны, имеется продукт целой отрасли производства, а с другой — общественная потребность в нем. Теперь необходимо рассмотреть размеры, т.е. количество этой общественной потребности".⁹

Таким образом, лишь при малочисленном допущении, что потребительная стоимость товара уже выполнила свою функцию соответствия потребности, получила общественное признание, можно считать затраты труда единственным фактором установления величины стоимости товара, ее "субстанцией". В противном случае нельзя выяснить, какие затраты труда являются оптимальными, необходимыми, поскольку нет масштаба их соизмерения.

Вот слова Марко: "Хотя каждый отдельный товар или каждое данное количество определенного вида товаров заключает в себе лишь общественный труд, необходимый для его производства, и с этой стороны рыночная стоимость всей массы товаров данного вида выражает только необходимый труд, тем не менее, раз определенный товар произведен в количестве, превращающем наличную общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растраченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в ней действительно заключается... Поэтому эти товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости, а часть их и вовсе не может быть продана. Как раз обратное будет иметь место, если количество общественного труда, затраченного на производство определенного вида товаров, слишком мало по сравнению с размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи данного продукта. Если же количество общественного труда, затраченного на производство определенного товара, соответствует размерам подлежащей удовлетворению общественной потребности, так что масса продукта соответствует обычному масштабу воспроизводства при данном уровне, то товар продается по его рыночной стоимости".¹⁰

Проблема соизмеримости возникает не только при сравнении индивидуальных затрат труда на производство одинаковых товаров с средним общественным уровнем, но и при попытке уравнивать различные виды труда, свести сложный труд к простому, абстрактному.

9. Марко К., Зигаль Ф. Указ. соч., т. 25, ч. I, с. 202

10. Марко К., Зигаль Ф. Указ. соч., т. 25, ч. I, с. 205

19

Марко специально не занимаясь объяснением редукции труда. Он обошел стороной этот узловой пункт своей теории стоимости, сославшись на опыт постоянного сведения сложного труда к простому. Поэтому Гильфердинг предпринимает собственную попытку найти решение проблемы: "каким образом и в какой пропорции квалифицированный труд создает большую ценность, чем простой".

"Тайна" редукции, по мнению Гильфердинга, заключена в процессе подготовки квалифицированной рабочей силы. "Чтобы создать эту сложную рабочую силу, потребовался ряд простых трудовых процессов. Последние накоплены в личности квалифицированного работника; и только когда он начинает работать, трудовые умения, затраченные на его обучение, реализуются для общества. Труд обучавших не только переносит ценность (которая выступает в повышенной заработной плате), но и свою собственную, создающую ценность, силу. Труд, затраченный на обучение, существует для общества в скрытой форме и проявляется лишь тогда, когда сложная рабочая сила начинает применяться. Ее расходование означает поэтому одновременное расходование тех простых форм труда, которые заключаются в ней в конденсированном виде".¹⁴ Однако, это, несомненно, оригинальная идея обучения работника немного добавляет к кратким замечаниям К. Марко. Ибо остается непонятным, что же такое простой труд и как практически рассчитывается его затраты?

Не случайно поэтому, подводя итоги спора с Бем-Баверком по вопросам редукции труда, Гильфердинг старается уйти от эмпирической проверки теоретических положений, своих и Марко, отключившись от необходимости практического, прикладного их применения.

"Марксова теория ценности дает нам средство познать те принципы, по которым совершается общественный процесс редукции сложного труда к простому. Она, таким образом, делает величину ценности теоретически измеримой величиной. Но когда Бем требует от Марко, чтобы он дал эмпирическое доказательство своей теории, и предлагает, что это доказательство включалось бы в установление отношения между меновыми ценностями или ценами и рабочим временем, то он смешивает теоретическую и практическую измеримость. То, что я могу установить на основании опыта, это — кол. затрат труда, потребная для производства определенного блага. Поскольку этот конкретный труд означает общественно-необходимый труд, в какой мере он, следовательно, может быть принят в расчет,

14. Гильфердинг Р. Указ. соч., с. 26

21

как создающей ценность, я мог бы установить, лишь зная данный средний уровень производительности и интензивности, которого достигла производительная сила, и то количество данного блага, которое потребно для общества. Это значит, однако, требовать от отдельной личности того, что выполняется обществом. Ибо общество является тем покупателем счетоводом, который один может вычислить высоту цен; метод, которым он при этом пользуется, есть конкуренция. Рассматривая в свободном соревновании на рынке конкретные трудовые затраты отдельных производителей, как одно целое, и возмещая их лишь постольку, поскольку их расходование было общественно необходимо, общество лишь здесь выясняет, в какой мере эти конкретные трудовые затраты фактически участвовали в процессе создания ценности, и соответственно с этим устанавливает цену. Именно являясь, будто теоретический масштаб может явиться непосредственным практическим мерилом, привела к утопии рабочих денег и конституированной ценности. Это — тот взгляд, который в теории ценности видит не средство "открытия закон движения современного общества", а средство составить возможно более устойчивый и справедливый прейскурант".¹⁵

Следующий предмет спора — противоречие между I и II томами "Капитала", между стоимостью (ценностью) и ценами производства. Гильфердинг уверяет, что "закон ценности Маркса не уничтожается выводами третьего тома, но лишь определенным образом модифицируется", а контраргументация Бем-Баверка основана на ошибках и недоразумениях.

"Ошибка Бема заключается в том, что он смешивает ценность и цену... Только в том случае, если ценность — мы оставляем в стороне случайные, взаимно компенсирующиеся и потому лишние значения отклонения, — была бы идентична с ценой, продолжительное отклонение цен отдельных товаров от ценностей противоречило бы закону ценности".¹⁶ Кроме того, "Бем смешивает меновую ценность с ценностью. Ценность проявляется, как меновая ценность, как количественно определенное отношение, в котором один товар может быть обменен на другой". Поэтому "ценность, в том смысле, какой ей придает Маркс, есть объективная, количественно определенная величина".¹⁷ Если дана ценность единицы, то известна также ценность суммы этих единиц. Следовательно, можно, "не впадая в абсурд, говорить о совокупной ценности".

15. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.28

16. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.37

17. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.40

22

Если спрос возрастает и цена поднимается выше нормального уровня, то увеличивается предложение; это увеличение легко переходит границу необходимого, и тогда цена падает ниже нормы. Поведая себе, Гильфердинг вопрошает: "И неужели среда этой путаницы не найдет твердой точки опоры?"²²

Отвечая на самому себе поставленный вопрос, он по существу соглашается с Бем-Баверком, что "нормальная цена" есть результат равновесия спроса и предложения. Причем "центром" тяготения, вокруг которого колеблются рыночные цены, признается цена производства, включающая в себя издержки плюс среднюю прибыль. "Соотношение спроса и предложения перестает благодаря этому быть чисто случайным". Проследивается взаимное влияние цен производства и предложения товаров. Логичным было бы ожидать описания подобной зависимости и со стороны спроса.

Но Гильфердинг вдруг приводит высказывание Маркса, возвращающее читателя к бесполому чередованию в порочном кругу категорий "спроса", "предложения", "ценн". "То, что регулирует принцип спроса (т.е. общественную потребность Г.Ч.), обуславливается в основном отношением различных классов друг к другу и их относительным экономическим положением, а следовательно, в частности, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т.п.); таким образом также и здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится это отношение".²³ Приведенная цитата лишь по форме противоречит предыдущим положениям. Пожалуй, ее правильнее воспринимать как конкретизацию содержания спроса, а не как отрицание его существенного воздействия на уровень цен. Какой-то странный способ ведения полемики...

По ходу спора постоянно подчеркивается противоположность точек зрения Маркса и Бем-Баверка. Так, например, "Маркс задает вопрос о совокупной ценности, а Бем калует, что он не спрашивает о ценности отдельных товаров. Он не видит, что является для Маркса наиболее существенным в данном случае".²⁴ Далее, при анализе факторов образования средней прибыли и рыночных цен капитала "нельзя рассматривать индивидуально, как это делает Бем;

22. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.71

23. Маркс К., Энгельс Ф. Сообр. соч., т.25, ч.1, с.198 — 199

24. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.39

24

По поводу второго аргумента приводится такое замечание: "Недостаток здесь всецело на стороне Бема; ему достаточно было бы привести цитату полностью, чтобы не вводить себя от труда возвращать Марксу".¹⁸

Краткий исторический экскурс в эпоху становления промышленного капитализма не опровергает мысли Бем-Баверка на Зомбарта, а, скорее, дополняет ее рассуждениями о мотивах вложенной купеческого капитала в предприятия по выпуску товаров. Сверх-прибыль, которая получалась, благодаря техническому превосходству мануфактур над ремесленниками, была "необудительной причиной для капитала к захвату данной отрасли производства. Его органический состав, различия которого в докапиталистическую эпоху Бем и Зомбарт, несомненно, придает преувеличенное значение, играет при этом очень небольшую роль".¹⁹

Разбирая четвертый контраргумент, Гильфердинг считает, что "Бем остается во власти капиталистической иллюзии, по которой издержки производства являются конституирующим фактором ценности или цены". По Марксу же, ценность не складывается из составных частей, а распадается на таковые. И если "заработная плата не является элементом, конституирующим ценность, то она, поватно, не имеет никакого влияния на величину последней".²⁰

По мнению Гильфердинга, господство закона ценности над ценами "не подрывается" тем, что сама заработная плата, т.е. авансированная переменная часть капитала, уже исключается по ценам производства факторы существования, а не по их ценностям. "Ибо отклонение цены производства переменной части капитала от ценности происходит точь-в-точь по тем же законам, как и отклонение цен всякого другого товара".²¹ Наконец, неверно, что Маркс не рассматривал связь между "наличным общественным капиталом" и средней нормой прибыли. Значит этот упрек Бем-Баверка несправедлив.

В качестве отправного момента в рассуждениях о влиянии конкуренции, спроса и предложения на цены выбираются общезвестные взаимосвязанности, которые представляются в виде логичной связки без начала и конца. "Цена определяет спрос и предложение, а спрос и предложение определяет цену; да, а, спрос определяет предложение, а предложение определяет спрос. Кроме того, все эти колебания имеют еще тенденции к выравниванию".

18. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.43

19. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.51

20. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.55

21. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.61

23

к ним следует подходить с точки зрения общественного целого, т.е. рассматривать их, как части общественного капитала".²⁵

Указанные замечания конечно важны для уяснения смысла теории. Однако, зачастую сами марксисты не делают различия между понятиями "объективный" и "общественный". Первый термин вполне может соответствовать и индивидуальной точке зрения.

Тем не менее Гильфердинг стремится обосновать преимущество "коллективистского" (общественного) взгляда на экономические процессы. "Явления капиталистического общества не могут быть поняты, если мы станем рассматривать товар или капитал в их изолированности. Наоборот, только общественное отношение, в котором они находятся друг к другу, и изменения этого последнего управляют движениями отдельных капиталов, являющихся лишь частями совокупного общественного капитала, и объясняют нам эти движения. Однако, представитель психологической школы политической экономии не видит этой общественной связи; он, поэтому неизбежно обречен на непонимание той теории, которая как раз ставит себе задачей вскрыть общественную обусловленность хозяйственных явлений и для которых поэтому исходным пунктом является общество, а не индивид".²⁶

У Маркса "в понятие труда, создающего ценность, отсутствует всякое индивидуальное отношение", его "вовсе не интересует индивидуальная мотивация оценки" труда. "Поскольку труд понимается в своей общественной определенности, т.е. как совокупный труд всего общества, пропорциональной частью которого является всякий индивидуальный труд, и поскольку он в таком понимании возводится в принцип ценности, все явления экономической жизни оказываются подчиненными объективной закономерности, не зависящей от воли отдельного человека и подвластной всецело общественным связям".²⁷

Согласно марксизму, все изменения в общественной структуре, в конечном счете, могут быть сведены к изменениям в производственных отношениях, т.е. к развитию производительной силы и организации труда. Поэтому политическая экономия отличается от психологической школы. "Этой противоположности совершенно не сознает Бем. Вопрос о том, какой метод является правомочным для политической экономии, "объективный" или "объективный", он решает... в том смысле, что один метод должен восполнять другой,

25. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.60

26. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.63

27. Гильфердинг Р. Указ. соч., с.65

25

тогда как здесь вообще речь идет не о двух различных методах, но о различном понимании всей социальной жизни, т.е. о точках зрения, из которых одна включает другую. Этим объясняется то, что Бем, ведя полемику со своей субъективно-психологической точки зрения, видит противоречия теории Маркса, которые лишь потому кажутся ему таковыми, что он дает самой теории субъективистское толкование".²⁷ Таким вот образом отстаивал основы трудовой теории стоимости Р. Гильбердинг.

3. "Критический этюд" С.Л. Франка

Учение Маркса стало пользоваться особой популярностью в России с конца прошлого столетия. Поэтому дискуссии о трудовой теории стоимости были обычным явлением в отечественной экономической науке на рубеже веков. Наглядным тому свидетельством служит критический этюд С.Л. Франка "Теория ценности Маркса и ее значение". Эта обстоятельная книга не только повторяет и подтверждает известные доводы западных ученых против теоретической модели марксизма, но и представляет собой попытку совместить, примирить некоторые положения пролетарской политической экономии с другими течениями экономической мысли.

С самого начала Франк стремится точнее очертить границы своего предмета исследования, ибо многие недоразумения возникают из различных толкований одних и тех же категорий. Так, под термин "ценность" экономисты подводят "столь различные понятия", как "потребительную" ценность и "меновую" ценность, "действительную" ("реальную") ценность в противовес "номинальной", "рыночную" ценность или цену отличают от "естественной", "нормальной" или "необходимой" ценности. Поскольку исходным пунктом анализа выступает меновое отношение товаров, постольку "мы должны отделиться от всякого рода "ценности" за исключением того, что согласно общепринятой терминологии называется "меновая ценность".

При подобном абстрактном обособлении меновой ценности, по мнению Франка, исчезает принципиальное различие между понятиями "ценности" и "цены". "У большинства английских экономистов "ценность" или "меновая ценность" означает именно меновое отношение между товарами; "ценой" в таком случае называется то же меновое отношение, выраженное в деньгах. Различие между обоими понятиями есть при этом исключительно чисто практическое, и вопрос о причинах, определяющих высоту менового отношения между товарами,

27. Гильбердинг Р. Указ. соч., с.65
28

рассуждения Бем-Баверка об общих свойствах товаров, однако не все аргументы австрийского экономиста воспринимаются им бесприказно. В частности, он считает неуместным возражение против равенства в обмене на том основании, что только неравенство или перевес в пользу кого-либо из владельцев товаров заставляет их совершать меновую сделку. "Если утверждается, что обменивавшиеся товары имеют между собой нечто общее, то... при этом вовсе не подразумевают, что эти товары ничем не отличаются друг от друга: разница тут такая же, как в математике между уравнением и тождеством. Если так, то возможно одновременно равенство в одном отношении и неравенство в другом, а точки зрения Маркса и Бем-Баверка могут мирно ужиться друг с другом".⁴

Из факта существования предметов, обладающих ценностью, но не являющихся продуктами труда (естественные богатства: земля, недра и т.п.), и предметов, чья ценность не сопоставима с трудовыми усилиями на их создание (литературные книги, картины и т.д.) Франк делает заключение, что фактор "редкости" благ - это более общее основание теории меновой ценности, нежели затраты труда. Свойством редкости по отношению к потребности обладают как свободно воспроизводимые, так и невозпроизводимые блага. "С одной стороны, известно, что только те земли и другие естественные блага обладают меновой ценностью, которые не имеют в неограниченном, сравнительно с человеческими потребностями, количестве. С другой стороны, так же хорошо известно, что и труд затрачивается только на производство тех благ, которых нельзя найти в природе в достаточном количестве".⁵ Следовательно, сам факт затраты труда указывает на редкость производимых им благ.

Подводя итоги критического анализа теории ценности Маркса, Франк формулирует выводы, в которых нашли отражение точки зрения Зомбарта, Бем-Баверка, Кнуса, Менгера. "Трудовая теория меновой ценности не может быть признана правильной; труд не есть единственный фактор, определяющий высоту меновой ценности, а потому не может служить ни мерилом ее, ни ее "субстанцией", дающей товарам возможность привраиваться друг к другу в процессе обмена. Следующие соображения... противоречат трудовой теории ценности:

1) Меновой ценностью обладают блага, не созданные трудом или невозпроизводимые.

4. Франк С.Л. Указ. соч., с.21 - 22
5. Франк С.Л. Указ. соч., с.38
28

может безразлично исследоваться под заголовками "теории ценности" и "теории цены". Наоборот, у большинства немецких экономистов, а также у Маркса и его последователей, различие между "ценностью" и "ценой" более глубоко, но за то и более неопределенно. Под "ценой" подразумевается обыкновенно фактическое, более или менее случайное, меновое соотношение товаров ("рыночная цена"), тогда как "ценность" называется с одной стороны, известное среднее, более или менее устойчивое, меновое отношение, закономерность которого легко установить, а с другой стороны - не вполне определено - известное качество товаров или известное отношение к ним обстоятельство, дающее им способность приобрести на рынке "цену", т.е. обменяться на другие товары. С нашей точки зрения эта последняя терминология должна быть решительно отвергнута".¹

С.Л. Франк обосновывает свою позицию желанием избежать логических неувязок. Прежде всего, "среднее меновое отношение" есть такое же меновое отношение, как и всякое другое, и нет нужды придумывать для его обозначения особый термин. Наоборот, только сознательно запугивая существо дела, можно наречь одинаковым именем меновое отношение и причины, влияющие на него.

Так, например, у Маркса с одной стороны "меновая ценность" называется меновое отношение между товарами, пропорциональное сравнительному количеству труда, затраченному на их производство, причем это меновое отношение противопоставляется всем прочим, которые называются "ценами", с другой же стороны - самый факт затраты труда или способность товара, на который затрачен труд, обмениваться на другие товары, носит также название меновой ценности, хотя бы в действительности товар тот обменивался на другие не пропорционально затрете труда, и следовательно не обладал "меновую ценность" в преддущем смысле".²

Далее Франк заявляет, "что критика, которой была подвергнута теория ценности Маркса, доказала неопровержимо неправоту трудовой теории меновой ценности. Все более или менее веские возражения, которые встретила эта критика, доказывали и могли только доказать, что трудовая теория оправдана в применении не к меновой ценности, а к некоторому другому явлению, обозначаемому у Маркса также термином "ценность".³

В подтверждение сказанному выше автор повторяет известные

1. Франк С.Л. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. СПб, 1900, с.15 - 16
2. Франк С.Л. Указ. соч., с.17
3. Франк С.Л. Указ. соч., с.18
27

2) Так называемые "рыночные цены" от сравнительной затраты труда не находятся ни в какой зависимости.

3) "Средняя", "нормальная" или "естественная" цена... также трудом не определяется.

4) Зависимость ее от издержек производства в смысле Рикардо и Маркса, что служит предпосылкой трудовой теории ценности, также нарушается наличием "абсолютной ренты" и не полной переносимостью капитала и труда.

5) Трудовой теории меновой ценности противоречит равноценность продуктов различного рода труда; она несоединима также с правильной теорией ценности труда.

6) Понятие "общественной необходимости" труда само указывает на то, что источником меновой ценности служат не сам труд, а общественная потребность в нем".⁶

Последний вывод конкретизирует теоретические положения 3 тома "Капитала", отсылает их к эмпирическим наблюдениям. Маркс говорил о пропорциональной зависимости между изменением цен и предложением товаров в условиях заданного размера спроса (общественной потребности). Однако такой строгой пропорциональности в действительности не существует. "Цены одних продуктов (главным образом, предметов необходимости) повышаются и падают быстрее уменьшения или увеличения их предложения, чем другие (предметы роскоши) - медленнее".⁷

"Трудовая ценность" продукта находится в зависимости от его рыночной цены. "Если рыночная цена различных продуктов с изменением предложения изменяется с различной быстротой, то это, как известно, объясняется тем, что по мере насыщения потребности, единицы данного продукта становятся все менее "необходимыми", и что притом для каждого рода благ убывает этой "необходимости" подчиняется особым законам; по мере увеличения или уменьшения "необходимости" для общества данной группы благ растет или падает количество труда, которое общество соглашается давать за них. Поэтому, если понятие "общественно-необходимого труда", как источника ценности, есть... шаг вперед в теории меновой ценности, то под ним нужно подразумевать то, что источником меновой ценности служат не только большее или меньшее количество "общественно-необходимого труда", но и большая или меньшая необходимость этого труда".⁸

Собственные взгляды С.Л. Франка несомненно и интересны. После
6. Франк С.Л. Указ. соч., с.121
7. Франк С.Л. Указ. соч., с.119
8. Франк С.Л. Указ. соч., с.120
29

долгого перечисления целого списка контраргументов, он утверждает, что ими не уничтожается "важное значение трудовой теории ценности". Более того, "не в трудовой теории меновой ценности лежит основное значение теории Маркса и не из нее вытекают наиболее важные его выводы".⁹ В частности, учение о прибавочной стоимости не теряет своей силы при обмене товаров по рыночным ценам (ценам производства), которые устойчиво отклоняются от затрат труда на изготовление продуктов. Капиталисты "как класс" и в этих условиях извлекают "прибавочную ценность" из труда рабочих. "Категория прибавочной ценности независима от формы ее распределения. Поэтому и значение этого основного вывода из трудовой теории ценности — именно теория прибавочной ценности — независимо от правильности или неправильности трудовой теории меновой ценности".¹⁰

"Большая заслуга" Маркса, по мнению Франка, заключается в резком ограничении "понятия меновой или относительной ценности и той ценности, которую мы называем абсолютной". Однако марксово понимание абсолютной ценности не устраивает автора критического этюда, о чем свидетельствуют следующие "рекапитулируемые" результаты анализа. "Трудовая теория меновой ценности оказывается неверной; меновое отношение между товарами не определяется сравнительной затратой труда на производство товаров, или по крайней мере не ею одно. Но меновая ценность не тождественна с ценностью вообще, а составляет лишь специальный вид последней; наряду с ней мы должны допустить наличие абсолютной ценности, в смысле известного свойства товаров, отличного от менового отношения между ними и составляющего принадлежность каждого товара в отдельности. У предшественников Маркса мы находим только намеки на признание подобной ценности, но не имеем выяснения ее содержания. У самого Маркса имеется выработанная теория абсолютной ценности; однако теория эта страдает известной двойственностью. Поскольку Маркс представляет себе абсолютную ценность непосредственно связанной с меновой и составляющей только потенциальную способность к последней, его теория абсолютной ценности разделяет все недостатки трудовой теории меновой ценности. Поскольку же у Маркса мы встречаем противоположные указания на независимость абсолютной ценности от меновой и, следовательно, от общественных отношений производителей, понятие абсолютной ценности выигрывает в материальной правильности, но проигрывает в опре-

9. Франк С.Л. Указ. соч., с.161
10. Франк С.Л. Указ. соч., с.162

30

тат действия общего закона субъективной ценности в применении к каждому отдельному случаю".¹³

Изложенное учение об абсолютной ценности "имеет глубокое социологическое значение, которое далеко еще не выдвинуто его представителями" из-за их "одностороннего индивидуалистического направления". Франк подчеркивает, что "хозяйственная ценность есть основное свойство благ, вытекающее из психологической стороны хозяйства" и относящееся не только к "чисто индивидуальному", но и к общественному хозяйству, причем независимое от исторической формы обмена.

Однако внеисторичность подхода вынуждает строить условные научные модели (гипотетические хозяйства) и с ними сопоставлять теоретические выводы, сохраняя видимость практической деятельности. Поэтому для обоснования собственных взглядов Франк сперва обращается к хозяйству Робинзона на необитаемом острове, что делал многие экономисты и до него. Именно в таком изолированном хозяйстве оценка благ по предельной полезности совпадает "с оценкой их по затраченному на их производство труду. Труд как общее условие создания благ, становится общим мерилем субъективной ценности. Субъективная ценность продуктов труда совпадает, таким образом, с их трудовой ценностью, т.е. является результатом оценки благ пропорционально затраченному на их производство труду".¹⁴

Затем следует заверение, что понятие общественного хозяйства не составляет "логической антитезы понятию хозяйства изолированного". Ибо, "кто является субъектом хозяйства — для понятия изолированного хозяйства безразлично. Если у Робинзона на его острове появляется помощник в лице Пятницы, то от этого не меняется характер его хозяйства; оба они вместе образуют теперь того субъекта хозяйства, деятельность которого служит условием удовлетворения их потребностей. Ничего не изменится, далее, в характере хозяйства, если мы на место Робинзона и Пятницы поставим, положим, целую крестьянскую семью, удовлетворяющую все свои потребности собственным трудом своих членов; и так же мало, наконец, изменится дело, если мы возьмем социальную группу, которую Маркс называет "общим свободным производителям". Во всех этих случаях сохраняется полная аналогия с изолированным хозяйством, субъектом которого является отдельный человек".¹⁵

13. Франк С.Л. Указ. соч., с.205 - 206
14. Франк С.Л. Указ. соч., с.234
15. Франк С.Л. Указ. соч., с.244

32

деленности".¹¹

Ход мысли С.Л. Франка оригинален, а критика созидательна. Он ищет возможности по-новому истолковать некоторые положения трудовой теории ценности и даже развить их. В этом ему "помогают" непримиримые оппоненты Маркса, представители австрийской или психологической школы — Бем-Баверк, Менгер, которые первыми указали "на необходимость специального изучения абсолютной ценности" и дали "отрывное учение о последней".

"Абсолютная ценность" была найдена психологической школой "в субъективной хозяйственной ценности", которая присуща благам независимо от их менового отношения и от "особенностей исторической формы" обмена. "Так как хозяйственная ценность есть не что иное, как известное психологическое состояние, сводящееся к сознанию зависимости между обладанием данными благами и удовлетворением потребности в нем, то вполне естественно, что чем сильнее, чем интенсивнее соответствующая потребность, тем интенсивнее выражается и чувство значения или важности для нас этого обладания, тем выше будет хозяйственная ценность блага. Высота ценности блага определяется, таким образом, интенсивностью той потребности, удовлетворение которой зависит от обладания этим благом".¹²

Согласно исходному постулату психологической школы, субъективная ценность блага определяется его предельной полезностью, т.е. способностью удовлетворить низшую по интенсивности потребность. По мнению Франка, такое отождествление ошибочно. "Общий закон субъективной ценности состоит только в том, что высота ее определяется интенсивностью потребности, удовлетворение которой находится в зависимости от обладания данным благом. Этот общий закон, в связи с другим общим правилом, определяющим, что при выборе между удовлетворением различных потребностей, низшая потребность приносится в жертву высшей — управляет субъективной ценностью всех без исключения благ. Совпадение субъективной ценности с предельной полезностью есть лишь наиболее частый случай в комбинации обоих этих правил, но никак не самостоятельный первичный закон. Определяется ли субъективная ценность блага его субъективной полезностью, или полезностью другого блага, и в обоих случаях, высшей или высшей полезностью или же полезностью, не допускающей расчленения по степеням, — все это есть резуль-

11. Франк С.Л. Указ. соч., с.192
12. Франк С.Л. Указ. соч., с.202

31

Качественное, принципиальное различие между индивидуальным воспроизводством и воспроизводством всей национальной экономики в целом Франк пытается преодолеть с помощью упрощенных логических переходов. Например, предполагается "единство чувства ценности" во всех членах социальной группы. "Хотя психологическими субъектами этого чувства остаются, конечно, эти последние, но источником его являются не их личные потребности, а потребности и интересы социальной группы, или, точнее, их личные потребности, поскольку они по своему содержанию соответствуют содержанию общей потребности социальной группы. Мы имеем, следовательно, перед собой общественную субъективную ценность, не в том смысле, что общество является психологическим субъектом чувства ценности, а в том, что источниками этого чувства служат интересы всего общества".¹⁶

В этой абстрактной общности легко тонут все индивидуальные особенности. "Не только ценность будет в данном случае общественной ценностью; точно так же и деятельность субъекта хозяйства, в зависимости от которой стоит создание благ, и сравнительная затрата которой поэтому определяет ценность этих благ, будет общественной. Ценность благ, входящих в состав общественного дохода, будет пропорциональна доле общественного труда, потраченной на их производство. Труд отдельных членов общества, если мы рассматриваем общество, как единый субъект хозяйства, есть лишь составная часть одного общественного труда, функционирующего, как одно целое".¹⁷

При всей кажущейся полноте исходных предпосылок австрийской школы и марксизма у них отмечаются общие моменты. Так, в обосновании своей теории ценности Маркс руководствуется представлением о планомерном общественном хозяйстве, об общественном субъекте. Неудачно он проводит параллель между общественным хозяйством и хозяйством Робинзона. Парадоксальная аналогия объясняется тем, что крайний индивидуализм психологического направления и марксова нерасчленимая "всеобщественность" одинаково далека от реальной жизни. Обе теории приходится согласовывать с экономической действительностью, дополнять разделениями о конкуренции, о стихии рынка и производства. Это не ускользнуло от взгляда Франка. Любопытно его следующее замечание: "характеристика, которую Маркс дал в своем учении об 'анахии производства', имеется также и у главы психологического направления — Карла Менгера".¹⁸

17. Франк С.Л. Указ. соч., с.248

33

С.Л.Франк стремится исправить схематизм и упрощения, введенные в ущерб научной точности. "Анархия производства" и, как логическая противоположность ей, сознательное руководство всем общественным хозяйством — эти два типа общественных отношений суть лишь общие понятия; а не реальные явления. Реально мы можем себе представить только большую или меньшую степень "общественности" хозяйства или, наоборот, отсутствия подобного общественности. Во всяком обществе — именно потому, что оно есть общество — часть функций выполняется сознательной деятельностью органов общества, и общественные отношения отличаются друг от друга не по присутствию и отсутствию этих центральных органов, воля которых руководит общественным механизмом, а по количеству и характеру функций, подчиненных этому руководству. Поэтому мыслим постепенный переход из одной общественной формации в другую, посредством прогрессивного сужения сферы стихийного взаимодействия деятельности и соответствующего расширения сферы сознательного управления деятельностью членов общества".¹⁸ Отсюда выводится заключение, что и общественная оценка имеет место постоянно и только распространяется на больший или меньший круг хозяйственных функций.

Сводя воедино свои рассуждения, Франк дает определение трудовой ценности и описывает место трудовой теории ценности в общей экономической теории. "Трудовая ценность есть общественная субъективная ценность дохода в общественном хозяйстве". "Трудовая теория ценности не применима к меновой ценности; отношение в котором обмениваются между собой товары, не стоит в непосредственной зависимости от сравнительного количества труда, затраченного на их производство". "Если для трудовой ценности остается место, то это — место подлагаемого общего понятия субъективной ценности". "Субъективная ценность совпадает с трудовой ценностью для всех свободно-воспроизводимых благ... Субъективная ценность этих благ будет пропорциональна сравнительной затрате труда на их производство, только с точки зрения общественной оценки, т.е. если исходить из представления о народном хозяйстве, как о целом и оценивать блага так, как их оценивал бы орган всего общества, который распределял общественным хозяйством".¹⁹

Франк не просто критикует схему Маркса, но предпринимает

18. Франк С.Л. Указ. соч., с.250

19. Франк С.Л. Указ. соч., с.251

20. Франк С.Л. Указ. соч., с.256, 257

нича части общественного дохода посредством продажи их продукта; при этом меновая ценность продукта, т.е. меновое отношение его к другим продуктам, определяется способностью производителей захватывать большую или меньшую часть общественного дохода в свою пользу, иными словами, сравнительной силой, которой обладают отдельные члены общества в борьбе за распределение".²³

"Теория, устанавливающая зависимость меновой ценности от распределения экономической силы между членами общества, в равной мере применима к обменным рынкам: как при обмене продукта на труд, так и при обмене продукта на продукт доли дохода, выпадающая каждому из контрагентов, определяется высотой его экономического или социального могущества".²⁴

Если исходным пунктом анализа распределения должно служить, по мнению С.Л.Франка, представление о неравенстве сил и об обмене продуктов не пропорционально затрате общественного труда на их производство, то фактически это неравенство социальных сил и "уклонение" меновой ценности от пропорциональности затратам труда в разных случаях может быть различно.

"В одних случаях неравенство сил очень велико и непосредственно бросается в глаза, в других — оно может быть охарактеризовано, как приближенное равенство. Легко видеть, какие роды обмена подходят под каждую из этих категорий. Так как деление на классы капиталистов и рабочих есть в сущности не что иное, как деление на две группы с резко выраженным неравенством сил, и так как неравенство сил между отдельными членами одного и того же класса имеет сравнительно незначительные размеры, то весьма естественно, что обмен между этими классами особенно ясно характеризуется обогащением сильнее контрагента насчет слабейшего, тогда как обмен внутри одного и того же класса есть приблизительно обмен равноценностями. Это, именно, положение дела привело к той конструкции схемы распределения, которую мы находим у Маркса. Чисто эмпирическое различие между двумя видами обмена было обращено им в различие принципиальное, а констатирование этого различия положено в основу теории распределения. Теоретически это было ошибкой, и благодаря этому трудовая теория меновой ценности не может претендовать на научное значение. Но эта ошибка опиралась на наблюдение действительного факта, и потому не привела к неправильной практической оценке современного экономического строя, не осудила выводы из

23. Франк С.Л. Указ. соч., с.283

24. Франк С.Л. Указ. соч., с.285

усилия по их уточнению, конкретизации, выдерживая логику от теории к практике. Это касается процессов обмена и распределения доходов. В I томе "Капитала" Маркс исследует только обмен двух видов: эквивалентный между владельцами товаров (т.е. внутри класса капиталистов) и неравноценный обмен труда наемных работников на продукт этого труда, принадлежащие капиталистам (т.е. межклассовый обмен). В последнем случае происходит присвоение неоплаченной прибавочной ценности капиталистами и распределение дохода между ними и рабочими. В III томе "Капитала" полагается вторичное распределение доходов, осуществляемое при обмене товарами внутри капиталистического сословия. Но по-прежнему сохраняется обособление процесса "извлечения" прибавочной ценности от ее распределения.

"Не нужно забывать, однако, что такое представление есть абстрактная схема, в которой ради упрощения отделено друг от друга то, что слито в действительности. В реальной хозяйственной жизни мы знаем обмен товаров, наем труда, аренду земли и много других хозяйственных отношений, но не знаем "извлечения прибавочной ценности".²¹ "Извлечение" и "распределение" прибавочной ценности "не суть два отдельных самостоятельных акта, потому что они вообще не суть реальные хозяйственные действия", а лишь отношения, обнаруживающиеся как результат последних. В каждом из этих действий одна сторона может получить большую сумму ценностей в обмен на меньшую или наоборот.

Марксистская теория распределения "получает относительное оправдание" в условиях резкой поляризации общества на крупных капиталистов и наемных рабочих. "Но если мы обратим внимание на переходные группы, то мы ясно увидим неточность этой схемы. Крестьянин, владелец средств производства и может быть даже покупатель рабочей силы, может, смотря по изменяющимся хозяйственным условиям, то "извлекать" прибавочную ценность, то "отдавать" ее. Кустарь, нанимающий рабочих, может также, смотря по случайным условиям производства, то извлекать прибавочную ценность, то отдавать ее кустарю или фабриканту".²²

Не отрицая марксистского понимания прибавочной ценности, Франк считает его частным случаем и пытается найти более широкое основание. Он предлагает свою схему, которая "включается в том, что некоторые условия — предполагаемые здесь известными — дают отдельным производителям право и фактическую возможность присво-

21. Франк С.Л. Указ. соч., с.273

22. Франк С.Л. Указ. соч., с.276

этого исходного пункта на бесплодность. Учения Маркса о несостоятельности средних цен с трудовой ценностью, об уклонении рыночных цен от средних и колебания вокруг них — все они служат попыткой примирить реальное неравенство социальных сил даже и в пределах одного общественного класса с конструированием идеального равенства, которое опирается на реальный факт приближенного равенства".²⁵ Это представление Маркса "сохраняет свою силу, не как основа теоретической системы", а как "констатирование" реального неравенства в распределении социальной силы между производителями капитала и труда, "наряду с которым ступенчатая все остальные виды социального неравенства".

4. Англикан Н.И.Бухарина

Совершенно иной взгляд на соотношение теорий ценности К.Маркса и австрийской школы присутствует в работе Н.И.Бухарина "Политическая экономия рента". Теория ценности и прибыли австрийской школы, написанной в 1914г. В отличие от С.Л.Франка, пытавшегося перекинуть мостики между двумя отдаленными доктринами, творчески соединить их в новых научных выводах, Бухарин старается показать несостоятельность психоэкономического направления и тем самым утвердить марксизм в качестве единственно верного учения. "Самый выбор объекта критики, по его мнению, не нуждается в длинных объяснениях. Общепризнано, что наиболее сильным врагом марксизма является как раз австрийская теория".¹

Книга "Политическая экономия рента" представляет несомненный интерес, ибо демонстрирует еще одну возможность толкования марксовой учения, уже в качестве эталона для примерки и оценки иных концепций. Поскольку все познается в сравнении, поскольку полемическое сопоставление взглядов Бем-Баверга ("самого яркого представителя" и признанной "главы" австрийской школы) о воззрениях сторонников Маркса делает более наглядными аргументы за и против рассматриваемых теорий.

Бухарин начинает с критики методологических основ теории предельной полезности, ибо "метод связывает воедино отдельные положения всей теоретической системы". "Для марксизма характерны следующие социологические основы экономической науки: признание

25. Франк С.Л. Указ. соч., с.316 — 317

1. Бухарин Н.И. Политическая экономия рента. Теория ценности и прибыли австрийской школы. Репринтное воспроизведение издания 1925 года. М., 1988, с.5

примата общества над личностью, признание исторически переходящего характера всякой экономической структуры, наконец, признание доминирующей роли производства. Наоборот, для австрийцев характерен методологический индивидуализм, неисторическая точка зрения, постановка во главу угла анализа потребления.²

Излагая метод Маркса, Бухарин приводит некоторые высказывания по этому поводу В. Зомбарта. Например, система Маркса есть "проявление крайнего объективизма"; "у Маркса никогда не идет речь о мотивации, но всегда лишь о лимитации (ограничении)" индивидуальной свободы хозяйствующих субъектов. Ход мысли в "Капитале" таков: "Цены образуются конкуренцией, как - это остается в стороне. Но конкуренция, в свою очередь, регулируется нормой прибыли, норма прибыли - нормой прибавочной ценности, эта последняя - ценность, которая сама является выражением общественно обусловленного факта, общественной производительной силы. В системе это изображается в обратной последовательности: ценность - прибавочная ценность - прибыль - конкуренция - цены".³

Общество как целое "определяет собою в каждый данный момент явления индивидуально-хозяйственной жизни. У марксистов речь идет об обществе, "как бессубъектной системе". "Другими словами, Маркс исследует закономерности результатов индивидуальной воли, не занимаясь исследованием их самих; он исследует закономерность общественных явлений безотносительно к их связи с явлениями из области индивидуального сознания".⁴

У Бем-Баверна, наоборот, исходным пунктом анализа выступает обособленный индивид. "Перед нами проходят: путешественник в пустыне, изолированный от всего мира сельский хозяин, поселенец, избушка которого одиноко стоит в первобытном лесу и т.д. Такие же примеры мы видим и у К. Менгера: обитатель первобытного леса, житель оазиса, близорукий индивидум на уединенном острове, изолированно-хозяйствующий земледелец, потерпевшие кораблекрушение и т.д."⁵ Но эта "старая" и "почтенная" точка зрения "абсолютно неверна", поскольку "хозяйственная деятельность индивидуума пред-полагает, как свое условие, определенную общественную среду, в которой выражается социальная связь отдельных хозяйств".⁶

"Правда, - оговаривается Бухарин, - индивидуальные мотивы оказывают "обратное влияние"; но нам важно установить, что сами

2. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 30
3. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 32
4. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 35
5. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 37
6. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 38

производства". Стояда вытекает, "что данное количество продукта, предполагающее статистику в области производства, предполагает и статистику в области потребления, т.е. статистику во всем комплексе экономической - а следовательно, и всякой другой - жизни".¹⁰ Стало быть, теряется из виду переломный исторический момент и вместе с ней пропадает прогностическая функция политической экономии.

Вслед за порицанием методологии "австрийцев" Бухарин приступает к критике собственно теории ценности психологического направления. Причем ему приходится преодолеть трудности понятийного характера, искать опроверженные пункты полемики. Ведь понятие ценности совершенно разнородно у различных ученых, в частности, "ценность Маркса не имеет никаких точек соприкосновения с ценностью Бем-Баверна". Но "как ни разнообразна, даже подчас противоположна определения ценности, все же у всех есть нечто общее. Этим общим является то, что ценность мыслится, как норма обмена, что понятие ценности служит нам для объяснения цен".¹¹

Таким образом, именно цена представляет собой тот узловой пункт, без которого не обходится ни одна теория ценности (стоимости). Именно цена лежит в основе всех дальнейших противопоставлений Бухарина: "у Маркса понятие ценности является выражением общественной связи между двумя общественными явлениями, производительностью труда и ценами... у Бема понятие ценности служит выражением связи между общественным явлением цены и индивидуально-психологическим явлением единичной оценки".¹²

"Для австрийской школы" руководящим понятием является полезность; в то время как у Маркса полезность является лишь условием для возникновения ценности и не играет никакой роли в образовании той или иной величины ее, у Бем-Баверна ценность выводится из полезности, служит ее непосредственным проявлением.¹³

Бесспорное достижение австрийской школы - это детальный анализ потребностей: во-первых, в их разнообразии; во-вторых, по степени напряженности (интенсивности) потребностей в пределах одного вида. Различные потребности можно располагать по степени их возрастающей или убывающей важности для благополучия субъекта, т.е. строить "шкалу (шкалу)" потребностей. В свою очередь, интенсивность потребности данного вида зависит от степени ее насыщения: чем более она удовлетворена, тем менее она настоя-
10. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 56
11. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 32
12. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 33
13. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 38

они уже заранее имеют социальное содержание, а следовательно, из мотивов изолированного субъекта нельзя вывести никаких "социальных законов".⁷ Автор верно подмечает, что "нельзя перейти от чисто индивидуального к социальному". Это - качественно различные уровни экономического анализа, и между ними должен лежать целый ряд промежуточных логических переходов.

Психологический подход не может дать "никакой общей теории цены или теории меновой ценности", ограничиваясь простым описанием. Попытки построения научной схемы, отталкиваясь от Робинзонада, "с неизбежностью должны приводить к порочным кругам в теоретической системе, потому что, поскольку мы хотим оставаться в рамках общей теории, постольку мы должны признать социальный элемент за данную величину, вместо того, чтобы объяснить этот элемент; с другой стороны, выйти за пределы этой величины... означает превратить теорию в историю, т.е. перейти в совершенно другую плоскость научного исследования".⁸

В обществе Маркс видит прежде всего "производительный организм", а в хозяйстве - "производительный процесс". У Бем-Баверна же, напротив, "производство отступает на задний план, и на первое место выдвигается анализ потребления, потребностей и желаний хозяйствующего субъекта". А раз так, то хозяйственные блага рассматриваются не как продукты, а как заранее "данное их количество, их запас, неизвестно откуда взвешиваясь". Поэтому Бем-Баверк при анализе ценности заставляет своих Робинзонов не производить блага, а терять или "лишать" их; при этом самая возможность производства или воспроизводства рассматривается лишь как "оо-ложивший момент", а не как такое явление, которое подлежит анализу в первую голову. Вполне логично, что основным понятием австрийской школы является "полезность", из которой выводится и понятие субъективной, а затем и объективной ценности. Понятие полезности отнюдь не предполагает никаких "трудных затрат", никакого производства; оно выражает не активное, а чисто пассивное отношение к вещам, не "предметную деятельность", а отношение к неизменному данному".⁹

Несмотря на то, что без потребления нет производства и потребности всегда являются движущим мотивом хозяйственной деятельности, все-таки "динамика потребностей обуславливается динамикой

7. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 39
8. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 43
9. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 55

39

тельна. Ценность блага определяется ниже в шкале (занимающей промежутое место), наименее важной, "предельной потребностью" ("величиной предельной пользы").

Однако, здесь "экономики-психологи" столкнулись с отсутствием единицы измерения субъективной ценности и констатировали возможность произвольного выбора любого вида оценки (условных единиц, экономических показателей и просто цифровых значений). К тому же ценность совокупности единиц не обязательно равна ценности единиц, умноженной на их число. По мнению Бухарина, отсутствие пропорциональности между ценностью суммы и количеством слагаемых хозяйственных отношений есть фикция. "Ни один агент современного производства и обмена - ни продавец, ни покупатель - не вычисляет ценности "запаса", т.е. определенной совокупности благ, по бем-баверковскому методу. Теоретическое зеркало главы новой школы не только искажает здесь "катейскую практику": его "отражения" просто не имеют соответствующих фактов".¹⁴ Ибо каждая "хозяйка" в своей "практике" исходит от установившихся цен - с одной стороны, и сумм имеющихся в распоряжении денег - с другой. Только в этих пределах может происходить известная расценка по полезности".¹⁵

В конце концов предполагаются данными рыночные цены в качестве первичного условия индивидуальной оценки. Если допустить куплю и продажу, то тем самым вводится и объективно данная цена. "Но так как задача Бема как раз в том и состоит, чтобы последнюю величину вывести из субъективных оценок, то ясно, что все развитое нашим автором учение о субституционной (взаимозаменимой - Г.Ч.) пользе есть не что иное, как должный круг: объективная ценность объясняется субъективными оценками, которые, в свою очередь, объясняются объективной ценностью".¹⁶

Далее. "В качестве последней инстанции, определяющей цену, появляется закон спроса и предложения, который, с точки зрения самих австрийцев, в свою очередь, должен быть сведен к законам, управляющим субъективными оценками, т.е. "последнем счете", к закону предельной полезности. В самом деле, если цену можно удовлетворительно объяснить без дальнейших пояснений одним лишь законом спроса и предложения, - резонно задает вопрос Бухарин, - то к чему тогда вся теория субъективной ценности?"¹⁷ Спать вы-

14. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 78
15. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 70
16. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 82
17. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 91 - 92

41

свечивается замкнутый круг взаимных объяснений, в котором причина требует своего обоснования через свое логическое следствие.

Тем не менее Бем-Баверк правильно пытается теоретически детализировать действие факторов спроса и предложения ("закона цен"), выделив: 1) число желаний или требований, относящихся к товару; 2) абсолютную величину объективной ценности товара для покупателей; 3) абсолютную величину субъективной ценности денег для покупателей; 4) количество товара, предлагаемого для продажи; 5) абсолютную величину субъективной ценности товара для продавцов; 6) абсолютную величину субъективной ценности денег для продавцов. По его мнению, в продолжение всего процесса образования цены субъективные оценки играют решающую роль, и "поэтому мы в полном правом можем назвать рыночную цену равнодействующей сталкивающихся на рынке субъективных оценок товара и той вещи, в которой выражается его цена". Однако, с этим не соглашается Бухарин: он считал, что "такая точна зрения принципиально недопустима: она игнорирует основную факт общественной связи между индивидуумами, связь, которая дана заранее и которая формирует индивидуальную похоть, заполняя ее общественным содержанием. Поэтому всякий раз, как теория Бема берет индивидуальные мотивы, чтобы из них вывести социальное явление, этот социальный элемент, в более или менее открытом виде, вводится уже заранее, и все построение становится ложным кругом, сплошной логической ошибкой".¹⁸

Н.И. Бухарин верно противопоставляет трудовую теорию ценности как "антитезу" теории предельной полезности. Оба научных течения возникли из одной классической школы политической экономии и единственно две стороны единого целого. "Разорванность" науки неминуемо должна была привести к преследованию односторонности подходов, к творческому обобщению достижений обеих направлений. И за "антитезой" последовал "синтез" - опять в рамках классической школы. Поэтому обращение к "классикам" до и после Маркса освещает новые грани в понимании трудовой теории стоимости, указывает ее место в истории экономической мысли.

5. Классическая школа до и после К. Маркса:

Д. Рикардо и А. Маршалл

Как известно, К. Маркс считал себя прямым продолжателем традиций английского экономиста Д. Рикардо, который "выработал четкое определение стоимости товара рабочим временем", т.е.

18. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 116 - 117

42

первоначально затраченного на их производство, и изменяется в соответствии с изменением "богатства и склонностей лиц, которые желают приобрести их".

Однако А. Смит оказался непоследовательным, хотя и правильно указал "коренной источник" меновой стоимости. "Вместо того чтобы строго держаться принципа, в силу которого стоимость предметов увеличивается или уменьшается в зависимости от увеличения или уменьшения затрачиваемого на них труда, он выдвинул еще другую стандартную меру стоимости и говорит о предметах, стоящих больше или меньше, смотря по тому, на большее или меньшее количество таких стандартных мер они обмениваются. Иногда он принимает за такую меру хлеб, иногда труд - не количество труда, затраченного на производство того или иного предмета, а то количество его, какое можно купить за этот предмет на рынке".⁴

А. Смит "весьма искусно" показывал "недостаточную пригодность такого изменчивого мерила как золото и серебро" для определения стоимости вещей, а сам избрал не менее изменчивое мерило, оставившись на хлебе и труде.

По мнению Рикардо, никакой товар в принципе не может служить стандартной, неизменной мерой стоимости. "Если бы можно было найти товар, для производства которого теперь и всегда требовалось бы то же самое количество труда, то этот товар имел бы неизменяющуюся стоимость и был бы в высшей степени полезен как стандартная мера, при помощи которой можно было бы измерять изменения стоимости других предметов. Но мы не знаем ни одного такого товара и поэтому не в состоянии установить стандартную меру стоимости. Однако ради установления правильной теории весьма полезно определить, каковы должны быть существенные свойства такой меры как для того, чтобы знать причины изменения в относительной стоимости товаров, так и для того, чтобы быть в состоянии определить степень всевозможного влияния этих свойств".⁵ Выход из создавшейся ситуации автор видит в последовательном сравнении меновых пропорций различных товаров и выявлении изменений в количестве обменивающихся друг на друга вещей.

Вслед за этим Рикардо переходит к изложению узлового пункта своей теории - к рассмотрению практической возможности использования труда в качестве меры стоимости. Сначала рассуждения главы манчестерской школы экономистов звучат внушительно,

4. Рикардо Д. Указ. соч., с. 35

5. Рикардо Д. Указ. соч., с. 38

44

сформулировал исходный постулат трудовой теории стоимости. Однако взгляды Рикардо на труд как на источник стоимости заметно отличаются от их упрощенного толкования творцом "Капитала".

Название первой главы - "О стоимости"¹⁸ - книги Рикардо "Начала политической экономии и налогового обложения" говорит о важности поставленной проблемы. Авторское определение понятия "стоимости" становится основой целостной концепции, которая выстраивается в ходе критического переосмысления наследия своего великого предшественника А. Смита.

Исходная посылка гласит: "Стоимость товара, или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства".¹ Далее, сославшись на А. Смита, Рикардо обращает внимание на двойственное значение термина "ценность" (стоимость). Во-первых, "потребительная стоимость" символизирует "полезность какого-нибудь предмета". Во-вторых, "меновая стоимость" характеризует "возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом".

Из двух факторов обмена - спроса (потребления) и предложения (производства) - Рикардо отдает предпочтение последнему. "Полезность не является мерой меновой стоимости", хотя "она существенно необходима" для товарного обращения. "Товары, обладающие полезностью, черпают свою меновую стоимость из двух источников: своей редкости и количества труда, требующегося для их производства".² "Поддающееся большаинству" благ "доставляется трудом", и количество их, по мнению Рикардо, "может быть увеличиваемо не только в одной стране, но и во многих в почти неограниченном раз-мере".

"Вот почему, говоря о товарах, их меновой стоимости и законах, регулирующих их относительные цены, мы всегда имеем в виду только такие товары, количество которых может быть увеличено человеческим трудом и в производстве которых действие конкуренции не подвергается никаким ограничениям".³

Стоимость же редких благ не может быть понижена в силу роста предложения. Она "современно не зависит" от количества труда,

и Употребление термина "стоимость" вместо термина "ценность" соответствует году издания книги и общепринятому современному его пониманию.

1. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955, с. 33

2. Рикардо Д. Указ. соч., с. 33

3. Рикардо Д. Указ. соч., с. 34

43

но постепенно их убедительность развевается и фактически сходит на нет. "Если я говорю, что труд является основой всякой стоимости и что относительное количество его определяет почти исключительно относительную стоимость товаров, то из этого еще не следует, что и упущено из виду различия в качестве труда и трудность сравнения между часом или днем труда в одной отрасли промышленности с трудом той же продолжительности в другой. Оценка труда различных качеств скорее устанавливается на рынке с достаточной для всех практических целей точностью и в значительной мере зависит от сравнительного искусства рабочего и напряженности выполняемого им труда. Раз сложившаяся шкала подвергается незначительным изменениям. Если день труда швейцара стоит больше, чем день труда простого рабочего, то это отношение уже давно установлено и заняло свое надлежащее место в шкале стоимости".⁶

Здесь предполагается доказанным то, что еще требуется доказать, т.е. что качественно разнородные виды труда соизмеримы и что этот процесс соизмерения успешно протекает на рынке. В подтверждение сказанному выписана длинная, весьма противоречивая цитата из фундаментального труда А. Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов", в которой есть такие слова: "Хотя труд является действительным мерилом меновой стоимости всех товаров, стоимость их обычно расценивается не в труде... Правда, обычно при обмене продуктов принимается во внимание степень трудности и ловкости. Однако при этом не имеется никакого точного мерила, и дело решают рыночная конкуренция и ответственность с той грубой справедливостью, которая не будучи вполне точной, достаточна все же для обычных житейских дел".⁷

Чувствуя шаткость занимаемых позиций, Рикардо делает шаг назад, переводя вопрос из практической плоскости в область теоретических допущений: "Так как анализ, на который и хочу обратить внимание читателей, ставит себе целью исследовать изменение не абсолютной, а относительной стоимости товаров, то для нас не представляет интереса сравнительная оценка различных видов человеческого труда. Мы можем с достаточным основанием принять, что, каково бы ни было первоначальное неравенство между ними, насколько бы больше ни требовалось ловкости, искусства или времени для овладения одним ремеслом по сравнению с другим ремеслом будет продолжат существовать почти без перемен из поколения в поколение или по крайней мере, что имеющее место изменения весьма

6. Рикардо Д. Указ. соч., с. 40

7. Цит. по: Рикардо Д. Указ. соч., с. 41

45

незначительны; поэтому для коротких периодов они мало влияют на относительную стоимость товаров".⁸

В этих размышлениях важны два момента. Первое, констатация того факта, что труд, как и товар, не может выполнять функцию абсолютного мерил стоимости. Следовательно, автор "Начал политической экономии" ограничивается постановкой проблемы меновой, относительной стоимости товаров. Второе, изменения затрат труда на производство продукции (производительности труда) происходят довольно медленно и оказывают влияние на сравнительную стоимость товаров преимущественно в длительной перспективе. При анализе краткосрочных промежутков времени ими можно пренебречь.

Практическое использование затрат труда в качестве эталона обмена Рикардо, вслед за А.Смитом, оставляет в прошлом, "первобытным, некультурным состоянием общества", где отсутствуют накопление капитала и частная собственность на землю. В реальной жизни относительная стоимость товаров изменяется независимо от затрат труда из-за повышения или понижения заработной платы в условиях неодинаковых соотношений основного и оборотного капитала различных отраслей, из-за разной долговечности основного капитала на отдельных предприятиях, из-за изменений во времени доставки товаров на рынок. Таким образом, наряду с трудом существует несколько факторов, определяющих относительную стоимость товаров.

В золоте, по мнению Рикардо, мы будем иметь "наибольшее теоретически мыслимое приближение" к стандартной мере стоимости. "Поэтому, хотя я вполне признаю, что золотые деньги подвергаются (в своей стоимости) большинству изменений, которым подвергаются и другие предметы, я все-таки, чтобы облегчить предмет настоящего исследования, буду считать их неизменными (в стоимости)". Таким образом, вопреки изменениям в ценах товаров я буду рассматривать как следствия изменения стоимости того товара, о котором будет идти речь".⁹

Стало быть, от гипотетического прямого натурального обмена через указание конкретизирующих условий (посредством логических звеньев) осуществляется переход к реальным рыночным отношениям, купле-продаже, деньгам, ценам. Место стоимости занимают цены, которыми и посвящается глава IV "О естественной и рыночной цене".

"Если мы принимаем труд за основу стоимости товаров, а

8. Рикардо Д. Указ. соч., с.41

9. Рикардо Д. Указ. соч., с.60

46

Рикардо выглядело более абстрактным, стройным и завершенным. Однако в нем остались внутренние противоречия, которые предопределили дальнейшее развитие экономической мысли в противоположных направлениях.

С одной стороны, продолжая рикардианскую традицию преимущественной ориентации на производство в ущерб потреблению, К.Маркс довел до логического конца, до крайнего выражения трудовую теорию стоимости. Он подверг обработке концепцию Д.Рикардо тем же способом, что и последний систематизировал воззрения А.Смита. Труд был без всяких оговорок признан единственным источником стоимости, причем не только в ценовой (сравнительной, относительной) ее форме, но и в абсолютной. Создавая собственную целостную теорию, К.Маркс пытался привести в соответствие с данным абсолютным исходным пунктом все остальные экономические категории.

С другой стороны, целая группа экономистов психологической школы, упрекая Рикардо в игнорировании влияния на величину стоимости спроса, потребностей, полезности благ, пошла по пути обстоятельного изучения именно этих проблем; объяснила рикардианскую теорию устаревшей. Но в защиту своего соотечественника выступил основоположник кембриджской школы "классического синтеза" англичанин А.Маршалл. В своем многотомном труде "Принципы политической экономии" ("Принципы экономикс") он выделил специальное приложение под названием "Теория стоимости Рикардо", где писал: "Претензии на создание новой теории, которая прямо противуположна старой или которая ведет не к развитию и расширению, а к значительному разрушению ее, по-видимому, не дают никакого продвижения вперед".¹⁴

По мнению автора, надо верно воспринимать глубокие мысли Рикардо в запутанном их изложении. "Если мы хотим понять его правильно, мы должны интерпретировать его широко, шире, чем он сам интерпретирует Адама Смита. Когда его слова двусмысленны, мы должны придавать им то значение, которое он хотел бы — как показывают другие рассуждения из его работ, — чтобы мы им придавали. Если мы делаем это с желанием определить, что он в действительности имел в виду, то оказывается, что его доктрина — хотя она и очень далека от завершенности — свободна от многих ошибок, которые им обычно приписывают".¹⁵

14. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т.Ш, М., 1984, с.284

15. Маршалл А. Указ. соч., т.Ш, с.273 — 274

48

сравнительное количество труда, необходимого для их производства, за регулятор, определяющий соответствующие количества товаров, которые должны обмениваться друг на друга, то из этого еще не следует, что мы отрицаем случайные и временно отклонения действительной или рыночной цены товаров от этой их первичной и естественной цены".¹⁰

Цены всех товаров подвергаются изменениям из-за несоответствия поставок товаров с нуждами и желаниями людей. "Только вследствие таких изменений на производстве различных товаров, на которые существует спрос, и уделяется ровно столько капитала, сколько требуется, а не больше. С повышением или падением цен прибыль поднимается выше или опускается ниже общего уровня, и приток и отлив капитала к известной отрасли промышленности, в которой произошло такое изменение, то поощряется, то задерживается".¹¹

Стремление каждого капиталиста перемещать свои фонды из менее прибыльных в более прибыльные дела не позволяет рыночной цене товаров надолго оставаться или много выше, или много ниже их естественной цены. "Именно конкуренция устанавливает меновую стоимость товаров на таком уровне, при котором после выдачи заработной платы за труд, необходимый для их производства, и покрытия всех прочих расходов, требующихся для того, чтобы примененный капитал сохранял состояние своей первоначальной пригодности, остаток стоимости, или избыток ее, будет в каждой отрасли пропорционален стоимости затраченного капитала".¹² С появлением в теоретической схеме конкуренции вместо затрат труда начинают фигурировать затраты капитала, зарплата, издержки производства, прибыль.

Вероятно, к перечисленным конкретным хозяйственным формам нужно отнести завершающие слова: "Итак, говоря о меновой стоимости или покупательной силе того или другого товара, я всегда разумел ту покупательную силу, которой он обладал бы, если она не нарушалась временными или случайными причинами, и которая представляет его естественную цену".¹³

Таким образом, теория стоимости Д.Рикардо логически построена по принципу дедуктивных переходов от общего к частному (конкретному), от научных абстракций к практике. И в конечном итоге названия экономических категорий у него совпадают с реальными хозяйственными формами. По сравнению с предшественниками, учение

10. Рикардо Д. Указ. соч., с.81

11. Рикардо Д. Указ. соч., с.81

12. Рикардо Д. Указ. соч., с.83

13. Рикардо Д. Указ. соч., с.84

47

Маршалл считает, что Рикардо исходит из полезности, ибо ее "влияние (на стоимость — Г.Ч.) относительно просто", а затем анализирует издержки производства, потому что их "влияние не очевидно". Издержки производства, в свою очередь, зависят от пяти моментов: 1) количества непосредственно примененного труда; 2) качества этого труда; 3) труда, затраченного ранее на орудия труда; 4) от продолжительности периода доставки товаров на рынок; 5) от последующего влияния нормы прибыли на относительную стоимость.

"И тем не менее Робертс и Маркс обращаются к авторитету Рикардо, доказывая, что естественная стоимость товаров определяется исключительно затраченным на них трудом; и даже те немецкие экономисты, которые наиболее настойчиво опровергают выводы этих авторов, часто вынуждены соглашаться, что они правильно интерпретируют Рикардо и их выводы логически вытекают из его выводов".¹⁶ Это связано, по мнению Маршалла, с "недоговорками" Рикардо, с неправильным подходом к изложению. "Было бы лучше, если бы он время от времени повторял полжение о том, что стоимости двух товаров следует считать в долговременном аспекте пропорциональными суммам затраченного на их производство труда только при прочих равных условиях, т.е. что в обоих случаях занят труд равной квалификации, и поэтому он оплачивается одинаково высоко; что ему ассигнуированы пропорциональные объемы капитала — с учетом времени их инвестирования и что нормы прибыли равны. Он не излагает вопрос четко, и в некоторых случаях он, возможно, не вполне ясно отдает себе отчет в том, что различные элементы нормальной стоимости взаимодействуют друг на друга взаимно, а не последовательно, как звенья длинной цепи причин. И он более, чем кто-нибудь другой, повинен в плохой привычке стараться выразить глубокие экономические доктрины несколькими предложениями".¹⁷

Вообще Маршалл подходит к рикардианской теории как к ценной научной системе, открытой для расширения и совершенствования, которую можно и должно развивать. Его собственные взгляды на проблему стоимости — убедительное тому подтверждение. Синтез достижений различных научных школ — вот главный вклад автора "Принципов политической экономии" в сокращенную мировую экономическую мысль.

В отличие от Рикардо, Маршалл начинает исследование проблем стоимости с анализа потребностей и способов их удовлетворения,

а именно в виду представителя австрийской школы — Г.Ч.

16. Маршалл А. Указ. соч., т.Ш, с.277

17. Маршалл А. Указ. соч., т.Ш, с.277 — 278

49

используя наработки психологического направления. Тем не менее, он не соглашается с декларативным утверждением, будто бы теория потребности составляет основу экономической науки. "В действительности многое наиболее интересное в науке о потребностях позаимствовано из науки об усилиях и о деятельности. Обе науки дополняют друг друга, одна без другой неполноценна. Но если уж одна из них вправду в большей мере, чем другая, претендует на объяснение истории человека, будь то ее экономический аспект или какой-либо иной, то это наука о деятельности, а не наука о потребностях".¹⁸

Теоретический анализ Маршалла постоянно направлен в практическое русло: выдвигаемые положения почти сразу же проверяются фактами, реалиями экономической жизни. Так, полезность признается относительной понятием "желания" или "потребности". Но желания можно измерять не непосредственно, а лишь косвенно, через посредство внешних проявлений, которые они порождают, и что в тех случаях, когда главным образом и занимается экономической наукой, меру составляет цена, которую человек готов уплатить за исполнение или удовлетворение своего желания".¹⁹

Получает признание ряд посылок теории предельной полезности, например, существуют бесконечное множество потребностей, но каждая в отдельности потребность имеет свой предел. Это "привычно, коренное свойство человеческой природы" можно выразить в виде "закона насыщаемых потребностей, или закона убывающей полезности", согласно которому: предельная полезность какой-либо вещи для всякого человека уменьшается с каждым простым тогом ее количества, которым он уже располагает. Однако автор делает существенное уточнение, говоря, что в этом законе содержится скрытое условие. "Оно заключается в том, что мы не учитываем, какое влияние оказывает время на какие-либо изменения в характере и вкусах самого человека".²⁰

Общие, абстрактные положения закона убывающей полезности необходимо "перевести на язык цен". Поэтому закон излагается следующим образом: чем большим количеством какой-либо вещи человек обладает, тем меньше, при прочих равных условиях (т.е. при равенстве покупательной силы денег и при равном количестве денег в его распоряжении), будет цена, которую он готов уплатить за небольшое дополнительное ее количество, или другими словами,

18. Маршалл А. Указ. соч., т. I, с. 152 - 153

19. Маршалл А. Указ. соч., т. I, с. 155

20. Маршалл А. Указ. соч., т. I, с. 157

т.е. как результат взаимодействия нескольких причин, как преимущественное движение (развитие) профессов в указанном направлении, которое легко может смениться противоположной направленностью изменений. Такой подход делает концептуальные построения гибкими, подвижными, способными не только достоверно описать реальные экономические явления, но и раскрывать их внутреннюю логику. Это позволяет избежать крайних, а потому односторонних суждений и помогает сводить воедино формально исключавшие друг друга теории.

Так, завершая изучение факторов производства, Маршалл говорит о закономерностях изменений их производительности или отдачи. "Мы вообще утверждаем, что, в то время как роль, которую играет в производстве природа, обнаруживает тенденцию к сокращению отдачи, роль, которую играет в нем человек, обнаруживает тенденцию к возрастанию отдачи. Закон возрастающей отдачи можно сформулировать следующим образом: увеличение объема затрат труда и капитала обычно ведет к усовершенствованию организации производства, что повышает эффективность использования труда и капитала. Вот почему в тех отраслях, которые заняты не в производстве сырого продукта, увеличение объема затрат труда и капитала обычно дает пропорционально более высокую отдачу; кроме того, указанное усовершенствование организации производства ведет к ослаблению или даже к преодолению всякого возрастающего сопротивления, которое природа может оказать увеличению количества добываемого сырья. Когда действие законов возрастающей и убывающей отдачи уравновешивается, перед нами возникает закон постоянной отдачи, в силу которого увеличение объема затрат труда и других издержек ведет к пропорциональному увеличению объема продукции".²⁴ В реальной действительности обе тенденции - возрастания и сокращения отдачи - постоянно противодействуют друг другу и оказывают решающее влияние на динамику издержек производства и цен предложения товаров.

Самое интересное место в теории стоимости А. Маршалла - это исследование общего соотношения спроса, предложения и стоимости. Автор вводит дополнительные условия, которые конкретизируют общую абстрактную теорию рыночного равновесия, придает ей практическую значимость. Он старается проследить реальные взаимосвязи экономических категорий, в результате чего последние "оживают". "Для этого требуется одновременно принимать в расчет многие вещи; и именно по этой причине экономическая наука никогда не

24. Маршалл А. Указ. соч., т. I, с. 404 - 405

его предельная цена спроса на нее снижается".²¹ Спрос становится эффективным, когда цена достигает уровня, при котором продавцы согласны продавать.

Детальное изучение спроса предполагает выяснение градиции потребностей по их эластичности. "Степень эластичности (или быстроты реакции) спроса на рынке зависит от того, в какой мере его объем возрастает при данном снижении цен или сокращается при данном повышении цен".²² Зависимость между уровнями цен и количествами предлагаемого на продажу товара выражается шкалой (набором) цен спроса. Ее можно обнаружить при помощи эмпирических наблюдений на рынке. Но здесь опять вкрадывается фактор времени, ибо "прочие равные условия" редко бывают равными на протяжении достаточно продолжительных периодов времени. Возникает трудность со сбором полных и надежных статистических данных.

Прежде всего, постоянно изменяется "покупательная сила денег", что порождает необходимость внесения поправок в потребительские оценки. Далее следует "изменения в общем уровне процветания и покупательной способности", которой обладают потребители. Затем идут изменения, вызываемые ростом населения и богатства, модой, вкусами и обычаями, открытием новых областей применения товара, изобретением, усовершенствованием и удешевлением его заменителей. Требуется время, чтобы повышение цены оказало влияние на потребление, чтобы потребители привыкли к заменителям или к новым видам товаров и т.д.

Вслед за потребностями Маршалл рассматривает влияние факторов производства (земли, капитала и труда) на стоимость товаров, уделяя особое внимание плодородию земли, численности и здоровью населения, образованию как национальному капиталообразованию, накоплению общего богатства и капиталов, организации производства и управлению предприятием.

"Точно так же, как цена, нужная для привлечения покупателя на какое-либо данное количество товара, была названа ценой спроса на это количество товара в течение года или другого определенного периода, так и цена, требующаяся, чтобы вызвать напущение усилий, необходимых для производства любого данного количества товара, может быть названа ценой предложения на это количество в течение такого же периода".²³

Автор исследует экономические закономерности как тенденции,

21. Маршалл А. Указ. соч., т. I, с. 158

22. Маршалл А. Указ. соч., т. I, с. 167

23. Маршалл А. Указ. соч., т. I, с. 212

станет легкой наукой".²⁵

Обычно при анализе спроса и предложения предполагается, что все рынки одинаковы. Но это не совсем так. "Одну крайность образует мировые рынки, на которых непосредственно действует конкуренция, исходящая из всех частей земного шара, а другую крайность составляют те находящиеся в глуши рынки, на которых всякая непосредственная конкуренция исключена, хотя косвенная, перелаточная конкуренция может даже и здесь давать себя чувствовать, примерно на полпути между этими крайностями размещаются громадные число рынков, которые экономисту и бизнесмену надлежит изучать".²⁶

Кроме того, рынки различаются по длительности периода, который отводится описи спроса и предложения для достижения состояния равновесия. Ибо "сама природа равновесия и причин, его обуславливающих", зависит от продолжительности периода, в течение которого рынок считается действующим. "Если этот период краток, предложение ограничено изменившимися на данный момент запасами; если же это более долгий период, на предложение окажет то или иное влияние себестоимость производства рассматриваемого товара; когда же период очень долгий, то на цену эту себестоимость в свою очередь отанут в большей или меньшей степени воздействовать издержки производства рабочей силы и сырья, необходимые для изготовления данного товара. Разумеется, эти три вида периодов постепенно перерастают друг в друга малчайшими степенями".²⁷

Маршалл подчеркивает относительность смыслового содержания понятия "нормальный" применительно к рыночным параметрам. "Нормальным" обычно считают состояние устойчивого рыночного равновесия, когда цена спроса совпадает с ценой предложения, а объем производства не обнаруживает тенденции ни к увеличению, ни к сокращению. "На дале шкалы спроса и предложения не остаются одинаково неизменными в течение длительного времени, они постоянно подвержены колебаниям, а каждое их изменение нарушает равновесное количество и равновесную цену и, таким образом, придает новое положение центрам, вокруг которых объем продукции и цена имеют тенденцию совершать свои колебания".²⁸

Введение в теоретическую схему "фактора времени" конкрети-

25. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 93

26. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 12

27. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 12

28. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 30

выявляет абстрактные соотношения спроса и предложения, выявляет "множество различных ограничений той доктрины, что цена, по которой предмет может быть изготовлен, представляет реальные издержки производства, т.е. усилия и жертвы, прямо или косвенно связанные с его производством". Маршалл остается приверженцем теории, согласно которой "стоимость обладает тенденцией приходить в соответствие с издержками ее производства". Он старается искусственно истолковать указанную теорию и вынести границы ее условных допущений.

"Мы могли бы с равным основанием спорить о том, регулируется ли стоимость полезностью или издержками производства, как и о том, разрезает ли кусок бумаги вернее или ниже лезвие ножица. Действительно, когда одно лезвие удерживается в неподвижном состоянии, а резание осуществляется движением другого лезвия, мы можем, как следует не подумав, утверждать, что резание производит второе, однако такое утверждение не является совершенно точным, и оправдать его можно лишь претензией на простую популярность, а не строго научным описанием совершаемого процесса".²⁹

Автор доказывает, что полезность преобладает в воздействии на рыночные стоимости, а издержки производства — на нормальные стоимости. "Можно вывести заключение, что как общее правило, чем короче рассматриваемый период, тем больше надлежит учитывать в нашем анализе влияние спроса на стоимость, а чем этот период продолжительнее, тем большее значение приобретает влияние издержек производства на стоимость. Дело в том, что влияние изменений в издержках производства требует для своего проявления, как правило, больше времени, чем влияние изменений в спросе. Фактическая стоимость, или, как ее нередко называют, рыночная стоимость, часто более подвержена переходящим событиям, факторам, действие которых неравномерно и одновременно, чем постоянно действующим факторам. Однако в долгие периоды эти неравномерно, нерегулярно проявляющиеся факторы в большей степени взаимно погашают влияние друг друга, и, таким образом, постоянно действующие причины в конечном счете полностью определяют стоимость. Но даже и самые постоянно действующие причины подвержены изменениям. Ведь вся структура производства различных товаров постоянно меняется

29. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 31 - 32

начает в широком плане массу продукции, которая может быть произведена по данной цене на существующих производственных мощностях — трудовых и вещественных — за определенный период. Для нормальных цен, когда термин "нормальный" должен относиться к долгим периодам в несколько лет, "предложение" означает то, что может быть произведено на мощностях, которые сами можно с выгодой воспроизвести и присутствовать в эксплуатации в пределах определенного срока. Наконец, наблюдаются очень постепенные или вековые движения нормальной цены, порождаемые постепенным ростом населения и капитала, изменениями условий спроса и предложения от поколения к поколению".³⁴

Таким образом, классическая школа в лице А. Маршалла возвратилась на круги своя: доказала возможность нового прочтения (толкования, интерпретации) теории стоимости Рикардо с учетом научных достижений других школ мировой экономической мысли. Маршалл находил решения проблем не в углублении абстракций в сторону определения абсолютной стоимости, а в движении в противоположном направлении — в анализе реальных хозяйственных взаимосвязей. Он брал за исходный пункт своей концепции относительную меновую стоимость в денежном выражении, т.е. в форме цены и тем самым поворачивал общие теоретические проблемы в практическую плоскость.

34. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 65 - 66

по мере смены поколений".³⁰

В "Принципах политической экономии" проводится различие между "средними" и "нормальными" ценами. "В качестве средних могут быть приняты цены на любые партии товаров, продажа которых охватывает день, неделю или год, а также любой другой отрезок времени; они могут быть средними в любое время на многих рынках; они могут также оказаться средними среди многих подобных средних. Однако условия, нормальные для продажи какой-либо одной партии товаров, способны не совпадать в точности с условиями, нормальными для другой партии, а поэтому средняя цена может лишь случайно оказаться нормальной ценой, т.е. ценой, к формированию которой ведет любая группа условий".³¹

Под нормальной ценой предложения и долготы, и короткого периодов понимается предельные издержки производства, т.е. "это издержки производства тех товаров, которые находятся вообще на грани целесообразности производства и которые не стоило бы производить вовсе, если бы ожидаемая цена на них была ниже".³² Однако причины, обуславливающие этот предел, различаются в зависимости от продолжительности изучаемого периода. "Для коротких периодов люди входят практически из наличного запаса средств производства, а в своих ожиданиях спроса они руководствуются особенностями о том, насколько энергично они сами используют эти средства производства. Для долгих периодов люди стремятся приспособить движение наличных средств производства к своим ожиданиям спроса на товары".³³

Маршалл замечает, что не существует четкой разграничительной линии между "долгими" и "короткими" периодами, ибо "природа не провела таких линий в экономических условиях". Тем не менее, при классификации проблем стоимости по периодам, он выделяет четыре категории проблем. "В каждой из них цена регулируется отношением между спросом и предложением. В отношении рыночных цен "предложение" принято понимать как запас определенного товара, который имеется в наличии или, во всяком случае, поступление которого "предвидится". Что касается нормальных цен, когда термин "нормальный" понимается как относящийся к коротким периодам в несколько месяцев или в один год, "предложение" оз-

30. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 33

31. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 58

32. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 60

33. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 60

ГЛАВА II. КРИТИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ОПЫТОМ: ОТ ПРАКТИКИ К ТЕОРИИ

I. Методология статистической ценности П.Б. Струве

Лучшему пониманию трудовой теории стоимости способствует критическое переосмысление ее исходных методологических посылок и опытная проверка ее выводов и практических рекомендаций. Изучению этих двух проблем посвящена настоящая глава.

Богатую пищу для ума представляет разбор "философских мотивов" экономического мышления, проведенный П.Б. Струве в его книге "Хозяйство и цена". Российский экономист начинает с определения двух подходов к логике: "реализма", который утверждал реальность общих понятий, "универсалий", и "номинализма", который считал их простыми "именами". Реалистическая тенденция склонна приписывать реальность общим понятиям, не подвергая анализу их происхождение и значение, не подвергал их эмпирической проверке.

В общественной науке реалистический уклон мысли сказывается в том, что "самая система психоэкономических отношений между людьми, каковой является общество, рассматривается не только как целое, не только как сумма или система, но мыслится как особое живое единство, как существо".¹ Понятия "класса", "общества" легко становятся "универсалиями" и "гипостазизируются".

Противоположности в области логики: реализм — номинализм в области политической экономии соответствует противоположность: "универсализм — сингуляризм". Ибо некоторые формы "универсалистического понимания" в экономической теории "сознательно или бессознательно опираются на реализм понятий".

Истоки теории ценности восходят к Аристотелю, учение которого, по мнению Струве, противоречиво. С одной стороны, Аристотель говорил о субъективной ценности. С другой стороны, в его размышлениях об обмене "лежал зародок объективной теории реалистического в нашем смысле типа". Схоластические комментаторы Аристотеля (Альберт Великий, Фома Аквинат) сделали "решительный шаг в направлении "объективного" понимания". Правильный обмен, согласно их учению, основан на "справедливой цене", т.е. должны "обмениваться одинаковые количества труда и издержек".

Проблема ценности у схоластов "антупает в этической или нормативной обрисовке" под знаком "справедливой цены". Столба недалеко до толкования ценности как внутренней "основы", или "закона" цены.

"Закон ценности", по словам Струве, становится "идеей фикс"

Г. Струве П.Б. Хозяйство и цена. Ч. I, СПб.-М., 1913, с. XI

политической экономии в марксистской теории. "Трудовая ценность превращается не только в закон, но и в "субстанцию" цен... Эта механически-натуралистическая и в то же время "реалистическая" концепция ценности тесно пытается вмести в себя мир эмпирических явлений хозяйственной жизни и завершается... безнормальным противоречием".²

Струве считает, что Марко "заимствовал" у Гегеля не диалектический метод, а "логический реализм в его подлинно-онтологическом истолковании". Гегель и Марко одинаково "чужды духу эмпиризма". Логический реализм метафизических систем немецкой философии "явился питательной почвой для тех универсалистических конструкций в социальной науке, которые дали Родбертусу, Марку и Лассаль".

Так называемый "объективизм" Маркса Струве связывает не только с реализмом Гегеля, но и с традициями схоластики. "Отдельный товар, с точки зрения Маркса, также необходимо участвует в общественной ценности субстанции, как для схоластики отдельный человек участвует в грехе Адама... Как у Маркса эмпирические "цены" управляются законом ценности, так говорят, заимствуют свое бытие от субстанции ценности, так для схоластики эмпирические действия людей определяются первородным грехом".³ Здесь показывается совпадение логической формы, "родство между схолистикой и Марксом".

Далее автор поясняет свое понимание процесса развития теории трудовой ценности от схоластики до Маркса. Во-первых, это есть "непрерывная погоня за порочным "вещным" ядром, за субстанцией эмпирического явления "цена"; в то же время и во-вторых, это есть погоня за "универсализмом" цены в духе логического реализма. Таким образом, в понятие объективной ценности, в том понятие субстанции ценности, которое создал Марко, перекрещиваются натуралистически-материалистический мотив и мотив "реалистический" в логически-онтологическом смысле".⁴

Струве убежден в научной недопустимости самой постановки данной проблемы. "Ценность одинаково и как субстанция, и как "универсалист" цены есть понятие, бесполезное для познания эмпирических фактов образования цены; она означает... метафизическую

2. Струве П.Б. Указ. соч., ч. I, с. XXV
3. Струве П.Б. Указ. соч., ч. I, с. XXVI
4. Струве П.Б. Указ. соч., ч. I, с. XXX

58

В частности, он постоянно подчеркивает ошибочность положений, вытекающих из односторонности как трудовой теории стоимости, так и психологического направления, критикует их с методологической точки зрения. Автор аргументированно доказывает метафизический (недоступный опыту, сверхчувственный) характер исходных посылок обеих противоположных концепций стоимости: абстрактного труда и субъективной полезности, от которых, в конце концов, отказываются и переходят к ценам.

"Трудовая теория ценности имеет еще другого измерения полезностей, к которым прикрепляются цены, и видит их в затратах человеческой трудовой энергии. Но с тот факт, что цены прикрепляются к полезностям, независимо от того, связаны ли эти полезности с предстоящей затратой трудовой энергии или нет, об этот элементарный факт разбивается попытка найти за ценами какие-то в основе их лежащие значения, сполчательно и целиком сводящиеся к затратам трудовой (рабочей) энергии... Трудовая теория ценности имела бы теоретический смысл и была бы методом практического познания экономической действительности и управления ею, если бы все блага, кроме обнаружения рабочей энергии человека, были дарованы, т.е. в неограниченном количестве находились к услугам человека".⁷

"Так как этого на самом деле нет, - продолжает Струве, - то сведение цен к трудовым ценностям остается операцией, которая не только теоретически бесплодна, но и чревата великими ошибками, что доказано не чем иным, как логическим развитием единственной законченной системы, созданной на основании предположения, что цены суть лишь искаженное выражение трудовых ценностей, - системы Маркса".⁸

По мнению российского экономиста, "калькуляция знает только цены: она отправляется от цен и приходит к ценам. Ничего кроме цен! - это есть лозунг калькуляции и таков же должен быть лозунг всей реалистической или эмпирической политической экономии, поскольку она есть теоретическая наука и занимается тем, что есть в действительности. Ибо в хозяйственной действительности все построено из цен, как из основного феномена, к которому восходят все другие феномены".⁹

"Цена не есть отвлеченно формулируемая категория, не есть

7. Струве П.Б. Хозяйство и цена. Ч. 2, М., 1916, с. 52
8. Струве П.Б. Указ. соч., ч. 2, с. 52
9. Струве П.Б. Указ. соч., ч. 2, с. 53 - 54

60

гипотезу, которая не может иметь никакого применения в науке. Ибо метафизические гипотезы приемлемы для науки лишь как необходимые вспомогательные конструкции (как "рабочие гипотезы") либо как необходимое расширение или продолжение эмпирической картины "мира".⁵

В противовес критикуемому марксистскому подходу к теории ценности П.Б.Струве излагает методологию собственной концепции ценности. "Я иду в рассмотрении проблемы цены-ценности своим путем... критическим и эмпирическим в одно и то же время. В отличие от традиционного понимания, которое цену возводит к объективной ценности, я возвожу последние к первой. Реальному экономическому рассмотрению даны либо только отдельные "цены", либо еще не объективировавшиеся отдельные оценочные акты... Я показываю, как из цены логически и исторически складывается ценность, являющаяся порождением, или отвержением цен: ценность вскрывается как производная цены, или, точнее, цен. Таким образом, в этом вопросе я сознательно и решительно провожу сингулярностическое понимание, единственное для данной проблемы приемлемое с точки зрения эмпиризма, и строю чисто эмпирическое, в частности статистическое, понятие ценности... Такое понимание ценности углубляет это понятие и в то же самое время остается на строго эмпирической почве. На фактах я вскрываю и иллюстрирую статистический характер тех операций, при помощи которых в действительной жизни из оценочных актов или из цен рационально строится ценность (объективная). Это и есть раскрытие того, что можно назвать статистической природой ценности. Если строго эмпирическое изучение явлений цены нам доступно только статистическим путем, то теперь мы видим, что и ценность, как реальное явление, когда в силу особых условий, оказывается возможной рационализация ее построения и тем самым становится доступным процесс ее сложения - обнаруживается как продукт своеобразного статистического счисления. Так, оседленным путем анализа понятий и описания фактов, устанавливается между ценностью и ценой соотношение совсем особого рода, и возведение "типической" ценности, а через нее - и ценности "нормативной" к цене получает окончательное оправдание".⁶

П.Б.Струве - представитель либерального направления российской экономической мысли. Его взгляды по многим вопросам близки к позициям английской школы "классического синтеза".

5. Струве П.Б. Указ. соч., ч. I, с. XXV
6. Струве П.Б. Указ. соч., ч. I, с. XXXIII - XXXIV

59

даже построенное, или постулируемое явление ("вспомогательное понятие")... Цена для экономиста есть непосредственно ему данное "значение", определенное в данное время в данном месте".¹⁰ Между тем гипотетические, условные "полезности" и "субъективные ценности", которыми объясняет ценность товаров австрийская школа, сами по себе "несоизмеримы с точки зрения взаимодополнения нескольких хозяйствующих субъектов".

"В общей форме, из субъективных оценок и их соотношения или взаимодействия могут быть выведены некоторые положения о цене. Однако эти общие положения чрезвычайно скудны и реального процесса образования цен несколько не объясняют и не выражают. Учения о полезности, как основе субъективной ценности, и о цене, как производной субъективных оценок, могут быть полезны как психологический комментарий к точному диалектическому описанию реального процесса образования цен, но заменить такого описания они не могут".¹¹

Струве скептически относится к одностороннему дедуктивному исследованию, монистическому выведению всех научных положений из одного исходного пункта. По его разумению, "насыщенная монистическая тенденция", это - та презумпция единства объяснения, единства формулы, которая так властвует над умами, хотя в пользу ее нельзя привести ничего, кроме нее самой, т.е., в сущности, кроме метафизического предрассудка".¹² Поэтому он протестует против необходимости выводить цену (ценности) из какого-либо одного начала на том основании, что цену нельзя вывести из цен.

"Предлагается два начала: субъективное (предельная полезность) и трудовые затраты. О втором начале нечего говорить: для реального рассмотрения труд предостиг в образе цен, и сторонники трудовой теории в ее считающейся с фактами обрешке вынуждены цену определять из доходов, которые совершенно очевидным образом восходят к вольным и указным ценам".¹³

Возвращаясь первому - субъективно-психологическому подходу, автор утверждает, "что цену вообще нельзя ни откуда вывести именно в силу того характера цены, на котором мы настаиваем, а именно, что она есть некая реальная данность. В реальном процессе обмена моменты субъективные, из которых общи, дедуцируются цена, и момент денег суть фактические посылки, из которых

10. Струве П.Б. Указ. соч., ч. 2, с. 62
11. Струве П.Б. Указ. соч., ч. 2, с. 63
12. Струве П.Б. Указ. соч., ч. 2, с. 12 - 13
13. Струве П.Б. Указ. соч., ч. 2, с. 64

61

должно находить рассуждение. Субъективные процессы оценки в системе хозяйств приспосабливаются к объективному факту — деньгам. А деньги по самому своему понятию предполагают другой факт — цену. Лишь в изолированном хозяйстве можно отделиться от цен и денег. Это указание имеет вообще принципиальное гносеологическое обоснование и значение. Волков номографическое знание оперирует не только с одними законами и отношениями, у него есть и свои факты или данности, от которых оно исходит".

"Соотношение между знанием идиографическим и знанием номографическим определяется не только как соотношение между познанием "индивидуального", определенного во времени и пространстве, и познанием законов и соотношений, ко всем данностям применимых. Данности суть в номографическом знании элемент идиографический. Для того, чтобы было возможно номографическое знание о данностях, данности должны быть идиографически разосканы или интуитивно даны".

"В наиболее общей схеме соотношение идиографического и номографического элемента в самом номографическом знании может быть представлено так: закон и отношения отираются от данностей; они ведут от одной данности к другой. Номографическое знание есть как бы линия, прерываемая узлами данностей".

"Данности эти могут быть данностями не арифметическими, а алгебраическими: характер их, как данностей, определяется тем, что для дедукции, или для наших уравнений она должны быть даны как известные величины, а не подлежат выведению в качестве неизвестных".¹⁴

Исходным пунктом исследования проблемы ценности, по мнению Струве, должны быть три понятия: "деньги", "цена-ценность", "хозяйственное благо". "Ибо во всех этих трех понятиях перед нами лишь разные аспекты единого по существу явления. Эти разные аспекты суть в то же время для непосредственного наблюдения и эмпирического исследования экономиста три основные данности. Без идеи измерения, измеримости, сравнимости, которое есть существо денег, не могут быть мыслимы экономические понятия цен-ценности и блага. Но и наоборот: деньги, как специфическое явление всеобщего орудия мены и платежа, есть лишь воплощение идеи измеримости благ, находящихся в обороте и получающих цену".¹⁵

Точка зрения российского экономиста такова: "Цена и абстра-

14. Струве П.Б. Указ. соч., ч.2, с.65

15. Струве П.Б. Указ. соч., ч.2, с.68

трудностей в экономических исследованиях, которые вынуждают человека при его ограниченных возможностях продвигаться вперед шаг за шагом, подразделяя сложную проблему на отдельные аспекты, изучая их один за другим и наконец соединяя свои частные выводы в более или менее полное решение вставшей перед ним целостной задачи. Решая проблему, он на время помещает те мешающие ему факторы, колебания которых оказывались для него неудобными для данного этапа исследования, в особый запасник, именуемый при прочих равных условиях. Исследование некой группы тенденций вычлняется, основываясь на допущении, касающемся при прочих равных условиях: при этом наличие других тенденций не отвергается, но их воздействие, создающее помехи, временно игнорируется. Чем более сужается, таким образом, вопрос, тем точнее можно его решить, но тем не менее он соответствует реальной действительности. Однако всякое точное и определенное решение узкого вопроса позволяет гораздо точнее анализировать более широкие вопросы, в основе которых содержится указанный узкий вопрос, чем это было бы возможно в противном случае. С каждым последующим шагом из запасника можно высвобождать все больше и больше проблем; точную аргументацию можно делать менее абстрактной, реалистическую аргументацию можно превратить в более точную, чем это было осуществимо на более раннем этапе исследования".²⁰

Первым шагом в исследовании влияния, оказываемого фактором времени на величину стоимости товаров является "рассмотрение знаменитой фикции о "стационарном состоянии" (с которой начинается теория предельной полезности) или изучение состояния устойчивого равновесия спроса и предложения (от чего отталкивается трудовая теория стоимости как у Маркса, так и у Рикардо). Такой подход вполне допустим как логическая абстракция, как наиболее простой вариант теории стоимости. Но начинать надо не с субъективной полезности и абстрактного труда, а с реальных хозяйственных форм: рыночной цены (стоимости), издержек производства, объемов спроса и предложения товарной массы. "В стационарном состоянии простейшим правилом служит то, что издержки производства определяют собой стоимость".²¹

В условиях устойчивого равновесия складываются предельные величины всех колеблющихся рыночных параметров. При данной исходной попытке необходимо статистическое изучение взаимных влия-

20. Маршалл А. Указ. соч., т.П, с.52

21. Маршалл А. Указ. соч., т.П, с.53

тия есть основная экономическая (междухозяйственная) категория, и конкретно она есть основное данное, из которого строится вся экономическая действительность и которое должно быть положено в основу всякого экономического описания".¹⁶ В этом выражается первичный характер цены.

На рубеже XIX и XX веков мировая экономическая мысль преодолела разорванность и метафизическую направленность теории ценности, повернула научные изыскания в сторону изучения "данностей", реальных хозяйственных связей. Возобладало стремление идти от практики к теоретическим обобщениям (абстракциям) при построении новых экономических концепций и систематически проверять выявленные закономерности статистическими материалами. Об этом свидетельствует, в частности, схожесть воззрений П.Б.Струве с методологическими рассуждениями А.Маршалла.

Корифей "классического синтеза" так поясняет логику экономической науки: "Индукция, дополненная анализом и дедукцией, соединяет вместе соответствующие классы фактов, упорядочивает их, анализирует и выводит из них общие формулировки, или законы. Затем на некоторое время главным форму приобретает дедукция: она ассоциирует некоторые из этих обобщений друг с другом, выводит из них гипотетические новые и более широкие обобщения или законы и затем вновь прибегает к индукции, чтобы выполнить основную долю работы по сбору, отселеванию и упорядочиванию этих фактов таким образом, чтобы проверить и "верифицировать" новый закон".¹⁷ Поэтому тут "нет места для длинных рядов дедуктивных рассуждений". Задача концептуальных построений "состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев".¹⁸

Взаимоперелетание индукции и дедукции удачно связывает теоретические положения во временные рамки реальных хозяйственных процессов, ибо "объяснение прошлого и предсказание будущего — это не различные операции, а одна и та же деятельность, осуществляемая в противоположных направлениях; в одном случае — от результата к причине, в другом — от причины к результату".¹⁹

Исторический характер экономической науки налагает свой отпечаток на изучение проблемы стоимости, заставляя учитывать фактор времени. "Элемент времени служит главной причиной тех

16. Струве П.Б. Указ. соч., ч.2, с.70

17. Маршалл А. Указ. соч., т.П, с.225

18. Маршалл А. Указ. соч., т.П, с.212

19. Маршалл А. Указ. соч., т.П, с.213

аний друг на друга различных экономических показателей, а не только непосредственно ("субстанци") меновых отношений. Отказ от абсолютных первичных причин в сложной логической связи явлений придает концепции стоимости гибкость и прагматичность, не в ущерб ее точности.

Струве и Маршалл едины во мнении, что взаимное, прямое и обратное влияние цен и издержек неправомерно представлять в виде порочного, ничего не объясняющего круга доказательств, дескать, "цены определяются издержками, и издержки — ценами". "Издержки производства, интенсивность спроса, предел производства и цена продукта взаимно регулируют друг друга; при этом не возникает никакой тавтологии в утверждении, что каждый из них частично регулируется другим".²²

Колебания рыночной стоимости (цены) определяются воздействием всей совокупности факторов механизма конкуренции (спроса и предложения). Значение каждого отдельного фактора можно выяснить лишь при допущении прочих равных (т.е. неизменных) условий. Стало быть, все логические заключения теории стоимости по своему условию и взаимно обусловлены. О том же говорят и высказывания Маршалла.

"Издержки производства на пределе прибыльного приложения капитала и труда — это те издержки, к которым приводит цена всего продукта под воздействием общих условий спроса и предложения; они сами не регулируют цену, а лишь отражают в себе причины, регулирующие ее".²³ Понятие "предела" помогает исследовать механизм действия спроса и предложения, однако само по себе не является исчерпывающим объяснением динамики цен.

"Строго говоря, объем произведенной продукции и цена, по которой ее можно продать, служат функцией друг друга при условии, что принимается в расчет длительность периода, требуемого на развертывание парка основных средств производства и на организацию производства в крупном масштабе. Но в реальной жизни издержки производства на единицу продукции выводятся из ожидаемого объема продукции, а не наоборот. Экономисты обычно следуют этой практике; они руководствуются также хозяйственной практикой, переносившая этот порядок по отношению к спросу. Иными словами, они чаще считают увеличение продаж следствием определенного размера сокращения цены и меньше интересуются тем, насколько потре-

22. Маршалл А. Указ. соч., т.П, с.119

23. Маршалл А. Указ. соч., т.П, с.120

буется снизить цены, чтобы добиться определенного увеличения продаж".²⁴

В последней попытке уже "принимается в расчет длительность периода" ценовых колебаний, т.е. включается фактор времени, требующий иных исходных логических посылок. Поэтому теоретические положения, "относящиеся к экономическому покое", используются "только для иллюстрации частных шагов в ходе аргументации" и отбрасываются в сторону, когда описание гипотез стационарного состояния окончено.

"Теория устойчивого равновесия нормального спроса и предложения действительно способствует приданию нашим идеям определенности; на своих начальных ступенях она не настолько отходит от реальной жизни, чтобы это помешало ей нарисовать вполне достоверную картину главных способов действий сильнейшей и самой устойчивой группы экономических сил. Но по мере ее продвижения в область более отдаленных и запутанных логических следствий она отрывается от реальных условий жизни. фактически мы уже подходим к главной теме экономического прогресса, и поэтому здесь особенно важно помнить, что, когда экономические проблемы рассматриваются не как проблемы органического роста, а как проблемы статического равновесия, они изображаются в неверном свете".²⁵

Таким образом, "проблема нормальной стоимости относится к экономической динамике" и предполагает изучение сил, регулирующих рыночное равновесие, в зависимости от продолжительности периода их действия. "В относительно короткие периоды не требуется особого напряжения для допущения того, что они, в данном случае специально не входящие при этом в сферу изучения, можно временно считать бездействующими. Но некоторое усилие над логикой рассуждения требуется для того, чтобы допускать бездействие широких сил в рамках прочих равных условий в течение, скажем, жизни целого поколения на том основании, что они оказывают лишь косвенное влияние на рассматриваемую проблему. Дело в том, что даже косвенные воздействия могут оказывать большое влияние на протяжении жизни поколения, хотя их действие и носит кумулятивный характер, а поэтому небезвредно игнорировать их даже временно, без специального изучения этого фактора, в ходе исследования практического вопроса. Так, применение статистического метода в изучении проблем, относящихся к очень долгим пе-

24. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 153

25. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 157 - 158

натурализация обмена продуктами.

Тем не менее, бедствия воспринимались в верхних эшелонах власти как появление элементов будущего строя, о которых писали марксисты: отмирание денег, товарной формы обмена, закона стоимости и других "пережитков прошлого". Вероятно, поводом тому служило известное высказывание Маркса в "Капитале" (своего рода исторический прогноз) о том, что в условиях общественного владения средствами производства и планомерного расходования индивидуальных рабочих сил "рабочее время играло бы двойную роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуальном потреблении части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении".¹

Ближе к окончанию гражданской войны академические и ведомственные круги разрабатывали вопрос о методах учета, "которые должны будут применяться в советской хозяйственной системе вслед за полной ликвидацией денежного обращения и денежного хозяйства". В январе 1920г на третьем съезде Совета Народного Хозяйства звучал тезис об установлении "твердой учетной единицы в хозяйстве и бюджетах страны, зная за основание измерения единицу труда", ибо чрезвычайная неустойчивость рубля делала его неудобным для учета хозяйственных операций. Год спустя Совет Народных Комиссаров образовал межведомственную комиссию, дабы "безотлагательно приступить к разработке отчетной единицы, как общего мерилла оценки, наиболее соответствующего трудовому строю". Кроме учреждений, в дискуссиях по поводу новых ценностных единиц принимали участие отдельные теоретики и практики. Итогом всех устремлений стала "небольшая русская литература", которая выпущена в 1919 - 1921гг различные положения о формах учета в социалистическом хозяйстве. К обзору этой литературы и обращается Л.Н.Кровский, сделав некоторые предостерегающие оговорки.

Так, автор пишет: "Ценностно-денежный счет и для товарно-денежного хозяйства не является и не может быть единственным. Не говоря уже о том, что и сам он не может не опираться на учет натуральных единиц, - пудов, аршин, ведер продукта, - предприятия

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., Изд. 2-е, т. 23, с. 89

риодам, весьма опасно; здесь на каждом этапе требуется осторожность, предусмотрительность и сдержанность".²⁶

Учет фактора времени конкретизирует общие положения теории стоимости (ценности), деркидывает мостик между абстрактно-логическими (номографическим) и индивидуальными-описательными (идеографическим) способами изучения хозяйственных процессов в рамках единого исторического развития национальной экономики и мирового сообщества. Статистические наблюдения за динамикой цен, доходов, объема производства с точки зрения временных циклических колебаний рыночной конъюнктуры, выводит экономическую теорию на новый качественный уровень. Наша отечественная школа экономистов имеет богатые традиции в разработке концепций конъюнктурных колебаний (волн) различной длины (продолжительности). Достаточно назвать научные труды И.И.Туган-Барановского, С.А.Парушина, Н.Д.Кондратьева.²⁷

2. Л.Н.Кровский о проблеме безденежного хозяйства

Согласно теории К.Маркса, труд как мера стоимости непосредственно может реализоваться в условиях социального строя, основанного на общественной (государственной, социалистической) собственности на средства производства. Такая социальная система всеобщего отчуждения экономики сформировалась у нас в стране, после октябрьской революции 1917 года. Однако, за все время ее существования вопрос о практическом использовании трудовых единиц измерения вместо денежных ставился только один раз - в годы "военного коммунизма". Он не получил своего удовлетворительного разрешения, не проходил проверки опытом, так и остался на бумаге в виде различных практических рекомендаций по организации безденежного хозяйства. Анализ этих предположений, выдвинутых рядом экономистов, посвящена специальная глава в книге Л.Н.Кровского "Денежная политика советской власти (1917 - 1928)".

Этот эпизод из истории отечественной экономической мысли был тесно связан со всей хозяйственной политикой периода военного коммунизма. В те годы остановка в народном хозяйстве складывалась критическая. Падение производства, сокращение товарооборота происходили на фоне невиданных темпов эмиссии и обесценения бумажных денег. Рубль ("совзнак") едва справился с обязанностями национальной валюты. С 1918 года началась массовая

26. Маршалл А. Указ. соч., т. II, с. 69 - 67

27. Более подробно об этом см.: Черемисинев Г.А. Великие цифры в экономике: исторический опыт, теоретические модели и государственная политика. Саратов, 1993

не могут, - даже при самой развитой товарно-денежной системе, - ограничиться одним только ценностным измерением в его наиболее общей форме".² Примеры общеизвестны: базовая оценка племенного оленя; единицы условного топлива; "турбоверты, пассажирверты" на железнодорожном транспорте. "Но ни одна форма учета, кроме ценностно-денежной, не является всеобщей, не может служить формой учета всего, что происходит внутри данного предприятия и вне его. Ни одна другая форма не делает все хозяйственное сравнимым и не позволяет сопоставить итог всех затрат с итогом всех полученных результатов".³

"Через посредство цены" товарно-денежное хозяйство находит свое равновесие: сначала достигается равновесие между спросом и предложением, а затем - между издержками производства и результатами производственной деятельности.

Но, как справедливо указывает Кровский, денежно-ценностный учет является условным и не разрешает безупречно все свои задачи. В частности, при учете себестоимости неизбежны условные предположения (например, калькуляция основного капитала), и затраты издержки не всегда могут быть точно определены. В хозяйстве всякой страны имеется множество цен, среди которых есть "цены монополистических или квазимонополистических предприятий", не обеспечивающие равновесия между спросом и предложением. Существующая система хозяйственного учета и рынка "ставит сама себе границу там, где хозяйственные блага представляются потребителям бесплатными". Покупательная способность денежных единиц, как правило, постоянно изменяется. "Единица абсолютной устойчивости никогда не будет найдена, ибо по самому существу ценностного измерения такой единицы нет и не может быть. Все измерения цен суть иные измерения в колеблющихся единицах и на практике (даже вне военных и революционных условий) бываю такие случаи, когда предприятие, считавшее, что оно накопило капитал, в действительности продало его".⁴ Ценностный счет не всегда позволяет судить о том, насколько полно удовлетворяются потребности общества и отдельных его членов, т.е. он не совпадает со "счетом благосостояния". Поэтому "существующая система хозяйственно-денежного учета условна".

"Условный, по мнению Кровского, не значит неудовлетворительный. Но условный, - значит не общеобязательный, т.е. значит: не

2. Кровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917-1928). М., 1928, с. 91

3. Кровский Л.Н. Указ. соч., с. 91 - 92

4. Кровский Л.Н. Указ. соч., с. 94

включающий иных возможностей. Мы не имеем поэтому оснований отвергать заранее возможность иного способа хозяйственного учета... Речь идет только о том, возможно ли осуществление хозяйства, объемлющего обширную территорию и крупными фабрично-заводскими заведениями и организуемого производством, распределения и потребления не при помощи ценно-денежного учета, хотя бы в модифицированном его виде. Нам думается, что только так может быть поставлен вопрос при обсуждении тех схем учета, которые были предложены для социалистической хозяйственной системы⁵.

Одно из самых радикальных мнений по вопросу о методах учета было высказано М.Смит и С.Клепиковым ("Народное хозяйство", изд. ВСНХ, 1921г., № 3). "Затраты в производстве сводятся М.Смит к пяти основным категориям: 1) человеческому труду; 2) механической энергии; 3) тепловой энергии; 4) сырью и вспомогательным материалам; 5) орудиям производства. Одни категории могут быть сведены к другим"⁶. В будущем возможно использование единого измерителя общей энергетической единицы, а в переходный период нужен двойной измеритель - "человекоминута" и "единица затрачиваемой энергии", т.е. "комбинированная трудо-энергетическая единица". С.Клепиков предлагал "взять за основу измерения ценности продукта единицу человеко-машинной энергии, выраженной в общей энергетической единице (обозначив ее условно "оенд")"⁷.

Кировский считает, что "энергетическая" схема, предложенная М.Смит и С.Клепиковым, действительного отношения к вопросу об учете хозяйственного значения продуктов и средств производства не имеет. Она так и осталась лишь наброском. Не были разработаны ни все предпосылки этой схемы, ни все вытекающие из нее выводы. Они и не могли быть разработаны потому, что серьезная попытка продумать эти предложения до конца показала бы, что в них нет элементов, ни для учета полноты хозяйственных благ с точки зрения потребностей тех людей, для которых эти блага производятся, ни для учета озокуности всех затрат, имеющих значение для того общества, которое занимается производством и отрягается рационально руководить им"⁸.

На нескольких технических признаках построена схема А.В.Чайнова ("Методы безденежного учета хозяйственных предприятий" Изд.

5. Кировский Л.Н. Указ. соч., с.95

6. Кировский Л.Н. Указ. соч., с.97

7. Кировский Л.Н. Указ. соч., с.98

8. Кировский Л.Н. Указ. соч., с.118 - 119

70

него, логического противоречия. Она не обеспечивает рационального ведения хозяйства в том смысле, в каком принято понимать хозяйственный рационализм, вкладывая даже очень широкое содержание в это понятие. Но она не исключает роста накопления и производительности труда, если даже и не гарантирует того, что прогресс этот будет вполне измерим. Она мыслима, хотя и представляется крайне мало вероятным, чтобы она когда-нибудь получила осуществление"¹⁰.

"Довольно правдоподобно, что установленное при существующем ныне уровне производительных сил, оно таило бы в себе опасность очень низкого удовлетворения потребностей всего населения. Но, может быть, установленное на базе очень высокого уровня народного богатства, оно было бы осуществимо в качестве системы, обеспечивающей населению известный достаток. Никто не мог бы сказать, насколько такая система была бы хороша или плоха. Но это была бы действительно система безденежного хозяйства, система, в которой устранены были бы все остатки прежнего ценно-денежного учета"¹¹.

Схема учета без единого ценностного измерителя, по-видимому, возможна только при существовании "пайкового" распределения и "связанного потребления". Потребитель имеет выбор, либо в том случае, если количество всех благ неограничено и ему вообще предоставлено право потреблять все, чего он жаждет (но схема Чайнова сие не предполагает), либо в том случае, если он располагает покупательной силой, выраженной в тех же единицах, что и выбираемые потребителем продукты (но в схеме чисто натурального хозяйства таковой оценки не существует).

Особую группу образуют предложения, кладущие в основу измерения затрат труда в производстве. Сюда относятся точки зрения, которые развиты в статьях Х.Креве ("Учет трудовой ценности предметов и очередные задачи хозяйственного строительства", "Народное хозяйство", 1921г., № 1-2), в трудах валютной подкомиссии Комиссии при НКФ по подготовке реформы по материализации бюджета и по выработке нового ценностного измерителя" (наложение в докладе К.Ф.Шмалева "Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата" в кн.: "Денежное обращение и кредит в России и заграницей", т.1 1914-1921гг., Пг.-М., 1922) и в работах С.Г.Струмилина ("Проблемы экономики труда", М., 1925).

10. Кировский Л.Н. Указ. соч., с.120

11. Кировский Л.Н. Указ. соч., с.103

72

Главного Комитета профессионально-технического образования Наркомзема, 1921). "С ней можно не соглашаться, но она во всяком случае теоретически содержательна и интересна". Чайнов представляет государство в виде единого колоссального натурального потребительского трудового хозяйства. "В некотором отношении социалистическое хозяйство напоминает хозяйство патриархальной крестьянской семьи натурального хозяйства".

Государство определяет на основании прошлого опыта, какое количество различных продуктов необходимо для удовлетворения потребностей населения, дает задание произвести известное количество единиц того или иного продукта. То же государство распределяет данным фондом производительных сил, который необходимо использовать с максимальным эффектом. Сравнение затрат и выюка продуктов в одной и той же единице не может быть. Увеличение затрат труда дает приращение количества продукта. На каком-то уровне получение добавочного продукта перестает оправдывать эти дополнительные затраты. Достигаемый предел фиксирует состояние равновесия. Однако Чайнов не предлагает точного критерия предельных затрат. "Вопрос об этом моменте равновесия должен был бы быть разрешен на основании усмотрения центрального хозяйственного органа так же, как и вопрос о том, какие потребности общества подлежат вообще удовлетворению и в какой мере они должны быть удовлетворены. Удобность такого усмотрения не делает его однако невозможным"⁹.

Затруднение, возникающее из несоизмеримости затрат, в схеме Чайнова "не столько преодолевается, сколько отстраняется" тем, что вводится учет отдельных затрат в отношении к продукту, определяется путем сопоставления с установленной нормой коэффициент производительности каждой затраты в данном хозяйстве и затем рассчитывается средняя. Государство отбирает производство с наиболее благоприятными коэффициентами. Решение проблемы покое на метод оценки племенного скота. Для каждой статьи устанавливается свой предельный балл. Затем набранные баллы суммируются. На основании имеющегося опыта государственные органы определяют нормальные затраты разных видов топлива, сырья, оборудования и труда на единицу продукта. Сопоставление с ними фактически затрат и выведение средней для данного хозяйства величины показывает успешность работы этого хозяйства.

Эта схема "мыслима в том отношении, что в ней нет внутрен-

9. Кировский Л.Н. Указ. соч., с.101

71

Х.Креве предлагал построить учет в трудочасах, поясняя свой метод следующими соображениями. "Трудовая ценность предмета" заключается в "количестве человеческой трудовой энергии, затраченной целесообразно на производство данного продукта", а также на производство материалов и орудий, затраченных при изготовлении данного продукта. Количество затраченной трудовой энергии зависит от проработанного времени и интенсивности труда. "Основной единицей трудовой ценности считается один час простого неквалифицированного общественно-необходимого труда при выполнении 100% нормы. Отношения между различными квалификациями "усть отношения тарифных ставок". Наличие запасов средств производства и предметов потребления предлагалось "оценить по ценам довоенного времени, делением на стоимость одного часа труда до войны и помножением на коэффициент ухудшения условий производства".

Распределение должно совершаться "в порядке выдачи рабочим удостоверений на известное число трудочасов", которые могли получать в распределительном органе любые предметы указанной ценности. Предприятие получало бы от общества народного хозяйства средства производства пропорционально их трудочасам, выраженным в готовых изделиях.

Кировский считает, что осуществление схемы Х.Креве "связано было бы с глубокими затруднениями". Ибо у него нет мер с помощью которой можно определять "целесообразность" и "общественную необходимость затрат труда", т.е. нет описания механизма выполняющего функции рынка. Переход к новым принципам расчета издержек производства и величины ценности продукта привел бы к перераспределению производительных сил страны. А это - длительный, болезненный процесс структурной перестройки хозяйства.

В подготовленных ведомственными комиссиями проектах директивных материалов (Декрета СНК, Положения) за единицу трудового учета принимается "средняя продукция одного нормального для простого труда при нормальной его напряженности для данной работы". Означенной трудовой единице учета приравнивалось наименование "труд". На государственные органы возлагалось обязательство выработки правил приведения сложного труда к простому, выраженному в трудах нормального прейскуранта трудовых расценок всех хозяйственных благ и услуг.

Более обстоятельно подошел к этим проблемам С.Г.Струмилин. Ссылаясь на слова Маркса, что при построении хозяйственного плана в социалистическом обществе "время, отводимое на производство различных предметов, будет определяться их общественной полез-

73

ности", он использует логику теории предельной полезности. Правда, вместо индивидуальных полезностей полагается "общественная полезность". С точки зрения общественной полезности, все хозяйственные блага "принципиально сравнимы и соизмеримы", поскольку они все обладают способностью "удовлетворять известную долю общественных потребностей".

Свобода выбора средств потребления, по Струмилину, реализуется системой заборных книжек, в которых "открывается кредит на известную сумму единиц трудовой ценности". А в общественных магазинах продукты снабжаются "ярлыками с трудовой их расценкой".

То, что в теории предельной полезности регулирует рынок, в схеме социалистического хозяйства исполняет государство. Приспособление затрат к потребностям происходит на основании последовательности "строения бюджетов", выведения соответствующих "коэффициентов сравнительного значения различных потребностей", изучения вопроса "о том, как изменяется полезность в зависимости от изменения количества благ, служащих удовлетворению соответствующей потребности". Восстановление равновесия при "беговарье" или "затоваривании" было бы "результатом комбинированного изменения размеров производства и оценок".

В данной схеме, по мнению Кровского, "разрыв между спросом и предложением могли бы существовать в течение некоторого времени в отношении того или другого продукта. Однако в том случае, если бы они были длительны и касались бы немалого количества продуктов, они сорвали бы самую систему свободного потребления и заставили бы заманить ее пайковой системой: порядок, при коем оценки не приспособляются достаточно быстро к изменяющимся условиям спроса и предложения, всегда таит в себе такую опасность".¹²

Далее проводится сравнение определенных единиц трудовой ценности С.Т.Струмилина, К.Ф.Шмелева с изложенными выше взглядами К.Маркса. Струмилин писал: "В качестве единиц трудовой ценности я предлагаю принять ценность продукта труда одного нормального работника первого тарифного разряда при выполнении им нормы выработки на 100%". У Шмелева формулировка гласила: "За единицу измерения труда принимается один нормальный день рабочего первого тарифного разряда при выполнении им нормы выработки или задания в 100%... Стоимость изделий или услуг учреждения или предприятия складывается из выраженных в трудах затрат живого труда в нем на эти изделия или услуги и трудовой стоимости потреблен-

12. Кровский Л.Н. Указ. соч., с. III

74

о высоким органическим строением капитала, т.е. в тех, где занято мало рабочих по отношению к капиталу. Ибо в условиях капиталистического рынка "именно здесь с точки зрения трудовых оценок цены относительно высоки и следовательно здесь при переходе к трудовым оценкам они должны будут быть снижены". При пониженных оценках для покрытия возросшего спроса понадобится большее количество продуктов. Такое развитие событий не исключено, "раз вся та доля национального дохода, которая обращается на расширение производства, находится в полном распоряжении государства, и государство затрачивает ее так, как оно хочет это сделать".¹⁷

Вопрос о возможности не создавать с вопросом о целесообразности. И Кровскому "кажется сомнительным", чтобы государственное хозяйство что-либо выиграло от перехода к тому методу учета, который предлагался в 1919 - 1921 гг. Эти предложения имели бы неблагоприятные последствия.

"То обстоятельство, что самый крупный из социалистических мыслителей, К.Маркс, анализировал социальные отношения в капиталистическом обществе с точки зрения затрат труда на производство товаров, само по себе не может служить основанием к тому, чтобы положить этот принцип описания капиталистического хозяйства в основу хозяйственной практики совершенно иной социально-экономической системы. Борьба рабочего класса против капиталистической системы происходит ведь не потому, что товар обменивается пропорционально "выдержкам производства", а не "трудовым ценностям", т.е. не потому, что вся масса прибыли "перераспределяется" пропорционально затраченным в отдельных отраслях производства капиталам, а потому, что эта прибыль поступает в распоряжение владельцев капитала. Цель этой борьбы заключается не в том, чтобы не было "перераспределения" всей массы прибыли между капиталистами и чтобы продукты распределялись пропорционально затратам труда, а в том, чтобы вообще не было присвоения "прибавочного продукта" владельцами средств производства. Даже из описания и критики капиталистической системы К.Маркса поэтому не вытекает необходимость того решения вопроса о порядке оценки хозяйственных благ в социалистическом хозяйстве, которое приводит к учету продукции в "трудах" и к соответствующему ее распределению".¹⁸

Начисление процентов на капитал "легче и правильнее, чем

17. Кровский Л.Н. Указ. соч., с. III

18. Кровский Л.Н. Указ. соч., с. III

76

них средств производства".¹³ Эти определения не совсем годятся, но их различия касаются малозначительных пунктов. В схемах и определениях "для нас важно то, в чем они все сходится".

Прежде всего, "ценностной единицей мог бы быть "труд-час", или "рудо-день", или "труд", как говорили в 1920 году. Единицу эту, как и всякую ценностную единицу, пришлось бы определять условно, например, так, как это сделано было в цитированных выше проектах. Условно можно было бы установить и соотношение между различными видами труда. В капиталистическом хозяйстве расценка рабочих различной квалификации совершается на рынке и отражает в течение коротких промежутков времени соотношение между спросом и предложением, а в течение длительных промежутков времени отражает также условия подготовки этих рабочих сил. В социалистическом хозяйстве дело обстоит бы в этой области иначе. Государство было бы гораздо свободней в установлении шкалы сравнительных оценок. Довольно свободное регламентирование... вполне осуществимый хозяйственный прием".¹⁴

Сходство перечисленных концепций заключается также "в том, что при оценке отдельных предметов должно иметь значение лишь непосредственная затрата труда, затрата материалов и амортизация орудий производства, но не должно иметь значение то, что Маркс называет "органическим строением капитала"... Другими словами, в калькуляцию не вводится то, что в иных хозяйственных условиях носит название процента на капитал".¹⁵

По мнению Кровского, предложенные схемы возможно реализовать практически, но это приведет к серьезным изменениям в экономике. В случае установления учета по "чисто трудовому принципу" пришлось бы установить новое соотношение между спросом и предложением. "Цены, или то, что будет соответствовать им, согласно заданию будут пропорциональны для каждого продукта трудовым затратам, т.е. они в одних случаях будут выше, а в других случаях ниже, чем в условиях капиталистического хозяйства. Следовательно, для приспособления предложения к спросу необходимо будет в одних случаях уменьшить производство, а в других случаях расширить его".¹⁶

"Нетрудно усмотреть", что перелив капитала будет совершаться в сторону усиления средств производства в отраслях промышленности

13. Кровский Л.Н. Указ. соч., с. III, III

14. Кровский Л.Н. Указ. соч., с. III - III

15. Кровский Л.Н. Указ. соч., с. III

16. Кровский Л.Н. Указ. соч., с. III

75

какой-либо другой порядок", позволяло бы направлять вновь накопленные средства производства в те отрасли и предприятия, где можно получить наибольший хозяйственный эффект.

Заключает свой анализ Л.Н.Кровский следующим рассуждением: "С точки зрения "права на полный продукт труда" отдельного рабочего можно было бы привести аргументы в пользу учета продуктов по одним трудовым затратам. Однако во всяком обществе отдельный участник производственного процесса может получить лишь часть продукта, ибо другая часть должна пойти на общегосударственные расходы и на производство средств производства. Часть продукта труда всегда будет обращена на накопление. А если это верно, то не видно, почему в процессе оценки эта доля, присваиваемая обществом в целом, должна быть исключена... не пропорционально затратам средств производства, т.е. аналогично тому, как в капиталистическом хозяйстве начисляется процент на капитал. Только напоминание о том, что процент на капитал в капиталистическом хозяйстве образует классовый доход, могли бы служить психологическим основанием для отказа от такого способа калькуляции. Рациональных оснований для такого отказа не имеется".¹⁹

Хозяйственная практика оказалась несправедливой и фундаментальным положениям трудовой теории ценности (стоимости). "Эпоха военного коммунизма не осуществила ни одной из изложенных выше схем". Преодолев последствия разрушительнейшего кризиса, советская экономика пошла по пути денатурализации хозяйственных связей, устроения принципа пайкового распределения и восстановления денежного обращения.

19. Кровский Л.Н. Указ. соч., с. III

77

ГЛАВА III. ГЕРМЕНЕВТИКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ТОЛКОВАНИЙ ТЕОРИИ К.МАРКСА)

I. Из рассуждений Х.-Г.Гадамера о герменевтике

Термин "герменевтика" озаучен персонажу древнегреческой мифологии Гермесу, который был посредником между богами и людьми. В его обязанности входило истолковывать волеизъявления повеления богов, а богам пересказывать просьбы человеческие. Первоначально под герменевтикой понималось искусство толкования, изречений мудрецов, древних текстов, смысла других языков и т.п. В средневековые толкование касалось преимущественно религиозных сочинений. В XIX веке герменевтика оформилась в самостоятельное философское направление.

Философский аспект придает герменевтика методологическое значение, которое распространяется на все социально-исторические науки. Именно как способ понимания окружающего мира рассматривает герменевтику известный немецкий философ Х.-Г. Гадамер в своей книге "Истина и метод".

Автора отличает широта взгляда. По его мнению, "понимание и истолкование текстов является не только научной задачей, но очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом".¹ Древняя теологическая и филологическая "вспомогательная дисциплина герменевтика" в XIX веке "поднялась над своей изначальной прагматической целью — обеспечением или облегчением понимания" литературных источников.

"И не только литературная традиция предстает как дух, требующий отчужденного и нового, правильного усвоения; все, что уже не пребывает непосредственно в своем мире, а высказывается к нему и в нем, включая все традиции, искусство наряду со всеми другими проявлениями духовного творчества прошлого, право, религию, философию и т.д., отчужденные от своего первоначального смысла, — все устремляется к раскрывающему и посредующему духу, который мы вслед за греками называем Гермесом, посланцем богов. Герменевтика обязана своей центральной в среде гуманитарных наук функцией становлению исторического сознания".²

Часто в науке герменевтическая проблема ставится в смысле конкретизации общих теоретических положений, как необходимость "оглядеть разрыв" между закономерностью и единичным случайным

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988, с.38
2. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.216

78

ния основана на стремлении воспроизвести изначальный результат работы автора текста. Историческое знание помогает возмещению утраченного, восстановлению традиции, возвращению "окказионального" (случайного) и исходного. "Восстановление условий, в которых дошедшее до нас произведение соответствовало своему первоначальному назначению, предполагает, разумеется, существенную для понимания вспомогательную операцию". Однако, "такое определение герменевтики не менее абсурдно, чем всякое восстановление и реставрация прошедшей жизни".³ Это — бессильное начинание перед лицом историчности нашего бытия.⁴ Другая традиция, уходящая корнями в философию Гегеля, считает, что "сущность исторического духа состоит не в восстановлении прошедшего, а в мышлении опосредованном с современной жизнью".⁵

Учение об искусстве понимания и истолкования развивалось в двух направлениях — геологическом и филологическом — под воздействием общих устремлений. Геологическая герменевтика возникла из потребностей "самозащиты реформационного толкования Библии" от нападок сторонников неизменности традиций. Попытки гуманистов возродить классическую литературу сформировали филологическую герменевтику. "В обоих случаях речь шла о возрождении, а именно о возрождении чего-то, что не было просто неизвестным, но что стало чуждым и недоступным по смыслу". Понимание текстов затруднялось, по мнению реформаторов, традициями догматиков и иным языком способом выражения текстов. "Притязание герменевтики состоит в том, чтобы в обеих областях наследия — как для гуманистической литературы, так и для Библии — раскрыть изначальный смысл текстов посредством искусных приемов".⁶

Предпосылкой библейской герменевтики стал реформационный принцип "постижимое через само себя". Священное писание "в своем дословности имеет однозначный, из него самого уяснимый смысл", поэтому не нужна традиция для правильного его постижения, нет необходимости и в искусстве истолкования в прежнем стиле. В частности, аллегорический метод (иносказание), который раньше был незаменим для подтверждения единства библейского учения, теперь сохранял силу там, где в самом Писании отсутствовал аллегорический умысел.

Гадамер так оценивает указанный принцип: "Дословный смысл Писания, разумеется, однозначно понятен не в каждом месте и не

6. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.218
7. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.220
8. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.222

80

фактом. Подобное дедуктивное построение "абстрагируется от исторического масштаба". "Не исключено, что к этому разрыву между всеобщим и конкретным затем прибавляется исторический разрыв и развертывается собственно герменевтическое творчество".⁷

Суть проблем гуманитарных наук, по мнению Гадамера, не может быть верно понята, если измерять их по масштабу прогрессирующего познания закономерностей. "Познание социально-исторического мира не может подняться до уровня науки путем применения индуктивных методов естественных наук... Историческое познание... не имеет своей целью представить конкретное явление как случай, иллюстрирующий общее правило. Единичное не служит простым подтверждением закономерности, которая в практических обстоятельствах позволяет делать предсказания. Напротив, идеалом здесь должно быть понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности. При этом возможно воздействие около угодно большого объема общих знаний; цель же состоит не в их фиксации и расширении для более глубокого понимания общих законов развития людей, народов и государств, но, напротив, в понимании того, каков этот человек, этот народ, это государство, каково было становление, другими словами — как смогло получиться, что они стали такими".⁸

Отдавая предпочтение конкретности гидрографического описания и многообразию его причинно-следственных связей, Гадамер признает определенность номографического подхода в отношении нравственных и социальных явлений. "Применение индуктивного метода в этих областях свободнее от всех метафизических допущений и сохраняет полную независимость от того, каким именно масштабом озабочены наблюдатели явления. Здесь не приписывают, например, причинам определенных проявлений, но просто констатируют регулярность. Тем самым независимо от того, берет ли при этом, например, в свободу воли или нет, в области общественной жизни предсказание в любом случае оказывается возможным... Обусловленность свободных решений — если таковые существуют — не прерывает закономерности процесса, а само по себе принадлежит к сфере обобщений и регулярностей, получаемых благодаря индукции".⁹

Реальные задачи герменевтики обычно располагаются между крайностями: "реконструкция" и "интерпретация". Первая точка зре-

3. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.594
4. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.45 — 46
5. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.45

79

в каждый момент. Понимание отдельного фрагмента обусловлено пониманием Священного писания в целом, равно как и наоборот — это целое может быть достигнуто только благодаря достигнутому пониманию отдельных фрагментов. Подобная замкнутость соотношения целого и частей сама по себе не является чем-то новым. О ней знала уже античная риторика". Реформаторы (Литер и его последователи) "перенесли этот известный из классической риторики образ (уподобления современной речи органическому телу — Г.Ч.) на процедуру понимания и сформулировали в качестве всеобщего принципа интерпретации текста, согласно которому все детали текста следует понимать исходя из контекста, их взаимосвязи и из единого смысла, на который сориентирован текст в целом".¹⁰

Однако, при использовании указанного принципа истолкования Священного писания реформационная теология сама осталась "замкнутой" на догматически принятую предпосылку. "Она предполагает, что Библия как таковая предстает собой единство. Если судить исходя из утвердившейся в XVIII веке исторической точки зрения, то и реформационная теология является догматической и препятствует здравой интерпретации частой Священного писания, которая бы в каждом случае имела в виду относительную их взаимосвязь, цель и композицию Писания".¹¹ Стало быть, филолого-герменевтический принцип понимания текста из него самого "всегда нуждается в дополнении, в большинстве случаев открыто не признаемом, в некоей догматической путеводной нити", обоснованной библейски или рационально.

Герменевтика постепенно освобождалась от догматических ограничений и поднималась до универсальной значимости исторического метода познания. "И поскольку отныне не существует больше никакого различия между интерпретацией священных или мирских произведений и, стало быть, есть одна герменевтика, поскольку герменевтика в конце концов не ограничивается только пропедевтической функцией всякой исторической науки — в качестве искусства правильного истолкования письменных источников, — но еще и перекрывает все поле деятельности самой исторической науки. Ибо то, что справедливо относительно письменных источников, то справедливо также и относительно сообщаемых ими сведений".¹²

В истории человек равным образом обусловлен соотношением между индивидуальностью и объективными обстоятельствами. С од-

9. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.223
10. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.223
11. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.224

81

ной стороны, индивидуальное понимание предопределяется окружающей действительностью. "Сама жизнь, эта текущая временность, предрасположена к выработке устойчивых единиц значений. Жизнь истолковывает сама себя. Она сама имеет герменевтическую структуру".¹² Поэтому "историк сам является частью того исторического хода вещей, который он исследует и который он может наблюдать лишь с той точки зрения, которую он сам принял в одно из мгновений жизни".¹³ Человек "определен и ограничен своей принадлежностью к определенным нравственным сферам, своему отечеству, своим политическим и религиозным убеждениям. Но именно на этой неустранимой односторонности основывается его сопричастность".¹⁴

С другой стороны, понимание предполагает активную деятельность, индивидуальную свободу. "Тот, кто "понимает" текст (или даже закон!), - не только понимающий проецирует себя на некий смысл усиленным пониманием; совершенное понимание выступает для него как состояние новой духовной свободы. Это включает в себя многообразие возможностей истолкования, устроения связей, извлечения выводов и т.п., в которых и заключается - в области понимания текста - то, что называется "разобраться в...".¹⁵ Всякое понимание "есть в конечном итоге самопонимание".

Основной герменевтики является наше собственное отношение к реальным проблемам. "Понять текст всегда означает применить его к нам самим, сознавая, что всякий текст, хотя его всегда можно понять иначе, остается тем же самым текстом, лишь раскрывающимся нам по-разному".¹⁶ Историкование, таким образом, "входит в самое содержание того, что понимается". "Мыслить исторически - значит проделывать те изменения, которые претерпевают понятия прошедших эпох, когда мы сами начинаем мыслить в этих понятиях. Историческое мышление всегда и с самого начала включает в себя опосредование этих понятий с нашим собственным мышлением. Пытаться исключить из толкования свои собственные понятия не только невозможно, но и бессмысленно. Ведь истолковывать как раз и значит: ввести в игру свои собственные пред-понятия, дабы мнение текста действительно обрело язык".¹⁷ Историческая жизнь преданий и традиций состоит в необходимости все новых увещаний и толкований.

12. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.275

13. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.569

14. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.264

15. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.312

16. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.463

17. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.462

82

меньшей мере, чем переворот и обновление".²¹

Смысл сопринадлежности, т.е. момент традиции в историко-герменевтической установке, осуществляется, исходя из общности основополагающих предрассудков. Однако эта связь с прошлым не может быть непосредственным единством, непрерывно длиться традицией. Поэтому герменевтика занимает промежуточную "позицию между чуждостью и близостью", между "понимаемой исторически, отстоявшей от нас предметностью и принадлежностью к определенной традиции. Эта "промежуточность" и есть истинное место герменевтики".²²

Отстояние во времени помогает точнее понимать тексты. "Объективное познание достижимо лишь при наличии определенной исторической дистанции. Суть какого-либо дела, его подлинное содержание выделяется из актуальности проходящих обстоятельств лишь с течением времени. Обозримость, относительная завершенность исторического события, его удаленность от сиюминутности оценок современности действительно являются, в определенном отношении, позитивными условиями исторического понимания".²³

"Каждая эпоха понимает дошедший до нее текст по-своему, поскольку он принадлежит целостности исторического предания, к которому она проявляет фактический интерес и в котором отрешится понять самое себя".²⁴ Действительный смысл текста не исчерпывается прошедшими моментами, представленными автором и его изначальной публикой. Он всегда определяется также исторической ситуацией, в которой находится читатель, и всем объективным ходом истории в целом.

"Понятие ситуации определяется как раз тем, что она представляет собой точку зрения, ограничивающую возможности этого зрения. Это значит, что в понятие ситуации существенным образом входит понятие горизонта. Горизонт - поле зрения, охватывающее и обнимающее все то, что может быть увидено из какого-либо пункта. В применении к мыслительному сознанию мы говорим, далее, об узости горизонта, о возможном расширении горизонта, об открытии новых горизонтов и т.д."²⁵ Всякий раз следует находить такой исторический горизонт, чтобы то, что мы хотим понять, предстало перед нами в своих истинных пропорциях.

21. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.335

22. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.350

23. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.352

24. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.350 - 351

25. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.358

84

Понимание раскрывает свои потенциальные возможности, когда его предварительные мнения не являются случайными. "А потому есть глубокий смысл в том, чтобы истолкователь не просто подошел к тексту со всеми уже имеющимися у него готовыми пред-мнениями, а, напротив, подверг их решительной проверке с точки зрения их оправданности, то есть с точки зрения происхождения и значимости".¹⁸

Понятие предрассудка приобрело негативный оттенок благодаря П. Ловещанину, согласно которому не традиция, а разум представляет собой последний источник авторитета. Преодоление всех предрассудков, это наиболее общее требование эпохи Просвещения, "само разоблачает себя в качестве предрассудка", выявляет собственную абстрактность и революционность. Само по себе слово "предрассудок" означает пред-суждение, т.е. суждение, выказанное до окончательной проверки всех фактических моментов. Это вовсе не говорит о неверности суждения. "Разум существует для нас лишь как реальный исторический разум, а это означает только одно: разум не сам себе господин, он всегда находится в зависимости от тех реальных условий, в которых проявляется его деятельность".¹⁹

Не только история принадлежит нам, но и мы принадлежим истории. "Задолго до того, как мы начинаем постигать самих себя в акте рефлексии, мы с полнейшей самоочевидностью постигаем самих себя в качестве членов семьи, общества и государства, в которых мы живем. Субъективность фокусируется системой кривых зеркал. Самоосознание индивида есть лишь воспоминание в замкнутой цепи исторической жизни. Поэтому предрассудки отдельного человека в гораздо большей степени, чем его суждения, составляют историческую ответственность его бытия".²⁰

Вопреки взглядам Просвещения, традиция не выступает жестким ограничителем свободы, ибо предполагается согласие, забота, сохранение принятых устоев при любых исторических новациях. "Даже там, где жизнь меняется стремительно и резко, как, например, в революционные эпохи, при всех видимых превращениях сохраняется гораздо больше старого, чем полагают обыкновенно, и это старое господствует, объединяясь с новым в новое единство. Во всяком случае, сохранение старого является свободной установкой не в

18. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.319

19. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.328

20. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.329

83

Горизонты сдвигаются вместе с движущимися. "Когда наше историческое сознание переносится в исторические горизонты, то речь идет не об удалении в какие-то чуждые миры, никак не связанные с нашим собственным, но все они, вместе взятые, образуют один большой, внутренне подвижный горизонт, который, выходя за рамки современности, охватывает исторические глубины нашего самосознания. В действительности, следовательно, есть только один-единственный горизонт, обнимающий собой все то, что содержит в себе историческое сознание. Наше собственное и чуждое нам прошлое, к которому обращено наше историческое сознание, участвует в построении этого подвижного горизонта, в котором всегда живет человеческая жизнь и который определяет ее в качестве предания и истоков".²⁶

"Перенесение - себя" на место другого "не есть ни чувствование одной индивидуальности в другую, ни приращение к другому наших собственных масштабов - оно всегда означает достижение более высокой общности, преодолевающей не только нашу собственную партикулярность, но и партикулярность другого. Понятие горизонта направляется здесь потому, что оно дает выражение той возвышенной дальновидности, которой должен обладать понимающий. Обрести горизонт всегда означает: научиться видеть дальше, за пределы близкого и ближайшего".²⁷

Герменевтическая ситуация определяет темп предрассудкам, которые мы в нее признаем и которые образуют горизонт настоящего, поскольку они "есть то, за пределами чего мы не способны видеть". Но неверно считать, будто бы существует некий набор оценок и мнений, ограничивающих горизонт настоящего, в "будто бы инаковость прошлого отделяется от него как от некоего непоколебимого основания". На самом деле горизонт настоящего возникает в процессе непрерывного формирования, поскольку мы должны подвергать постоянной проверке все наши предрассудки. К подобной проверке относится встреча с прошлым и понимание того предания, из которого мы сами исходим. "Понимание всегда есть процесс слияния этих якобы для себя сузких горизонтов".

Историческое понимание означает, что "движущееся к нам предание обращается к настоящему и должно быть понято в его опосредовании этим последним, больше того - как это опосредование".²⁸

26. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.360 - 361

27. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.361

28. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с.388

85

Стало быть, подлежащий пониманию текст обретает конкретность и завершенность лишь в истолковании. Истолкование здесь выступает в форме интерпретации. Интерпретировать следует там, где смысл текста не может быть понят непосредственно, где "мы не можем доверять непосредственности явления".

Интерпретация имеет в виду не разумеющийся самим автором, а скрытый и подлежащий раскрытию смысл. Всякий текст "не просто предстает доступным пониманию смыслом, но нуждается в многообразных толкованиях", в том числе с учетом индивидуальности говорящего или пишущего. "Текст рассматривается как документ, подлинный смысл которого следует искать за пределами его буквального смысла"²⁹ например, путем сравнения с другими источниками, позволяющими определить его ценность.

Обычно смысл текста превращает авторское понимание. "Поэтому понимание является не только репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением". Иногда даже выдвигается тезис, "что писателя нужно понять лучше, чем он сам себя понимал". Гадамер предостерегает от такой чрезмерной самоуверенности, ибо неверно говорить о том, что мы понимаем лучше. "В действительности понимание не может быть лучшим, будь то в смысле лучшего фактического знания, достигнутого благодаря более отчетливым понятиям, будь то в смысле принципиального превосходства, которым обладает осознанное по сравнению с тем неосознанным, что свойственно всякому творчеству. Достаточно сказать, что мы понимаем иначе - если мы вообще понимаем".³⁰

"Герменевтический феномен, по мнению Гадамера, исконным образом включает в себя разговор и структуру вопроса - ответа. Уже то, что переданный нам текст становится предметом истолкования, означает, что этот текст задает интерпретатору вопрос. Поэтому истолкование всегда содержит в себе существенную связь с вопросом, заданным интерпретатору. Понять текст - значит ответить на этот вопрос... Это происходит путем обретения герменевтического горизонта. Этот последний мы понимаем теперь как горизонт вопроса, в границах которого определяется смысловая направленность текста".³¹

Форма беседы неразрывно связана с полемикой, вести которую весьма нелегко. Ибо в этом "повинна власть мнений", подавляющая спрашивающие. "Искусством спрашивания" обладает тот, кто спосо-

29. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 397

30. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 351

31. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 434 - 435

исследования. Таким образом, "вся наука включает в себя герменевтический компонент". Кроме схем "построения гипотез и их проверки" за герменевтикой "остаётся ещё проблема "перевода" научного знания на общезначимый язык". Тем самым наука "получает свою коммуникативную универсальность", соединяется с "донаучным" массовым сознанием.

Это общеденное, рационально непроверяемое "пред-знание" играет важную роль повсюду, где перерабатывается жизненный опыт и функционирует общественная жизнь. "Такое пред-знание не является, конечно, никакой критической инстанцией по отношению к науке, а само подвергается критическим замечаниям со стороны науки, но оно есть и остаётся ведущим методом "всего понимания".³²

Научная терминология не отгорожена наддухо от повседневного словупотребления, а напротив имеет с ним общую среду осуществления - язык. Точно также герменевтика находит общие точки соприкосновения с риторикой (искусством убеждения), поскольку процесс понимания - это единство рационального и эмоционального. И Гадамер выражает "глубокий скепсис по отношению к фантастически высокой переоценке своей роли в общественной деятельности, которую присвоила себе философия, или, иначе говоря - скепсис по отношению к нереальной переоценке разума по сравнению с эмоциональными мотивациями человеческой души".³³

При помощи языкового формулирования не просто указывает на содержание предмета, который можно познать иным путем после повторной проверки, а постоянно старается сделать ясным, уточнить его значение. Здесь герменевтика перекликается с риторической стилистикой, "где убеждение достигается с помощью возбуждения аффектов (сильных страстей)". Герменевтика, по мнению Гадамера, "не ограничивается сферой разумного в письменных текстах. Понимание написанного важно, но оно "все же является запоздалым и потому вторичным феноменом". На самом деле "герменевтический опыт простирается так далеко, как вообще далеко простирается готовность к разговору разумного существа".

Автор пишет: "Я сожалел о непризнании того факта, что эту область герменевтика разделяет с риторикой - область убедительных аргументов (а не логически принуждающих). Это область практики и гуманности вообще, проблемы которых находятся не там, где ж междум - посредник между людьми и миром "духов"

35. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 626

36. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 632

бен противостоять господствующим взглядам, кто сам отскакивает аргументы, говорящие в пользу той или иной точки зрения.

Любопытны рассуждения Х.-Г. Гадамера о герменевтике в социальных исследованиях. "В век, когда до суверена верят в науку", она может осуществлять свою общественную функцию, пока не скрывает своих границ и условности своего поля деятельности. "Герменевтика занимает соответствующее ей место и в теории науки, если она открывает внутри науки - а помощью герменевтической рефлексии - условия истины, которые не лежат в логике исследования, а предшествуют ей".³⁴ Так, предметом гуманитарных наук "является нечто такое, к чему принадлежит с необходимостью и сам познающий".

Очевидно, что постановку вопроса "в эмпирических социальных науках" направляет "пред-понимание". Речь идет о сложившейся общественной системе, которая имеет значение исторически ставшей, научно недоказуемой нормы. Она предостерегает не только предмет научно-научного рационализирования, но и его рамки, в которые "вставляется" методическая работа. Исследование разрешает в данном случае проблему, большей частью учитывая помощи в существующих общественных функциональных взаимосвязях или также путем объяснения критикой идеологии, которая опровергает существующие господствующие отношения".³⁵ Сущность научного овладения ходом событий такова, что оно может служить различным целям. Выбор социальных целей зависит от результатов "борьбы общественно-хозяйственных интересов".

Социолог обязан учитывать условность посылок в теоретических построениях, т.е. критически воспринимать собственные научные предсудски, очерчивая горизонт познания. "Тот, кто, полагаясь на объективность своих методов и отрицая свою собственную историческую обусловленность, мнит себя свободным от предсудсков, тот испытывает на себе могущество этих предсудсков, господствующих над ним без всякого контроля с его стороны... Тот, кто не желает отдавать себе отчет в господствующих над ним суждениях, не сумеет правильно понять то, что является ему в свете этих суждений".³⁶

Абстрактно изолированный исторический вопрос где факт мало что может дать для познания. Статистические показатели, экспериментальные данные получают свое подтверждение только в контексте

32. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 616

33. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 617 - 618

34. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 424

имеет значение власть "железных аргументов"... а там, куда следует приходит путем разумного обдумывания спорного вопроса. Здесь уместны красноречие и искусство аргументации (я его молчаливое утрачение - осмысленное совещание с самим собой). Если красноречие претендует на аффекты - как это было ясно с древних времен, то оно, однако, никак не выпадает по этой причине из области разумного".³⁷

Риторика играет огромную роль в дискуссии "между герменевтикой и критикой идеологии". Эту мысль Гадамер сопровождает бездумным замечанием: "Маркс, Мао Цзедун и Маркузе - которых ныне объединяют в некоторых настенных надписях - имеют популярность, которой они обязаны, разумеется, не "рациональным непринужденным разговором".³⁸

Нельзя риторике приписывать принудительный характер. Ибо в таком случае недооценивается не только опасность манипуляций красноречия и лишения разума самостоятельности, но и шанс соглашения с помощью красноречия, на чем основана общественная жизнь. Вся социальная практика - в том числе и по-настоящему революционная - немислима без функции риторики. Именно научная культура нашей эпохи создает возможность для иллюстрации данного факта. Она поставила перед практикой человеческого соглашения все более расширяющуюся колоссальную задачу - в каждом случае интерпретировать частную область научного овладения предметом в практике общественного разума: здесь выступают средства массовой информации".³⁹

Воздействие на массовое сознание иногда осуществляется с помощью мнимой объективной научности, тенденциозной подборки исторических фактов. "В этом смысле исторический объективизм подобен статистике, которая является столь удобным средством пропаганды именно потому, что говорит языком фактов и тем самым создает видимость объективности, которая на самом деле зависит от оправданности ее постановок вопроса".⁴⁰

Часто риторику рассматривают "в узочном смысле" как "голую технику и только лишь как инструмент общественной манипуляции". Однако, она является существенной стороной всякого разумного отношения. "Способ образования организованного публичного мнения, которое развилось в нашем индустриальном обществе, от-

37. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 633 - 634

38. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 632 - 633

39. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 634

40. Гадамер Х.-Г. Указ. соч., с. 356

нить не исчерпывается область разумной аргументации и критической рефлексии, которыми владеет общественная практика, как бы ни была велика их область воздействия и какой бы высокой степени оценки в манипуляциях они ни заслуживали".⁴¹ Поэтому теоретические положения социальных наук используются в политической борьбе, хозяйственной деятельности, средствах массовой информации лишь после того, как они пройдут риторико-герменевтическую обработку.

2. Теологическая интерпретация марксизма

Предшдущий экскурс показал, что первые герменевтические традиции зародились в теологии. Поэтому обзор толкований учения Маркса можно также начать с богословских взглядов. Проблемам "теологизации" марксизма уделял особое внимание в своих последователях русский философ С.Н. Булгаков. Одна из его работ, вышедшая в свет в 1906 году, так и называется "Карл Маркс как религиозный тип".

Автор поясняет выбранную точку зрения следующими соображениями: "По моему убеждению, определяющей силой в духовной жизни человека является его религия - не только в узком, но и в широком смысле слова, т.е. те высшие и последние ценности, которые признает человек над собой и выше себя, и то практическое отношение, в котором он становится к этим ценностям. Определить действительный религиозный центр в человеке, найти его подлинную душевную сердцевину - это значит узнать о нем самое интимное и важное, после чего будет понятно все внешнее и производное".¹

Здесь отдается дань широкой герменевтической традиции, согласно которой наряду с грамматическим истолкованием необходима психологическая интерпретация. "Пониманию подлежат уже не только дословный текст и его объективный смысл, но также индивидуальность говорящего или пишущего".² Считается, что обращение к теологии мыслей позволяет понять их по-настоящему полно.

Размышления С.Н. Булгакова о религиозности К. Маркса не ограничиваются концепцией грядущей стоимости и даже всей суммой социально-экономических взглядов, но охватывают еще и философско-нравственное мировоззрение последнего. К. Маркс как "духовный отец" наложил свой глубокий отпечаток на социалистическое

41. Геймер Х.-Г. Указ. соч., с. 634

1. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип. В кн.: Философия хозяйства. М., 1990, с. 310

2. Геймер Х.-Г. Указ. соч., с. 234

90

"Для взоров Маркса, - пишет далее Булгаков, - люди складываются в социологические группы, а группы эти чинно и закономерно образуют правильные геометрические фигуры, так, как будто кроме этого мерного движения социологических элементов в истории ничего не происходит, и это упреждение проблемы и заботы о личности, чрезмерная абстрактность, есть основная черта марксизма, и она так идет к волевоу, властному душевному складу создателя этой системы". "Он замуровывал жизнь и историю в ломаший ребра социологический корсет".³

По мнению Булгакова, "никакой преемственной связи между немецким классическим идеализмом и марксизмом не существует, последний вырос на почве окончательного разложения идеализма, следовательно, лишь как один из продуктов этого разложения".⁴ Если Маркс, по его собственному признанию, "кокетничал" подражанием Гегелю в I томе "Капитала", то сие ни о чем содержательном не говорит. Корни атеистического мировоззрения Маркса лежат в учении Фейербаха, но не Гегеля. "Маркс борется с Богом религии и своей наукой, и своим социализмом, который в его руках становится средством для атеизма, оружием для освобождения человечества от религии".⁵

Атеистический гуманизм, по глубокому убеждению С.Н. Булгакова, "не в состоянии удержать одновременно" и личность, и общество (целое). Поэтому он из одной крайности постоянно попадает в другую: то личность своим бунтом разрушает целое и во имя прав индивида отрицает вид (например, философия Ницше), то личность упреждается целым, какой-то "социалистической Спартой", как у Маркса. Общество "превращается не то в муравейник", не то в "пчелиный улей", когда человек просается со своей индивидуальностью.

Социалистическое движение и марксизм - не одно и то же. "Конкретные формы социалистического движения мы знаем, могут весьма различаться по своему духовному содержанию и этической ценности. Оно может быть возмущаемо высоким, чисто религиозным энтузиазмом, поскольку социализм имеет осуществления правды, справедливости и любви в общественных отношениях, но может отличаться преобладанием чувств иного, не столь высокого порядка".¹⁰

"Вся доктрина Маркса, как она вытекала из основного его религиозного мотива - из его воинствующего атеизма; и экономический

7. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 315

8. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 319

9. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 318

10. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 339 - 340

92

движение нового времени. Ответы на вопросы "Кто он? Что он представляет собой по религиозной природе? Какому богу служил он своей жизнью? Какая любовь и какая ненависть закатали душу этого человека?" были "личной потребностью для автора; в течение нескольких лет находившегося под сильным влиянием Маркса, целиком отдававшегося усвоению и развитию его идей и так трудно и мучительно освобождавшегося затем от гнета этого влияния".³

"Ретивые марксисты" дают на поставленные вопросы пропущенный и незатейливый ответ, "что душа Маркса вся соткана была из социалистических чувств, что он любил и жалел угнетаемых рабочих, а ненавидел угнетателей капиталистов и, кроме того, беззаветно верил в наступление светлого царства социализма".⁴ Эта характеристика скорее напоминает "социал-демократическое житие" святого, чем соответствует сложной реальности.

Если судить по печатным трудам Маркса, душе его вообще была гораздо доступнее стихия гнева, ненависти, мотательного чувства, нежели противоположных чувств, - правда, иногда святого гнева, но часто совсем несвятого".⁵

Булгаков проводит параллель между психическим складом личности Маркса и социально-экономическими постулатами его теории. "Характерной особенностью натур диктаторского типа является их прямолинейное и довольно бесперомное отношение к человеческой индивидуальности, люди превращаются для них как бы в алгебраические знаки, предназначенные быть средством для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных целей, или объектом для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного воздействия. В области теории черта эта выразится в недостатке внимания к конкретной, живой человеческой личности... Это теоретическое игнорирование личности, устранение проблемы индивидуального под предлогом социологического истолкования истории необыкновенно характерно и для Маркса. Для него проблема индивидуальности, абсолютного неразложимого ядра человеческой личности, интегрального ее естества не существует. Маркс-мыслитель, невольно подчиняясь здесь Марксу-человеку, растворял индивидуальность в социологии до конца... и эта черта его, между прочим, облегчила построение смелых и обобщающих концепций "экономического понимания истории".⁶

3. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 311

4. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 311

5. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 312

6. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 314

91

ческий материализм, и проповедь беспощадной классовой вражды, и отрицание общечеловеческих ценностей и общеобязательных норм за пределами классового интереса, наконец, учение о непреходимой пропасти, разделяющей два мира - облеченный высшей миссией пролетариат и "общую реакционную массу" его угнетателей, - все эти учения могли действовать, конечно, только в том направлении, чтоб огрубить, оземлянить, придать более прозаический и экономический характер социалистическому движению, сделать в нем слышнее ноты классовой ненависти, чем ноты всечеловеческой любви".¹¹ Приемленность, упрощенность, известная догматичность и призыв к светлому будущему делают учение научного социализма похожим на "народную религию".

Идеи Маркса стали объектом вероисповедания многих миллионов людей. Данный аспект религиозности марксизма затрагивает С.Н. Булгаков в другой своей работе "Основание проблемы теории прогресса", изданной в 1913 году. "Это учение хотело доказать данными научно-производства, составляющего вместе с тем и идеал современного человечества; насколько оно касается будущего, это учение представляет очень типичный и наиболее яркий пример научной теодицеи".¹²

Интерпретация проблемы в духе теологии вполне уместна с точки зрения Булгакова. Ибо он пытается найти области соприкосновения между религиозным и научно-материалистическим объяснением развития человеческого мира. "Теория прогресса является для механического миропонимания теодицеей... Рядом с понятием эволюции, беспечного и бессмысленного развития, создается понятие прогресса, эволюции телеологической, в которой причинность и постепенное раскрытие цели этой эволюции совпадают до полного отождествления".¹³ Концепция прогресса является для современного человека религией и метафизикой одновременно.

Подобное совпадение неудивительно. Ибо "основные носышки теории прогресса таковы: нравственная свобода человеческой личности (свобода воли) как условие автономной нравственной жизни; абсолютная ценность личности и идеальная природа человеческой души, опосредная к бесконечному развитию и усовершенствованию;

11. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 340

12. Булгаков С.Н. Основание проблемы теории прогресса. В кн.: Философия хозяйства. М., 1990, с. 271. Под теодицеей понимается раскрытие высшего разума, целесообразности в мире.

13. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 269

93

абсолютный разум, правящий миром и историей; нравственный миропорядок или царство нравственных целей, добро не только как субъективное представление, но и объективное и мощное начало. Все эти положения в своей совокупности входят как неотъемлемая часть в философию теизма, именно христианского теизма (хотя, конечно, далеко не исчерпывают всего ее содержания)".¹⁴ С.Н. Булгаков не сомневается в том, что учение о прогрессе есть специфически христианская доктрина, даже "позитивно-атеистическая теория прогресса роковым образом основывается только на вере", хотя и прикрывается "научообразным облачением".

Поэтому кризис марксизма в рабочем движении в конце XIX - начале XX вв автор связывает прежде всего с моральными и религиозными мотивами. "Марксизм представляет собой самую яркую версию теории прогресса; он воодушевлял своих сторонников верой в близкий и закономерный приход иного, совершенного общественного строя, конца царства необходимости и начала царства свободы. Он силен был, таким образом, не своими научными, а своими утопическими элементами, не своей наукой, а своей верой. Отброшенное теперь как утопическое, учение о социальной катастрофе и о "прыжке" в царство свободы являлось центральным нервом прежнего марксизма, его эсхатологией. Но вера эта, неправильно направленная, должна была рассеяться или, по крайней мере, ослабнуть вместе с ростом движения. На очередь ставилось все больше практических задач... Современное развитие олицетворяет, таким образом, двусторонним характером: с одной стороны, умириваются практические завоевания рабочего сословия, с другой - утверждаются и убаиваются прежние религиозно-восторженные верования; в полумрак святилища вносятся дневной прозаический свет".¹⁵

Религиозно-нравственные устои составляют ту научную платформу, с которой С.Н. Булгаков критически интерпретирует трудовую теорию ценности в своей докторской диссертации "Философия хозяйства", защищенной в 1912 году. Соискатель докторской степени рассматривает хозяйство как "процесс столько же материальный, сколько и духовный". "Хозяйство, по существу, включает в себя человеческий труд во всех его применениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета. Признак хозяйства - трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, а противоположность даровому их получению.

14. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.296

15. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.303 - 304

94

соответствующим образом проявляться и в феноменологии хозяйственной жизни, на поверхности ее явлений; вывод: поэтому меновые пропорции, или ценности товаров, определяются количеством труда, затраченного на их производство. Очевидно, однако, что ее творцы в стремлении возвысить труд (отчасти по мотивам социалистического человеколюбия) совершенно затмили свою идею, придают ей милое, уродливое выражение, которое оказывается незначительным и в специально-научном смысле. Цены товаров, даже по признанию самих творцов трудовой теории ценности (Рикардо, Родбертуса и Маркса), не соответствуют трудовым ценностям, им приписывается почетная роль идеального, теоретического морля ценностей, - вовсе лишит труд этого значения он, очевидно, не считали возможным. Но в действительности для оценки значения труда в хозяйстве, как его основы, совершенно несущественно и, пожалуй, даже неинтересно, в каком отношении рыночные цены стоят к трудовым ценностям (последние, впрочем, и не допускают даже теоретического исключения иначе, как путем логических скачков и неразрешимых уравнений со многими неизвестными), и тем не менее значение труда как основы хозяйства останется в полной силе. Если верна большая посылка трудовой теории ценности и до некоторой степени верна даже и малая, то вывод из них, который делает трудовая теория ценности, совершенно не соответствует ни большой, ни малой посылке, потому что переносит вопрос о принципиальной высоте в меркантильную практику, на рынок".¹⁹

Канонизация и обожествление марксизма естественным образом вытекают из противоречий его философии - экономического материализма. Обосновывая это умозаключение, С.Н. Булгаков выступает против примитивного объяснения хода исторических событий только с позиции одной теории трудовой ценности. Человеческая жизнь многообразна и ее неправомерно объяснять и сводить к материальному производству, отвергая высоты духовной сферы. "Понятия форм производства, с "диалектической" необходимостью сменяемых друг друга на известной ступени "развития производительных сил", очевидно, выработаны на веротате политической экономии для ее нужд, но теперь оказывается необходимым пристегивать к ним всю духовную историю человечества, разрезая ее на куски в соответствии этим политико-экономическим схемам... Это незаконное упреждение понятий политической экономии в качестве исчерпывающих категорий философии хозяйства совершенно закрывает логические горизонты для экономического материализма".²⁰

19. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.87

20. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.242

96

Это напряженная активность человеческой жизни во исполнение Божьего слова: в поте лица твоего съешь хлеб свой, и притом всякий хлеб, т.е. не только материальную пищу, но и духовную: в поте лица, хозяйственным трудом не только производится хозяйственные продукты, но осваивается и вся культура."

"Мир как хозяйство - это мир как объект труда, а постольку и как продукт труда. Печать хозяйства кладется именно трудом, в этом права трудовая теория ценности, права политическая экономия, которая верно чувствует универсальное, космическое знание труда, хотя и не умеет его как следует выразить и до конца осмыслить".¹⁶

Теория ценности, принятая в экономической науке, не нравятся Булгакову, так как ей свойственно узкое, материалистическое и меркантильное истолкование. "Уже с самого своего зарождения - в меркантилизме, у физиократов, у Ад. Смита и других представителей классической школы, наконец, в социализме политическая экономия стремится точнее определить понятие "производительного", т.е. хозяйственного труда, чтобы отмежевать при помощи его область своего специального исследования, которое иначе грозило бы расширяться безгранично и должно было бы включить в себя всю науку о культуре".¹⁷

Определение производительного труда только как труда, создающего материальные продукты, явно недостаточно. "Например, Маркс определяет ценности как отсветки или кристаллы труда, труд же как затрату человеческой энергии, а последняя с грубым и важным материализмом определяется им как трата нервов, мускулов, костей, физиологической энергии".¹⁸ Но и трудовая теория ценности, и "теории, построенные для ее воспроизведения и отрицания универсальное значение трудового начала, одинаково суть продукты труда", и как материальные блага, различаются по качеству, полезности и пригодности".

Несмотря на все ее упущения, теория трудовой ценности, по мнению С.Н. Булгакова, содержит "зерно истины", "сохраняет жизнеспособность, хотя и в ином истолковании, чем давали ей творцы ее", которые облекли это зерно "в совершенно закрывающую ее шелуху". "Основную мысль теории меновой ценности можно истолковать так. Большая посылка: труд есть высшее начало хозяйственной жизни, ее собой устанавливающее; меньшая посылка: эта роль труда должна

16. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.43

17. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.42

18. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.86

95

Экономическому материализму необходимо "объяснить возможность самого себя". С.Н. Булгаков задает вопросом: "Каким образом возможна эта саморефлексия, самоосознание, если мир есть только механизм, а человек до конца принадлежит экономической закономерности, и все, что он делает и думает, есть "в конечном счете" лишь надстройка или идеология, даже некоторый самообман, иллюзия?... По-видимому, и на творцов экономического материализма набегало облако такого сомнения, и тогда они пытались от него отмахнуться, делая попытки объяснить самоосознание экономического материализма: по учению их, на определенной ступени экономического развития, а именно в стадии товарного капиталистического производства, открываются глаза на всеобщую экономическую зависимость и тем устраняется идеологическое понимание истории. Пусть так, но ведь, рассуждая таким образом, мы ставим экономический материализм ничуть не выше, нежели все остальные, им отвергнутые и презираемые идеологии: он, как и эти последние, одинаково необходим для своего времени, тоже представляет идеологический рефлекс определенной экономической формации. Только и всего. Но истинность или неистинность его этим: отнюдь не устанавливается".²¹

Чтобы избежать подобного скептицизма, экономический материализм вынужден, кроме экономического базиса, основываться "на вере в человеческий гений, конечно, не всех людей, но определенных, канонизованных социалистической церковью избранников. Карл Маркс в научных исследованиях фактически ставится экономическими материалистами вне сферы влияния экономического материализма, да, в сущности, и сам себя вне нее ставит, он остается для него экотерриториален. Только ценой философской канонизации Маркса, изымая его из мировой необходимости, может быть утверждена истинность экономического материализма. Он превращается этим из научной теории, каков хочет быть он сам, в откровение, органом которого являются избранники - его пророки".²²

"Иррациональная метафизика" в марксизме соединяется с "притязательным рационализмом", который "опирается не на разлитый в мир разум - мир, как механизм, неразумен, - но исключительно на гений отдельного лица или лиц, вещей ясновидцев ореди этой абсолютной тьмы. Таким радикальным культом героев, в котором они, в сущности, наделяются атрибутом божества, способностью к высшему, сверхприродному ведению, невозможно закарпачивать эта теория, как им она и начинается, и это несмотря на то, что в ней ирони-

21. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.247 - 248

22. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.248

97

лось все индивидуальное, а внимание сосредоточивалось только на массах и их движениях. Вера в авторитет — такова гносеология экономического материализма, ее логическая основа".²³ Поэтому знания, получаемые в ходе научного анализа, отстаивают перед догматами, черпающими силу в вере, ибо последние не подвергаются сомнению и воспринимаются как аксиомы без необходимых доказательств.

3. Рационально-догматическое толкование теории стоимости К.Маркса

К религиозной интерпретации непосредственно примыкает рационально-догматическое толкование, которое исповедует термевитический принцип понимания текста из него самого. Подобный подход прослеживается в книге И.И.Рубина "Очерки по теории стоимости Маркса". Комментарий марксистское учение, автор придерживается той же схемы, что и теологи эпохи Реформации, объяснявшие значение каждого фрагмента Библии общим смысловым содержанием всего Священного писания. "Прежде чем приступить к подробному изложению марксовой теории стоимости, мы считаем необходимым дать общую ее характеристику. В противном случае изложение отдельных сторон и частных проблем теории стоимости, очень сложных и интересных, может заслонить от внимания читателя те основные идеи, на которых построена вся теория и которые пронизывают каждую ее часть".⁴

Обоснованию целостности, завершённости самостоятельности трудовой теории стоимости подчинено все герменевтическое творчество Рубина. В нем ощущается желание смирить противоречия между отдельными теобогических положений ортодоксальной доктрины, стремление преодолеть смысловой отрыв исходных абстракций Маркса от конкретных хозяйственных форм с помощью построения логических переходов между ними. Много усилий затрачивается на преодоление исторического разрыва, т.е. для того, чтобы "вписать" вневременную теорию стоимости в рамках реального исторического процесса. При этом используются известные герменевтические установки, согласно которым интерпретатор понимает автора лучше (не хуже), чем последний сам себя понимал; текст надо толковать не только дословно, но и за пределами его буквального смысла. Но хотя из контекста и других сопутствующих обстоятельств.

23. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.248 - 249

1. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд. четвертое, М., 1930, с.68

98

Здесь исходным пунктом последования берется не стоимость, а труд — не акты рыночного обмена, как таковые, а производственная структура товарного общества, совокупности производственных отношений людей. Акты рыночного обмена выступают, как необходимые следствие внутренней структуры общества, как один из моментов общественного производственного процесса. Теория трудовой стоимости находит свое обоснование не в анализе акта обмена, как такового, а в его внешней форме, а в исследовании тех общественных производственных отношений, выражением которых он является".⁴

Автор пытается вывести из-под огня критики фундаментальные положения марксистской теории стоимости, показывая возможность более "тонкого" их понимания, выделяя смысловые оттенки, которые, по его мнению, не удалялись научные оппоненты. "Положение, что труд образует стоимость, было известно задолго до Маркса, а в теории Маркса оно приобрело совсем другой смысл. Маркс провел точное различие между материально-техническим процессом производства и его общественной формой, между трудом, как совокупностью технических приемов (конкретный труд), и трудом, рассматриваемым со стороны его социальной формы в товарно-капиталистическом обществе (абстрактный или всеобщий труд)".⁵

Рубин развивает эти мысли, дополняет Маркса своим замечанием о том, что стоимость представляет собой не "вещность" продукта труда (как это понимал Бем-Баверк и другие критики), а определенную "социальную форму" или "социальную функцию". "На самом же деле речь идет о различии между "материальным" и "функциональным" существованием вещи, между продуктом труда и его социальной формой, между вещью и производственным отношением людей, "сравненным" с вещью, т.е. проявляющимся через посредство вещи".⁶

Комментатор "Капитала" намеренно противопоставляет социальное и материальное, сдвигает первое от второго и переводит обсуждение всех спорных вопросов в область метафизических абстракций. Отвлеченное теоретизирование в сфере "идеальной" экономики позволяет выдвигать любые гипотезы, исходя из произвольных допущений, не заботясь об их проверке эмпирическими фактами. Тем самым отменяется аргументация ученых-экономистов, которые упрекали Маркса в несостоятельности его исходных посылок реально хозяйственной практики.

4. Рубин И.И. Указ. соч., с. 57

5. Рубин И.И. Указ. соч., с.64

6. Рубин И.И. Указ. соч., с.66

100

В своей работе Рубин учитывает опыт полемики вокруг марксистской теории стоимости. В частности, "вся критика Бем-Баверка держится и падает вместе с предположением, на котором он построен: а именно, что первые пять страниц "Капитала" содержат единственное обоснование, которое Маркс дал своей теории стоимости. Нет ничего ошибочнее этой мысли. На первых страницах "Капитала" Маркс при помощи аналитического метода переходит от меновой стоимости к стоимости, а от стоимости — к труду. Но полное же тектическое обоснование теории стоимости Маркса может быть дано лишь на основе его теории товарного фетишизма, изучающей общую структуру товарного хозяйства. Надо вскрыть обоснование теории стоимости у Маркса, и лишь после этого нам станет понятным изложение Маркса в знаменитой первой главе "Капитала".² Таким образом, комментатор переворачивает логику доказательств и предлагает идти в направлении, обратном текстовому изложению, — с конечных выводов к исходным посылкам.

Во главу угла "Очерков" поставлено понимание социологического характера теории стоимости Маркса. "Последний берет своим исходным пунктом определенную социальную среду, общество с определенными производственными структурами. Это положение неоднократно повторялось марксистами; но до Гильфердинга никто не делал его краеугольным камнем всего здания марксовой теории стоимости. Гильфердингу принадлежит большая заслуга в этом отношении, но он к сожалению, ограничился общей постановкой проблемы теории стоимости и не дал ей систематического обоснования".³

Согласно концепции товарного фетишизма, производственные отношения людей "в товарно-капиталистическом хозяйстве неизбежно принимают вещную форму и только в этой форме могут осуществляться". Аналогично ей, советует Рубин, надо понимать и марксову теорию стоимости. Обычно краткая формулировка этой теории гласит, что стоимости товаров зависят от количества труда, общественно-необходимого для их производства; или, в обобщенной формулировке, что под стоимостью скрыт или содержится труд, стоимость — "овеществленный" труд. Правильнее выразить теорию стоимости в обратном виде: в товарно-капиталистическом хозяйстве производственные-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и только в этой внешней форме и могут проявляться; общественный труд может найти свое выражение только в стоимости.

2. Рубин И.И. Указ. соч., с.56

3. Рубин И.И. Указ. соч., с.58

99

Наглядным примером метафизической интерпретации служит понимание овеществленного в товаре труда — изначального постулата трудовой теории стоимости. Это — овеществление "общественного акта приравнивания труда в форме приравнивания вещей", но не материальное овеществление труда в его изданных. "Теория трудовой стоимости утверждает не материальную конденсацию труда как фактора производства в вещах как продуктах труда, — явление, имевшее место во всех исторических формах и представляющее техническую предпосылку стоимости, но не ее источник, — фетишизированное, овеществленное, выражение общественного труда в стоимости вещей. Труд "кристаллизуется" или оформляется в стоимости в том смысле, что принимает социальную "форму стоимости", в ней выражается или "представляется". Последнее выражение употребляется Марксом наиболее часто для характеристики отношения между абстрактным трудом и стоимостью. Можно только удивляться, что критики Маркса не замечали этой неразрывной связи его теории трудовой стоимости с учением об овеществлении или фетишизации производственных отношений людей и понимали марксову теорию стоимости в механистическо-натуралистическом, а не социологическом смысле".⁷

Заранее заданная схема рационально-догматического толкования вынуждает обходить острые углы конкретных проблем экономической науки, подменять их общими рассуждениями "по поводу". Понятие "социальный" неявно используется в качестве синонима термина "идеальный". И место изучения реальных хозяйственных процессов занимает абстрактно-философский анализ экономических категорий. Видимость солидного методологического обоснования теории трудовой стоимости создается "разглядыванием" ее то с точки зрения качества и количества, то с точки зрения формы и содержания и т.д. Таким образом, терпится специфика экономического исследования.

"Социологизация" преобладает в первой половине "Очерков", где И.И.Рубин напрямую отождествляет хозяйствование с процессом философского познания. Экономические категории, по авторскому убеждению, должны выражать только идеальное. Из них исчезают следы материально-технической деятельности, т.е. труда как такового. Даже глубоко "овеществленный" обмен товара на товар предстает как акт, "в котором совершается абстрагирование (отвлечение) от конкретных потребительных стоимостей и конкретного вида труда".⁸

7. Рубин И.И. Указ. соч., с.66

8. Рубин И.И. Указ. соч., с.60

101

стало быть, как акт научного обобщения. "Маркс не уставал повторять, что стоимость есть явление общественное, что бытие стоимости имеет "чисто общественный характер" и не заключает в себе ни одного атома материи. Отсюда вытекает, что и абстрактный труд, образующий стоимость, должен быть понимаем как категория социальная, а которой мы не найдем ни одного атома материи".⁹

Дело доходит до таких высших (пустых) абстракций, что трудовая теория стоимости требует не гадать труд со стоимостью, и почти полностью отрывается от своей исходной посылки. Интерпретатор толкует все весьма "просто": "Маркс анализирует "форму стоимости" отдельно от меновой стоимости. Для того, чтобы в самое понятие стоимости внести социальную форму продукта труда, мы вынуждены были произвести как бы расщепление или раздвоение социальной формы продукта на две формы: на "форму стоимости" и "меновую стоимость", понимая под первой социальную форму продукта, еще не конкретизировавшуюся в определенной вещи, а представляющую собой как бы абстрактное свойство товара. Для того, чтобы внести в самое понятие стоимости признаки социальной формы продукта труда и тем самым доказать недопустимость отождествления понятия стоимости с понятием труда - отожествления, к которому часто прибегались популярные изложения Маркса, - мы должны были доказать, что стоимость должна быть рассматриваема не только со стороны субстанции стоимости (т.е. труда), но и со стороны "формы стоимости", а для того, чтобы форму стоимости внести в самое понятие стоимости, мы должны были отделить ее от меновой стоимости, которая рассматривается Марксом отдельно от стоимости. Таким образом мы расщепили социальную форму продукта на две части: на социальную форму, еще не принявшую конкретного вида (т.е. "форму стоимости"), и на ту же форму, уже принявшую конкретный и самостоятельный вид (т.е. меновую стоимость)".¹⁰ Приведенная пространная цитата "объясняет", до какой степени пустоты надо выхолостить содержание экономических категорий, чтобы доказать "правильность" отстаиваемой теории.

Посредством подобного упрощения можно построить любую метафизическую (абстрактную) концепцию. Можно также и добавлять недостающие "частности", сохраняя видимость якобы неизменного, неизменного изначального пункта исследования. Так рационально-догматически растолковывает марксово учение и цитируемый автор. Вслед за "разделением" наступает черед присоединения. "Общественный труд овеществляется", присоединяет "форму стоимости", т.е. форму

9. Рубин И.И. Указ. соч., с.118

10. Рубин И.И. Указ. соч., с.101 - 102

102

особой роли труда было лишь условным допущением, от которого настало время "отвлекаться".

Рубин был одним из инициаторов замены термина "ценность" термином "стоимость" в советской экономической литературе как более правильного перевода этого слова с немецкого языка.¹⁴ Такой герменевтический прием имел своей целью облегчить истолкование "чувственно-сверхчувственной" теории. Языковыми средствами обривалась традиция российской экономической школы, изглаживалось всякое воспоминание о рыночных ценах. Ничего уже не мешало парить в области "высоких" абстракций.

Главная позиция, комментатор старается сохранить непротронутой целостности учения. Он перекрывает от идеальных конструкций "форму стоимости" к грубому эмпиризму производства без всяких промежуточных рассуждений. Тем самым резко меняется содержание содержания истолкования. Теперь уже "система совокупного общественного абстрактного труда" перестает быть конечной причиной "системы стоимостей" и, в свою очередь, "приводится в движение развитием материальных производительных сил, этим последним фактором развития общества вообще".¹⁵ Таким образом, теория стоимости Маркса увязывается с его же теорией исторического материализма.

Первоначальная посылка трудовой теории стоимости оттесняется на второй план. Ее место достается новой предпосылке. И схема товарного хозяйства, по мнению И.И.Рубина, выглядит так: "производительность труда - абстрактный труд - стоимость - распределение общественного труда".¹⁶ Здесь гипотеза об абстрактном труде принимается в качестве необходимого логического перехода. До Маркса "исследования подвергались два крайних звена теории стоимости; факт развития производительности труда и техники, как внутренняя причина изменений стоимости, и факт относительных изменений стоимости товаров на рынке. Но недоставало посредствующего звена: "формы стоимости", т.е. стоимости как формы, характеризующейся овеществлением производственных отношений и превращением общественного труда в свойство продукта труда".¹⁷

Двойственность исходного пункта - посылки и предпосылки - помогает автору разъяснять все спорные положения марксовской кон-

14. Основные проблемы политической экономии. Под ред. Ш.Джойлашского и П.Рубина. М., 1922, с.УИ

15. Рубин И.И. Указ. соч., с.105

16. Рубин И.И. Указ. соч., с.61

17. Рубин И.И. Указ. соч., с.106

104

свойства, приращенного к вещи и как будто присущего самой вещи. Этот "овеществленный труд (а не общественный труд как таковой) и составляет стоимость. Именно это мы имеем в виду, когда говорим, что стоимость уже включает в себя социальную "форму стоимости".¹¹

Присоединение новых определений к исходной посылке (исходным категориям) означает их конкретизацию - явление нормальное и обычное в науке. Но в данном случае оно констатирует признание тех моментов, которые сперва отвергались как логичные или ошибочные ради утверждения догматических постулатов доктрины. Теоретические уступки сопровождаются отговорками, затейливыми фразами и запутанными логическими ходами. Это не меняет существа дела. После анализа, полного "причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений", надо из сферы "чувственно-сверхчувственной"¹² нисходить к земной прозе.

Соблюсти пристойность отказа от "мистического характера" стоимости помогает использование категорий метафизики. Приходится от "философствования" возвращаться к экономике, восстанавливать отброшенное "за ненужностью", скачками мысли преодолевать искусственно созданный разрыв между теорией и практикой. "До сих пор мы рассматривали связь между субстанцией и формой стоимости с качественной стороны. Теперь мы должны рассмотреть ту же связь между ними с количественной стороны, а тем самым мы переходим от субстанции и формы к третьему моменту стоимости - к величине стоимости... Со стороны количественной речь идет о соотношения между количеством абстрактного, общественно-необходимого труда и величиной стоимости продуктов, изменения которой служат основой закономерной динамики рыночных цен. Величина стоимости изменяется в зависимости от количества абстрактного, общественно-необходимого труда, а благодаря двойственному характеру труда изменения количества абстрактного, общественно-необходимого труда вызываются, в свою очередь, изменениями количества конкретного труда, т.е. развитием материально-технического процесса производства, а частности производительности труда".¹³ Из сказанного легко заключить, что не только труд, но и все факторы производства "обработают стоимость форму (выражаются в стоимости). Они одновременно определяют ее величину, точнее, уровень цен (менных пропорций). Выделены

11. Рубин И.И. Указ. соч., с.101

12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т.23, с.80,81

13. Рубин И.И. Указ. соч., с.105

103

цепи, опираясь, смотря по обстоятельствам, то на идеальную посылку, то на материальную предпосылку, то на ту и другую вместе. В целом же наблюдается тенденция к уменьшению роли труда в определении стоимостных пропорций и к "материализации" теории стоимости по мере развертывания ее рационально-догматического толкования.

Так, перечисляются признаки, облегчающие труд "с материально-технической и физиологической стороны" и оказывающие "причинное влияние на количественную определенность абстрактного труда":

1) продолжительность трудовой затраты, или количество рабочего времени; 2) интенсивность труда; 3) квалифицированный характер труда и 4) количество продуктов, произведенных в единицу времени.¹⁸ Затем дается уточняющая и дополнительная характеристика стоимостных параметров: величина общественно-необходимого времени определяется уровнем развития производительных сил, понимая последние в широком смысле, как совокупность материально-технических, организационных и личных факторов производства.¹⁹

Наконец, решающим фактором образования цен (стоимости) объявляется не труд, а состояние техники. Это делается в интересах сохранения единства марксистской теории, которая принимает значение спроса и предложения в регулировании цен и превеличивает влияние производственной сферы. "Состояние техники определяет стоимость продукта, а стоимость в свою очередь определяет, при данном состоянии потребностей и платежеспособности населения, нормальный размер спроса и соответствующий ему нормальный размер предложения".²⁰ Стоимость единицы продукции определяется трудом только при данном состоянии техники и является величиной относительно постоянной, в отличие от колеблющихся рыночных цен.²¹ Стало быть, в скрытом виде уже предполагается понятие "стоимости" как среднестатистической величины, средней из множества эмпирических цен. Подчиненный характер труда в ценообразовании подтверждается также тем, что распределение труда регулируется распределением капиталов.²²

Наиболее сложные герменевтические проблемы ставят перед интерпретатором текста "Капитала" логический и исторический разрыв между определениями "трудовой стоимости" и "цен производства".

18. Рубин И.И. Указ. соч., с.137

19. Рубин И.И. Указ. соч., с.151

20. Рубин И.И. Указ. соч., с.165

21. Рубин И.И. Указ. соч., с.175

22. Рубин И.И. Указ. соч., с.194

105

По мнению Рубина, "теория трудовой стоимости и теория цен производства отличаются одна от другой не как различные теории, имеющие силу в различные исторические периоды, не как абстрактная теория и конкретный факт, но как две ступени абстракции одной и той же теории капиталистического хозяйства. Первая теория предполагает только производственные отношения между товаропроизводителями, вторая теория предполагает также производственные отношения между капиталистами и рабочими, с одной стороны, и между разными группами промышленных капиталистов, с другой".²³

Толкователь считает, что цепь логических звеньев, образующих марксову схему цен производства, замкнулась и включает в себя следующие основные звенья: производительность труда - абстрактный труд - стоимость - цена производства (издержки производства плюс средняя прибыль) - распределение капиталов - распределение труда. "Если мы сравним эту шестичленную схему с четырехчленной схемой простого товарного хозяйства: производительность труда - абстрактный труд - стоимость - распределение труда, то увидим, что звенья схемы простого товарного хозяйства вошли в схему капиталистического хозяйства. Следовательно, теория трудовой стоимости представляет собой необходимый базис теории цен производства, а последняя - необходимое развитие первой".²⁴

"В обеих схемах исходное и конечное явления те же самые, и самый механизм причинной связи между ними один и тот же. Но в первой схеме мы предполагаем, что причинная связь носит более прямой, непосредственный характер. Во второй схеме мы вводим усложняющиеся моменты, промежуточные звенья. Это - обычный путь абстрактного исследования, путь к которому Маркс прибегает во всех своих построениях. Первая схема представляет собой более абстрактную, упрощенную модель явления, но модель необходимую для понимания более сложной формы явления, как оно происходит в капиталистическом обществе. Если бы мы ограничились теми промежуточными звеньями, которые бросаются в глаза на поверхности явлений капиталистического хозяйства, а именно ценою производства и распределением капиталов, то исследование наше осталось бы незаконченным, и притом в обоих направлениях, в исходном и конечном пунктах".²⁵

Рубин повторяет расхожий аргумент в защиту трудового определения стоимости. Если цену производства выводят из сумм издер-

23. Рубин И.И. Указ. соч., с.221

24. Рубин И.И. Указ. соч., с.214

25. Рубин И.И. Указ. соч., с.216 - 217

для решения практических вопросов.

Данный вывод направляется сам собой и при изучении нижеследующих рассуждений. "Исторический вопрос о том, обменивались ли товары до возникновения капитализма пропорционально трудовым затратам, должен быть отделен от вопроса о теоретическом значении учения о трудовой стоимости. Если бы первый вопрос был решен утвердительно, но вместе с тем объяснение капиталистического хозяйства не нуждалось бы в теории трудовой стоимости, мы могли бы смотреть на эту теорию как на историческое введение в политическую экономию, но уж, во всяком случае, не как на основную теоретическую базу, на котором возведено здание марксовской политической экономии. Обратное, если бы исторический вопрос был решен в смысле отрицательном, но одновременно была бы доказана необходимость теории трудовой стоимости для теоретического осмысления и обобщения сложных явлений капиталистического хозяйства, она сохранила бы в теоретической экономике то почетное место, которое занимает ныне. Словом, как бы ни решался исторический вопрос о действии закона трудовой стоимости в периоды, предшествовавшие капитализму, это решение ни в малейшей мере не освобождает марксистов от обязанности принять бой с противниками по вопросу о теоретическом значении закона трудовой стоимости для понимания капиталистического хозяйства. Смешение в учении о стоимости теоретической и исторической постановки вопроса не только, безусловно, но и вредно. Такая постановка выдвигает на первый план пропорции обмена, игнорируя социальную форму и социальную функцию стоимости, как регулятора распределения труда, функцию, которую она выполняет в широких размерах только в развитом товарном, т.е. капиталистическом хозяйстве".²⁶

Теория тут явно не в ладах с историей. И толкование И.И. Рубина противоречит фактам: в условиях машинного производства (которое Маркс берет за образец капиталистического) цены определяются не только затратами труда, но и капитала. Ссылание о том, что "историческая" постановка вопроса приводит "...к игнорированию исторического характера категории стоимости", звучит фальшиво.

Апология теории стоимости не только открещивает от прошлого, но и от настоящего. Спасая марксову концепцию от обязательной проверки хозяйственным опытом, Рубин по существу обнажает ее практическую несостоятельность. Ибо соответствие действительности, прагматизм - важнейшие критерии истины и приемле-

26. Рубин И.И. Указ. соч., с.220

как производства и средней прибыли, то, значит просто отсылают "от стоимости продукта к стоимости составных его элементов", т.е. не уходит из "порочного круга". Цена производства может быть "объяснима только изменениями в производительности труда и трудовой стоимости продуктов".

Здесь надо сделать следующие замечания. Во-первых, еще А.Маршалл четко показал, что взаимное влияние цен и издержек - вовсе не закодированный круг,²⁷ а соотношение меняющихся во времени величин. Во-вторых, рационально-догматическое толкование марксовской модели само обречено на создание замкнутого круга логических доказательств. Автор "Очерков" не случайно дописал от себя первый и последние пункты теоретической схемы, дабы свести концы с концами: труд - источник стоимости, его распределение - результат действия закона стоимости.

Однако заключительное звено - "распределение труда" - можно спокойно опустить, ибо оно производно от предыдущего - "распределения капитала" - и всецело им обуславливается. Иное дело - первоначальная посылка. "Производительность труда" умственно ставится перед "абстрактным трудом", поскольку без нее вся схема повисает в воздухе и теряет всякую связь с реальностью. Ведь существование абстрактного труда - это научная гипотеза, которую нельзя принять на веру, а доказать фактами едва ли удастся. Более того, вся процедура построения и истолкования схем затеяна прежде всего с целью подтвердить истинность недоказуемых теоретических положений. И именно их легко убрать из логической цепи без малейшего ущерба для целостности модели рыночного хозяйственного механизма.

В самом деле, любое из оставшихся звеньев можно водворить на место исходного пункта и им же завершить, замкнуть круг рассуждений. Например, распределение факторов производства (труда, капитала, естественных условий) - издержки производства - ценно-распределение факторов производства и т.д. Тот же Маркс пользуется в "Капитале" этим приемом (сменой мест в причинно-следственных отношениях) буквально на каждом шагу изложения собственной теории. Взаимосвязь и взаимозависимость экономических процессов заставляет идти таким путем. Следовательно, с точки зрения формальной логики, теоретические положения об абстрактном труде и самостоятельном существовании формы стоимости почти ничего не добавляют в концепцию рыночного хозяйства и совсем не пригодны ж Об этом уже шла речь в I главе.

мости экономической науки.

"Мы пришли к выводу, что в товарном хозяйстве уравнение труда происходит через посредство уравнения продуктов труда. Самостоятельного общественного акта уравнения труда в товарном обществе не существует. Поэтому ошибочно представлять себе дело таким образом, будто кто-то заранее уравнивает разные виды труда, сравнивая их при помощи определенной единицы меры, после чего продукты труда обмениваются пропорционально уже измеренным и сравненным количествам труда, содержащегося в них. Исходя из такого взгляда, игнорирующего анархический, стихийный характер товарно-капиталистического хозяйства, экономисты нередко умахивали задачей экономической теории в том, чтобы найти такое мерило стоимости, которое сделало бы практически возможным сравнение и соизмерение качественно различных продуктов в акте рыночного обмена. Им казалось, что теория трудовой стоимости выдвигает труд именно в качестве такого практического мерила стоимости. Поэтому их критика была направлена на доказательство того, что труд не может быть признан пригодным мерилом стоимости, ввиду отсутствия точно установленной единицы труда, при помощи которой можно было бы измерять различные виды труда".

"В действительности теория стоимости имеет совсем другую задачу, теоретическую, а не практическую. Нам незачем искать практическое мерило стоимости, которое сделало бы возможным сравнение продуктов труда на рынке. Такое сравнение реально происходит повседневно в процессе рыночного обмена, в котором стихийным путем выработалось необходимое для этого мерило, деньги, и который ни в каком мериле, теоретически придуманном экономистами, не нуждается. Задача теории стоимости совсем иная, а именно: теоретически понять и объяснить реально происходящий на рынке процесс уравнения товаров в тесной связи его с уравнением и распределением общественного труда в процессе производства, т.е. открыть причинную связь между обоими этими процессами и законы их изменений. Причинное изучение реально происходящих процессов уравнения разных товаров и разных видов труда, а не нахождение практического мерила в целях их сравнения, - такова задача теории стоимости".²⁷ Получается несколько странная логика размышления: процесс как таковой не происходит, но надо найти его связь с реальными процессами; практическое мерило есть, но чем измеряется величина стоимости, не ясно и т.п.

27. Рубин И.И. Указ. соч., с.109 - 110

"Утверждение Маркса, что труд есть имманентное мерило стоимости, следует понимать в том смысле, что количественные изменения труда, необходимого для производства продукта, обуславливают количественные изменения стоимости последнего. Конечно, этот термин "имманентное мерило", перенесенный Марксом, как и множество других терминов, из философии в политическую экономию, не может быть признан вполне удачным, так как при поверхностном чтении он заставляет читателя думать скорее о мере сравнения, чем о причинном изучении количественных изменений явления. Эта неудачная терминология, в связи с неправильным истолкованием суждений Маркса, изложенных на первых страницах "Капитала", давала повод иногда даже марксистам вносить в теорию стоимости чуждую ей проблему нахождения практического мерила стоимости".²⁸ Вот так — не больше, не меньше; трудовая теория стоимости "чуждается" практических проблем, чтобы оберечь свою рационально-догматическую целостность.

4. Герменевтическая реконструкция методологии К. Маркса Е. Бем-Бавериком

В понимании трудовой теории стоимости ярко выражены оба крайних герменевтических подхода: интеграция и реконструкция. На первой точке зрения стоят марксисты. Они признают данную гипотезу устойчивой научной истиной и отводят ей место одного из фундаментальных положений в моделях рыночного хозяйства. Причем теория трудовой стоимости истолковывается в контексте всего марксистского социологического учения, претендующего на объяснение закономерностей исторического перехода человеческого общества от прошлого к будущему. Это создает ощущение актуальности, сопричастности к поступательному ходу событий.

Считается, что общие положения трудовой концепции сохраняют силу независимо от течения времени и лишь конкретизируются, подтверждаются текущими житейскими делами людей. Сторонники учения Маркса рассматривают его как "руководство к действию", как исторический компас, указывающий кратчайший путь в светлое будущее. Поэтому их толкование призвано интегрировать, включить основные идеи учения в сегодняшнюю общественно-политическую ситуацию. Применение теоретических выводов для решения практических задач, "опосредование с современной жизнью", несомненно относится к герменевтической интеграции.

28. Рубин П.И. Указ. соч., с.110

110

Важнейшее положение, "в которое Маркс предлагает верить своим читателям", состоит в том, что меновая ценность "находит свое основание и мерило в воплощенном в товарах количестве труда". Однако, Маркс "с полным сознанием" уклоняется от проверки этого положения эмпирическими данными. Как показывает изложение в третьем томе "Капитала", "он знает, что цены товаров не пропорциональны количеству труда, но что они определяются в соответствии с общей суммой издержек производства, в состав которой входят и другие элементы".³

По мнению критика, можно было бы использовать психологический "способ доказательства и убеждения", т.е. раскрыть мотивы поведения людей при совершении торговых сделок, назначении меновых цен, расчетах издержек и объемах производства. Но Маркс изначально считает неуместным исследование влияния на меновую ценность общественных движущих сил — спроса и предложения. Это не "наивное невнимание" ко второму методу. "Он, напротив, избегает его опять умышленно и с полным сознанием, к какому он пришел бы выводу и что этот вывод был бы неслабооприятен для его положения. В третьем томе он обращается под собирательным наименованием "соперничество" именно к этим влияниям при производстве и обмене силами, от более глубокого анализа которых он в данном случае и вообще отказывается; так он знает и доказывает, что эти силы на самом деле не приводят цены к соответствию с количеством труда, воплощенного в товарах, но что они, напротив, их от этого масштаба отклоняют и приближают к уровню, который соответствует совместному действию еще, по крайней мере, одного равносильного фактора".⁴

Вместо двух указанных методов "Маркс предпочитает избрать новый и довольно-таки странный для данного случая способ доказательства: путь чисто логического доказательства, диалектической дедукции из сущности обмена".⁵ Причем, Бем-Баверк уверяет, что отдельные звенья мысли этого диалектического метода "придуманы и искусственно сгруппированы после, чтобы заранее составленное мнение представить, как повидимому естественный результат действительного исследования. В поисках за характерным "общим" для меновой ценности Маркс прибегает к следующему приему. Он перебирает все возможные свойства, которые вообще присущи приравненным в обмене предметам, и отделяет методом исключения все те,

3. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.66

4. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.67

5. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.67 — 68

112

Иное мнение высказывают экономисты, не во всем согласные с Марксом. Они показывают ограниченность его теории на основе изучения причин, которые увели исследователи с пути познания научной истины. Они реконструируют логику построения трудовой теории стоимости от исходных посылок до итоговых умозаключений. В результате чего выявляются ошибочные, по их мнению, рассуждения, приводящие к ложным выводам. В этом случае теория стоимости Маркса понимается как исторически обусловленная концепция, достойная почетного места в истории экономической мысли, но не актуальная, т.е. напрямую не связанная с современностью. Выявление обстоятельств написания "Капитала" помогает лучше понять и истолковать его смысловое содержание, но не является еще основанием для признания научной истинности марксизма. Именно с этих позиций осуществлял герменевтическую реконструкцию методологии К. Маркса Е. Бем-Баверк в своей книге "Теория Карла Маркса и ее критика".

Прежде всего, Бем-Баверк говорит о своем подходе к критическому осмыслению марксистской теории, которое не должно ограничиваться указанием противоречий и ошибок. "Действительное опровержение прочно построенной цели системы возможно только, если удастся вполне точно установить тот пункт, через который вклялся в систему ошибка и те пути, по которым она распространилась".¹ Поэтому он предлагает начать с вопроса: каким путем Маркс пришел к основному теоретическому положению своего учения, что ценность зависит исключительно от воплощенного в товаре труда? Ведь это положение "не разумеется само собой и потому не представляет не требующей доказательства аксиомы".

Бем-Баверк выражает надежду, что убедит читателя в неправильности системы доказательств Маркса, "что избранный путь для доказательства с самого начала был неестественный и не отвечающий свойству проблемы; затем, что приведенное в системе обоснование было, очевидно, не то, посредством которого Маркс сам пришел к убеждению, но что оно придумано было после, как искусственно пригнанная опора для полученного из других впечатлений и предварительно составившегося мнения; что наконец, — это самое важное — весь ход доказательств проникнут многочисленными и самыми явными логическими и методологическими ошибками, которые лишают его всякой убедительной силы".²

1. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.63

2. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.65

111

которые не выдерживают испытания, пока, наконец, не остается только одно свойство. Это — свойство быть продуктом труда — и должно быть искомым общим свойством".⁶ Здесь напрашивается аналогия с тем, кто желая вынуть из урни белый шар, "кладет в урну только белые шары".

Исключать при поисках "общего", лежащего в основании меновой ценности, блага, имеющие меновую ценность, но не являющиеся продуктами труда — "непростительная методологическая ошибка". Понятие "блага" шире, чем понятие "товара". И "совершенно невинная общая фраза" в самом начале "Капитала" о представлении богатства общества в виде скопления товаров, по разумению авторитетного экономиста, неверна. "Это положение вполне ложно, если слово "товар" понимать в смысле продуктов труда, как это представляет потом Маркс, так как дары природы, включая сила земля, представляют весьма достойную внимания и весьма значительную часть народного богатства. Но простодушный читатель легко проходит мимо этой неточности, так как он не знает, что потом Маркс придаст понятию товара гораздо более тесный смысл".⁷

"Если бы Маркс изменил порядок исследования, то он мог бы при помощи того же умозаключительного аппарата, пользуясь которым он устранил потребительную ценность, устранить труд и тем же путем, следуя по которому он увенчал премией труд, превознести потребительную ценность, как единственно оставшееся, а следовательно искомое общее свойство; ценность же объявить застывшей потребительной ценностью".⁸

Автор считает Маркса "группным мыслителем (первоклассной силой в этом отношении)", который принадлежал своему времени и впитал дух окружающих его идей. Прежде всего, оказал авторитет Смита и Рикардо. Великие англичане "учили ведь тому же; по крайней мере, многие так думали в ту пору". Однако, "они так же мало обосновывали это, как и Маркс, а выводили лишь из некоторых общих и смутных впечатлений". Там же, где "нельзя было избежать более точного изучения, они прямо противоречили этой теории". Смит и Рикардо доказывали, что цены тяготеют "к известному уровню издержек производства, который включает в себе, кроме труда, и среднюю прибыль на капитал", что на ценность товара влияет также размер и продолжительность затрат капитала.

6. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.69

7. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.72

8. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.78

113

"Для того же, чтобы не упустить без очевидного противоречия высказать излюбленное философское воззрение на труд, как на "настоящий" источник ценности, — они были вынуждены удаляться с ним в сказочные времена и в сказочные страны, где нет ни капиталстов, ни земледельцев. Здесь можно было проводить его беспрерывно, так как проверка была невозможна, невозможна наблюдением, — ибо его не могло быть, а от научно-психологического анализа они уклонялись подобно Марксу. Они не обосновывали, а выставляли свою идиллию трудовой ценности, как естественное состояние".

Маркс выступил в качестве наследника построений Смита и Рикардо. "Будучи ярым социалистом, он охотно этому верил". "Можно ли удивляться, что противоречия классиков не вызвали в нем критических сомнений относительно положений о трудовой ценности и он объяснил эти противоречия попыткой классиков путем обхода избежать неприятных им выводов из неубодной истины. Словом, можно ли удивляться, что пользуясь тем же материалом, который ставил классиков высказать полу-смутные, полу-противоречивые, отнюдь не обоснованные суждения, Маркс лично уверовал в их достоверность, твердо, безусловно, с пылкой убежденностью. Сам он не нуждался в дальнейших доказательствах. Формальное обоснование было необходимо только для его системы".¹⁰

Поскольку классики ничего не доказали, Маркс не мог просто примкнуть к ним и "обратился к логико-диалектическому умозрению, которое вообще отвечало складу его ума". Он знал наперед, "что желал и что должен был вывести и с поразительной изоциренностью обрабатывал и нанизывал выносившие определения и посылки до тех пор, пока предвзятый вывод не облекая в приличную с внешней стороны форму заключения".¹¹

Хотя Маркс вывел свой тезис о трудовой стоимости, "тщательно избегая доказательств, даваемых наблюдением, и дошел его только из "глубины духа" — тем не менее проверка этого априорного умозрения невозможно миновать. "Если бы этого не сделал Маркс, то это сделали бы, вероятно, сами его читатели." И он находит выход в расчленении. Вначале утверждается, что ценности различных товаров прямо пропорциональны необходимому рабочему времени. Затем речь идет не о работе вообще, но о "простой" работе. Наконец, "Маркс делает попятку — оной маневр о "приведении" слов

9. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.80

10. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.80 — 81

11. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.81

114

от столкновения с ним, пока была возможность держаться этого устраниения. Это было возможно по отношению к остальной, значительно большей части первого тома, всего второго и первой четверти третьего. На этом среднем протяжении системы Маркса логическое развитие и выяснение причинной связи совершается действительно с импонирующей законченностью и внутренней последовательностью. Здесь Маркс может держаться хорошей логики, так как с помощью "предположения" он уже заранее согласовал факты со своими идеями и может оставаться верным этим последним, не впадая в противоречие с фактами. А где Маркс может держаться хорошей логики, там он умеет это и прилом в совершенстве. Эти средние части его системы, при всей ложности ее исходного пункта, навсегда обещивают за Марксом, благодаря выходящей из ряда вон внутренней последовательности, славу первоклассного мыслителя. Читатели — это и для практического значения системы Маркса также оказались очень кстати, — преодолев блазлюточно вообще безукоризненной по своему внутреннему строению средней части, успевают сжаться с миром марксовских идей и приобрести доверие к ходу их, а они действительно так чудно вытекают одна из другой и в прекрасном порядке укладываются в связанное целое. И вот к читателям, привыкшим уже всецело доверять Марксу, предьявляет те странные притязания, которые он наконец вынужден выставить в третьем томе.¹⁵

Никакие оттяжки не спасают Маркса "от необходимости обратит взор на явления действительной жизни". Он должен признаться, что товары обмениваются не пропорционально рабочему времени, и что "затрата капитала является равносильным основанием, определяющим меновые отношения товаров". Здесь наблюдается соответствующее спутанному началу системы. Чтобы сохранить гармонию, уже нельзя держаться хорошей, прямой логики.

Завершая истолкование марксовского метода, Бем-Баверк считает, что теория трудовой стоимости не выдерживает основательной, законченной проверки фактами: "Маркс вывел основы своей теории не из фактов путем здравого опыта или путем верного хозяйственно-психологического анализа, он строит свою систему на непроном фундаменте натянутой диалектики. В этом и состоит великий грех, вложенный Марксом в колыбель своей теории. Из него по необходимости вытекает все дальнейшее. Теория дано известное направление, а факты идут в другом направлении, то там, то там сталкиваясь с ней. Здесь первоуродный грех каждый раз порождает

15. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.91 — 92

116

ного труда к простому — оправдать наблюдением". Получается порочный круг тавтологии: товары обмениваются так, а не иначе, потому что они так обмениваются в действительности. "С помощью совершенно такой же аргументации, вполне возможно было бы утверждать, что ощущение и единица меры меновой ценности заключается в веществе товаров, и что товары обмениваются в отношении воплощенных в них количеств вещества".¹² А простое среднее вещество следовало бы считать масштабом цен.

В "Капитале" умело используется прием отвлечения. Сие неизбежно в процессе научного обобщения фактических величин, отклоняющихся от теоретической нормы. "Но при этом от неособенно внимательного и зоркого читателя остается скрытым, что Маркс отлекается не только от случайных колебаний, но и от отклонений прочных, длящихся, типических, наличие которых является существенным элементом нормы, требующей объяснения".¹³

"Смертный грех" игнорировать в научном исследовании "именно то, что следует объяснить". Подобным способом "грешат" сторонники теории эксплуатации в своем учении о добавочной (прибавочной) ценности. "Они... устанавливают закон, по которому ценность товаров основывается на воплощенном в них рабочем времени, чтобы тотчас вслед затем все образования ценностей, не согласные с этим "законом", напр. разницу ценности, приходящуюся на долю капиталистов, в качестве добавочной ценности, объявить "беззаконной", "противоестественной", "несправедливой" и ратовать за ее уничтожение. Таким образом они сперва игнорируют отклонение, дабы иметь возможность провозгласить свой закон ценности всеобщим. Ухватившись таким образом добыть ему всеобщность, они снова обращают внимание на исключения, чтобы записать их, как нарушения закона. Этот способ умозаключения, право, ни сколько не лучше, как если бы кто, усмотрев, что на свете есть глупые люди и, игнорируя при этом существование людей умных, пришел бы к выведению "имеющего всеобщее значение закона", что "все люди глупы", а затем потребовал бы искоренения всех "противозаконно" ощущующих умных людей!"¹⁴

Бем-Баверк реконструирует марксову методологию. "Конечно, Маркс, благодаря своему маневру отвлечения, приобрел большое тактическое преимущество. Он устранил предположительно из своей системы подкапывающую ее действительность и поэтому обеспечил себя

12. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.87

13. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.90

14. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.90 — 91

115

новый. Но столкновение не должно быть очевидным: поэтому приходится или облеать дело неясностью, или распыляться, или изворачиваться подобными же диалектическими уловками, как в начале, или же, наконец, где все это ни к чему не ведет, противоречить самому себе. Вот тот знак, под которым стоит десятая глава третьего тома Маркса: она приводит к надлому очерченной плохой затеи, которая должна была получиться от влкого посева!"¹⁶

Реконструктивная герменевтика Бем-Баверка — это лишь одна из многих точек зрения. Существуют и другие взгляды на методологию К.Маркса, в частности, мнение Н.И.Бухарина.

5. "Предрассудки" Н.И.Бухарина

Лучшему истолкованию марксовской теории стоимости способствует изучение ее предварительные составленных мнений — "предрассудков" (в терминологии Х.-Т. Гадамера), с позиций которых собирается исторический материал и строятся научные гипотезы. Предрассудки — это традиция, формирующее научное направление, ограничивающие и определяющие его познавательные возможности.

Поскольку "все познается в сравнении", постольку полезно вновь обратиться к работе Н.И.Бухарина "Политическая экономия раннего". В ней проводится сопоставление взглядов на окружающий мир марксизма и "буржуазных" течений экономической мысли. В интерпретациях Н.И.Бухарина преобладает интегративный аспект герменевтики, стремление придать актуальность воззрениям Маркса, продолжить его традиции в современных автору условиях.

У марксистов, как правило, отсутствует критическое отношение к своим исходным концептуальным предпосылкам, поэтому для них типичны следующие заявления. Жизнь "в гигантском масштабе подтверждает правильность теоретической системы Маркса, поставившего своей целью "открыть экономический закон движения современного капиталистического общества". Тот прогноз, который впервые дан был в "Коммунистическом Манифесте", а затем, в своем полном и развитом виде, в "Капитале", блестяще оправдался уже на девять десятых. Одна из самых важных частей этого прогноза — теория концентрации — сделалась теперь общим местом, вошла в качестве общепризнанной истины в научный обиход".¹

Конечно, можно говорить, что уже одно только распространение акционерного капитала "повызывает, каким важным познавательным

16. Бем-Баверк Е. Указ. соч., с.108

1. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.7

117

орудием служат теоретическая конструкция Маркса". Но едва ли оправдано утверждать, что "явления капиталистической эволюции, которые выступили на арену лишь теперь, могут быть поняты только на основе марксова анализа", как всего "лишь уложение тенденций развития, анализированных Марксом".²

Понимание многообразно по своему определению и предполагает существование различных точек зрения на одни и те же вещи. Причем в некоторых моментах противоположные взгляды совпадают. Никто не спорил с марксистами по поводу таких общих мест, как возникновение крупных корпоративных объединений (трестов, синдикатов и т.п.), становление мощной банковской системы, усиления влияния финансового капитала. Расхождения во мнениях касались перспектив общественного развития.

Сторонникам частно-капиталистической рыночной экономики были чужды рассуждения Бухарина, предвещавшего переход к нерыночному государственному хозяйству. "Историческая миссия бужуазии, которая уже "обегала" весь земной шар, приходит к концу. Настает период широчайших выступлений пролетариата, борьба которого уже теперь выходит из национально-государственных границ, принимает все более форму массового давления на командующие классы и подводит вплотную к реализации конечной цели движения. И недалекого время, когда обудется основное предсказание теории Маркса, и "пробьет час капиталистической собственности..."³

Тем не менее, Бухарин пишет: "Как убедительно, однако, ни говорят все эти факты о правильности марксистской концепции, все же успех ее в среде официальных ученых не только не увеличивается, но быстро сводится на нет. Если раньше в остальных странах (напр., в России, отчасти в Италии) даже университетские профессора не прочь были покатничать с Марксом, внося разумеется, свои "поправки" и "поправочки", но теперь весь ход общественной жизни, обозрение классовых противоречий и консолидация всех оттенков буржуазной мысли против идеологии пролетариата вынуждают такие "промежуточные типы" из обращения и на их место ставит "чисто европейского", "современного" ученого".⁴

Незавидная судьба, постигшая марксизм, объясняется рядом причин. Прежде всего, нормальное эволюционное развитие капиталистического производства сопровождалось подъемом жизненного уровня основной массы населения в большинстве европейских стран.

2. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.8

3. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.8

4. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.8 - 9

118

эти направления знаменуют собой банкротство политической экономии буржуазии".⁵

Примечательно, что, пытаясь доказать тезис об упадке современной ему экономической мысли, Бухарин сопоставляет историческую школу с классической, а австрийскую школу с марксизмом. В первом случае различие взглядов на хозяйственные процессы автор связывает с несовпадением интересов немецкой и английской буржуазии, т.е. с "социально-экономическими корнями".

"Теория классиков, с ее проповедью свободной торговли, была, несмотря на свой "космополитизм", весьма "национальной": это был необходимый теоретический продукт английской промышленности. Англия, в силу целого ряда обстоятельств получившая исключительное господство на мировом рынке, не боялась ничьей конкуренции, не нуждалась ни в каких "искусственных", т.е. законодательных мероприятиях для победы над остальными соперниками; английской промышленности незачем было поэтому заявлять к "истинно-английским" условиям развития, чтобы ими оправдывать какие-либо таможенные розгатки; теоретикам английской буржуазии не приходилось поэтому концентрировать внимания на специфических особенностях английского капитализма: несмотря на то, что она была выразительницей интересов английского капитала, она говорила о законах хозяйственной жизни вообще".⁶ Поэтому экономисты классической школы стремились найти формулировки наиболее общих, абстрактных законов хозяйственной жизни, создавая "образцы абстрактно-дедуктивного исследования" (например, Рикардо).

Если английская буржуазия не нуждалась в подчеркивании национальных особенностей, то немецкая обращала "сугубое внимание" на своеобразие и самобытность развития своей страны, чтобы теоретически обосновать систему охранительных таможенных пошлин, защищавших отечественную экономику. Поэтому германский протекционизм являлся, по мнению автора, "колыбелью исторической школы". "Теоретический интерес сосредоточивался, именно на выдвинутых исторически конкретном и национально ограниченном; в теории шел подбор и выдвигание на первый план именно этих сторон экономической жизни. С социологической точки зрения историческая школа и являлась идеологическим выражением роста немецкой буржуазии, боявшейся английской конкуренции, требовавшей защиты национальной промышленности".⁷

5. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.9

6. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.10

7. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.10 - 11

120

Постепенно опровергались также концептуальные предвзятости марксистов, как: неизменные потребности и стабильно низкая заработная плата наемных работников, прогрессивно нарастающее обнищание пролетариата по мере накопления капитала. В этих условиях лидер международного социалистического рабочего движения оосознано отказался от учения Маркса из-за его революционного радикализма. Для защиты интересов рабочего класса был избран путь поэтапного мирного реформирования экономики. В противном случае социальные потрясения вызвали бы тяжелые разрушения производительных сил и механизма хозяйственного регулирования, от которых пролетариат ничего бы не выиграл.

Утрата привлекательности марксистского учения в обиходном массовом сознании усугублялась потерей симпатий к пролетарской политике коммунистических кругов. Здесь оказала свое веское слово научная критика, выявлявшая односторонность исходных посылок, ошибочность некоторых теоретических положений и нарушение логики исследования в "Капитале". Поэтому сторонники теории эксплуатации, ратовавшие за сплошное огосударствление экономики и отмену частной собственности, обращались не к трудовой теории стоимости, а указывали непосредственно на факты концентрации производства и собственности, социального неравенства.

В качестве альтернативы коммунистическому порядку "буржуазная" экономическая мысль предложила теории, проводившие в жизнь целью поиск взаимоприемлемого сочетания интересов различных социальных групп населения. Согласно им, справедливое (оптимальное) распределение доходов вполне достижимо в условиях частнохозяйственной рыночной системы. Эти "чисто европейские теории" марксизм не смог усвоить, переработать и включить в свои концептуальные построения. Тем самым, он продемонстрировал чрезмерный догматизм и слабость способности к совершенствованию. Оставалось одно средство поддерживать видимость научности - опираться на известные предвзятости марксистского мировоззрения и объявлять все инуюдумавшие экономические школы теоретически и методологически неосостоятельными.

В духе тех же традиций высказываются И.И.Бухарин: "Два основных направления экономической мысли смогли противопоставить буржуазии отальной системе К.Маркса: мы разумеем так называемую "историческую школу" (Ротер, Тальдебранд, Книс, Шмоллер, К.Бухер и др.) и получившее за последнее время громадное распространение учение "австрийской школы" (Карл Менгер, Бем-Баверк, Визер). Оба

119

И.И.Бухарину явно не нравится "аграрно-консервативная окраска" теории немецких экономистов, ибо марксизм рассчитан на привлечение под свои знамена иной социальной базы - революционного пролетариата. Только человек, всецело поглощенный идеей раскола общества и коренной ломки всех жизненных устоев нации, может так браниться: "Идеализация промежуточных производственных форм, особенно "патриархальных" отношений между аграриями и сельскохозяйственными рабочими, боязнь "язвы пролетариата" и "красной опасности" с головою выдают этих "объективных" профессоров и показывают социальные корни их "чистой науки".⁸

Не одобряет автор "Политической экономии рантье" отрицательное отношение "историков" к абстрактной теории. "Основным настроением их стало глубокое отвращение к таким исследованиям; даже самая возможность последних подвергалась сомнению, а иногда и прямо отрицалась; слово "абстрактный" приобрело у ученых этого типа значение "бессмысленного"; некоторые стали скептически относиться к наиболее важному понятию всякой науки - понятию "закона", в лучшем случае принимая лишь так называемые "эмпирические законы", открываемые историко-экономическим и статистическим исследованием".⁹

Из требования конкретности вытекает стремление рассматривать в органической взаимосвязи все стороны единого исторического процесса: мораль, право, экономику и т.д. Российский марксист неоднозначно воспринимает такой подход исторической школы. "Конечно, верно, что общественная жизнь есть единство; но не следует забывать и того, что познание вообще невозможно без абстракций; уже самое понятие есть отвлечение от "конкретного"; всякое понятие то же самое предполагает известный отбор явлений по признакам, считаемым почему-либо важными".¹⁰ Эта риторика задним числом оправдывает исключительно абстрактные исходные поиски марксова экономического учения, которые, естественно, "нельзя" отнести к "пустым", т.е. познавательным бесплодным.

Скрытый подтекст имеет и фраза о том, что "сваливание в одну кучу разнородного материала не облегчает, а, наоборот, затрудняет познание". Она, по замыслу автора, должна оттенить преимущества марксистской схемы членения общества на экономический базис и надстройку. Конструкция, основанная на жестком одностороннем детерминизме, объясняющая явления духовной сферы тенденция

8. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.11

9. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.11

10. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.13

121

материального производства, конечно же, проста до примитивности. Но абстрактная простота отрубает теоретическую модель от реальностей и сводит на нет ее познавательные возможности. На этом фоне весьма привлекательно выглядит мировоззрение "историков". И чтобы не показывать слабости предрассудков исторического материализма, Бухарин невольно отзывается об инкарнациях.

По его мнению, "историческая школа, относясь пренебрежительно к выведению "общих законов", тем самым уничтожала в сущности политическую экономию вообще, заменяя ее "чистым описанием" идиографического характера, растворяя ее в истории хозяйственного быта и экономической статистике".¹⁴ Здесь опять чувствуется желание подчеркнуть кажущееся превосходство абстрактного, наднационального марксистского учения. Оно ставит схематичность экономических законов выше и прежде конкретных исторических событий, пренебрегает их многообразием и неповторимой спецификой. Экономическая теория "выдвигает на первый план номографические задачи познания". Поэтому "отрицание "общей теории" есть отрицание теоретической экономики, как самостоятельной теоретической дисциплины", есть, по твердому убеждению Бухарина, признание "банкротства" исторической школы.

Но он отдает себе отчет в том, что без статистических исследований экономическая наука лишается фактологической базы. Гнев меняется на милость. И заключительный вывод звучит признанием заслуг идиографической науки в доставке материала "для теоретической разработки".¹⁵ В этом смысле труды "историков" представляют весьма ценную величину.¹⁶

Критический разбор основополагающих идей исторического направления дает представление о взглядах на те же проблемы и сомы критиков. Тон бухаринской полемики относительно сдержан, поскольку описательно-статистические разработки немецких экономистов напрямую не задевают фундаментальных абстракций "Капитала", не ставят под сомнение их достоверность.

Совсем иное отношение к австрийской школе, которая, в лице Бем-Баверля, постигла на святых святых марксизма - трудовую теорию стоимости. В толковании этого течения экономической мысли господствует дух полного отрицания. Прежде чем опровергать теорию предельной полезности по существу, Бухарин начинает атаку на ее исходные посылы. Он противопоставляет собственные марксистские предрассудки субъективно-психологического

II. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.14
122

зия не составляет, правда, общественного класса в настоящем смысле этого слова; она есть лишь известная группа в рядах капиталистической буржуазии; но тем не менее она развивает некоторую, только ей свойственные черты "общественной психологии". С развитием акционерных компаний и банков, с созданием целой грандиозной отрасли торговли ценными бумагами появляется и укрепляется эта общественная группа. Сфера ее экономической жизни есть по преимуществу сфера обращения, главным образом, обращения ценных бумаг, фондовая биржа. Но - что для нас наиболее важно - и внутри этой группы лиц, живущих на доход от владения ценными бумагами, имеется ряд оттенков, причем крайним типом является слой, который стоит не только вне производственной жизни, но и вне процесса обращения. Это - прежде всего, владельцы ценных бумаг с твердым курсом: государственной ренты, облигаций различных видов и т.д., а затем лица, устроившие свои капиталы на покупку земли и имеющие постоянный и прочный доход".¹⁴ Чем сильнее развита система кредита, тем больше отщепляются на поверхности хозяйственной жизни эти "бесплодные элементы", "по очень меткому сравнению Зомбарта, как "блестки жира на супе".

Самой характерной чертой этого слоя является "его отчужденность от хозяйственной жизни; он не принимает непосредственного участия ни в производственной деятельности, ни в торговле: его представители часто даже не стругут купонов. Наиболее общее можно поэтому определить сферу "деятельности" таких рантье, как сферу потребления. Потребление есть основа всей их жизни, и психология "чистого потребления" сообщает этой жизни ее особый "стиль". "Потребляющий" рантье имеет перед глазами исключительно верховых лошадей, ковры, душные сигары, токайское вино".¹⁵

Психология рантье, по словам Бухарина, окрашена в пассивные тона. В ней нет настоящей активной деятельности. Поэтому философия, эстетика "таких буржуа" чисто созерцательны. Иное дело - идеология пролетариата. "Последний живет именно в сфере производства, непосредственно сталкиваясь с "материей", которая для него превращается в "материал", в объект труда; он непосредственно наблюдает гигантский рост производительных сил... Для пролетария, таким образом, характерна его психология производителя. Наоборот, психология потребителя - такова основная характеристика жизни рантье".¹⁶

14. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.17 - 18
15. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.19
16. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.20
124

направления. Здесь речь идет именно о предварительных суждениях, о точках зрения на мир экономики. Ибо местом для спора и с "исторической", и с "австрийской" школами выбрано введение книги "Политическая экономия рантье", т.е. раздел, предваряющий первоначальный анализ методологических основ противоборствующих учений.

Острота конфликта вызывается формальной схожестью австрийской школы и марксизма. Первая "пользуется" точно таким же абстрактным методом; но "представляет полную противоположность марксизму". "Это же обстоятельство, в свою очередь, объясняется тем, что новая теория является детским буржуазии одной из последних формаций, - буржуазии, жизненный опыт, а, следовательно, и идеология которой наиболее далеки от жизненного опыта рабочего класса".¹²

Предрассудки всякой научной концепции, по мнению Н.И. Бухарина, определяются общественной психологией. Последняя, в свою очередь, формируется условиями существования того или иного социального слоя населения. "Психология всегда является базисом для логики: чувства и настроения определяют общий уклон мысли, те точки зрения, с которых рассматривается и логически обрабатывается окружающая действительность. Если отдельное положение науки-идеологии теории, взятое изолированно, даже при самом внимательном анализе может не обнаруживать своей социальной подкладки, то последняя всегда становится ясной, если мы виделим отличительные признаки данной теоретической системы, ее общие угли зрения; тогда каждое отдельное положение получит новый смысл, как необходимое звено общей цепи, которая облекает жизненный опыт того или другого класса, той или другой общественной группировки".¹³

Таким образом, автор берется за решение истинно герменевтической задачи - истолкование научных текстов. Ключом к пониманию скрытого смысла учений австрийской школы и марксистов он считает сравнительную характеристику социальной психологии буржуазии и пролетариата.

"Капиталистическое развитие последних десятилетий с необыкновенной быстротой аккумулирует громадные массы "капитальных ценностей". Накопленная прибавочная ценность притекает - благодаря развитию всевозможных форм кредита - и к лицам, не имеющим отношения к производству; число этих лиц все возрастает и образует целый общественный класс - класс рантье. Эта группа буржу-

12. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.16

13. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.21 - 22

123

Буржуазия, в понимании марксистов, "ассоциальна", индивидуалистична "с детских пеленок", ибо основа ее жизни - хозяйственная ячейка, борющаяся с другими за свое самостоятельное существование в жестокой конкурентной борьбе. У рантье этот индивидуализм "еще более обостряется". Он "стоит в стороне" от общественной жизни. "Идеология такого слоя по необходимости глубоко индивидуалистична!"

"Совершенно иначе складывается психология пролетариата. Он быстро сбрасывает с себя индивидуалистическую шкуру тех классов, откуда он выходит: городской и сельской буржуазии. Запертый в каменных мешках больших городов, концентрированный на местах общей работы и общей борьбы, пролетариат вырабатывает психологию коллективизма, максимального чувствования социальных связей... Таким образом, пролетариат развивается здесь в направлении, прямо противоположном развитию рантьерской буржуазии".¹⁷

"Наконец, третьей чертой рантье, как и всякого буржуа, является боязнь близящихся социальных катастроф... Если он "мыслит" о будущем, то он строит его исключительно по типу настоящего; он или не может психологически представить себе таких времен, когда ему подобные не будут получать никакого дохода от своих ценных бумаг, или в ужасе закрывает глаза перед такой перспективой, бежит от грядущего и старается не видеть в настоящем зародившейся будущего; его мышление глубоко неисторично. Ничего общего с этим консерватизмом мышления не имеет психология пролетариата. Развертывающаяся классовая борьба ставит перед ним задачу преодоления теменной общественно-хозяйственной системы; он не только не заинтересован в сохранении своего социального статуса, но, наоборот, заинтересован в его нарушении; он живет в значительной степени будущим, и даже задачи настоящего оценивает с точки зрения будущего. Его мышление вообще и его научное мышление в частности носит поэтому ярко выраженный динамический исторический характер. Такова третья антитеза рантьерской и пролетарской психологии".¹⁸

На основании оказанного Бухарин проводит параллель между "общественным сознанием" и научными теориями. "Именно, тип рантье является предельным типом буржуа, а теория предельной полезности - идеологией этого предельного типа... И именно поэтому, что австрийская школа является идеологией предельного типа

17. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.20 - 21

18. Бухарин Н.И. Указ. соч., с.21

125

буржуазии, она является полной антитезой идеологии пролетариата: объективизм — субъективизм, историческая — неисторическая точка зрения, точка зрения производителя — точка зрения потребителя, — таково методологическое различие между Марксом и Бам-Ба-верком".¹⁹

Из размышлений Бухарина видны социологические предрассудки марксизма. Это мировоззрение рассчитано исключительно на восприятие самой массовой социальной группы населения — пролетариата (наемными работниками, лишенными практически всякой частной собственности). Причем широкие слои трудящихся рассматриваются только в качестве производителей, т.е. марксизм изначально безразличен к проблемам потребностей и уровня благосостояния лиц наемного труда. Отказ от изучения фактора потребления означает проповедь аскетизма, минимальных уравнивательных доходов.

Далее, в марксистском учении люди лишаются своих национальных традиций, индивидуальной свободы. Выпячивание коллективистского начала превращает народ в безликую массу. Волею за материальным достатком абстрагированно подкапывает и духовное богатство личности. И, если человеку уже "ничего терять" в настоящем, то ему остается жить надеждой на будущее. Сегодняшнее существование теряет смысл и ценность. Такой "историзм" приобретает злободневный оттенок. Возникает желание разрушать общественные устои во имя мнимого идеала светлого будущего. Получает оправдание культ насилия и революционного радикализма. Довершает все перечисленные предрассудки далекая обстановка на непримиримые, враждебные друг другу классы; когда одна социальная группа натравливается в своем отечестве на другую.

Трудовая теория стоимости Маркса воспринимается адекватно лишь с убогой пролетарской точки зрения. Даян утвердить ее предрассудки, Н.И. Бухарин специально противопоставляет социологические характеристики двух альтернативных научных концепций, пытаясь доказать порочность одной из них, а именно — австрийской школы. Если же критически проанализировать "предрассудки" Н.И. Бухарина, то выясняется их убогость. Появляется сомнение в применимости самой теории Маркса как учения, отвечающего интересам людей, живущих доходами от своего труда.

6. Историко-экономическая герменевтика И. Шумпетера

Толкование трудовой теории стоимости — частный случай применения герменевтики в экономической науке. Более общие подходы И. Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 25

126

зданный смысл и научное знание можно здесь только по субъективным критериям".³

Научный характер исследования не должен зависеть от цели. "Цель исследования может нам не нравиться, но если она не искажает факты, или аргументацию, мы не можем отказаться признать ее результаты. Отсюда следует, что для нас аргументы "апологетов" (оплаченных или нет — все равно), если только они носят научный характер, ничем не хуже доводов "беспристрастных мыслителей", если такие, конечно, существуют".⁴

Совершенно справедливо Шумпетер подчеркивает историзм экономической герменевтики. Ибо сам предмет экономической науки представляет собой "уникальный исторический процесс". Нельзя понять явления любой, в том числе и современной эпохи без владения историческими фактами, без "исторического чутья". Правильное взаимоотношение между экономическими и неэкономическими факторами, учет "институциональных" форм предполагает изучение документальных материалов прошлого. Резонно и замечание, что большинство серьезных ошибок в экономическом анализе вызваны скорее недостатком исторического опыта, чем дефектом какого-либо другого инструмента из арсенала экономиста. "Поскольку история — важнейший (хотя и не единственный) источник фактов для экономиста и поскольку, что еще важнее, экономист сам — продукт своего и всего предшествующего времени, исторический анализ и его результаты безусловно исторически ограничены, относительны".⁵

Весьма интересны авторские взгляды на социологию экономической науки, которая "изучает социальные факторы и процессы, порождающие специфический научный тип деятельности, обуславливающие его развитие, направляющие эту деятельность на те или иные из возможных объектов, выделяющие на первый план определенные методы исследования, создающие социальные механизмы, которые определяют успех или неудачу индивидуального исследователя, целого научного направления".⁶

Историческая или "эволюционная" природа экономического процесса ограничивает число общих категорий и общих связей между ними ("экономических законов"). Более того, экономические законы менее устойчивы, чем естественнонаучные. "Они по-разному действуют в разных институциональных условиях и пренебрежение этим

3. Шумпетер И. Указ. соч., с. 254

4. Шумпетер И. Указ. соч., с. 255

5. Шумпетер И. Указ. соч., с. 256 — 257

6. Шумпетер И. Указ. соч., с. 273

128

к пониманию различных воззрений намечает знаменитый австрийский экономист И. Шумпетер в своей работе "История экономического анализа". Практически вся эвонная методологическая часть фундаментальнейшего труда посвящена описанию историко-экономической герменевтики, хотя сам этот термин не употребляется. Авторское изложение метода экономической науки во многих местах перекликается с размышлениями Х.-Г. Гадамера о герменевтике.

Шумпетер считает, что состояние любой науки в каждый данный момент времени в скрытом виде содержит ее историю. "Процесс научного анализа напоминает скорее непрерывную борьбу с тем, что уже создано нами и нашими предшественниками. Его прогресс (насколько он существует) диктуется не логикой, а влиянием новых идей, наблюдений, потребностей и, не в последнюю очередь, особенностями характера новых исследователей. Поэтому любой трактат, претендующий на то, чтобы изложить "современное состояние науки", в действительности излагает методы, проблемы и выводы, которые исторически обусловлены и имеют смысл только в контексте исторических условий их возникновения".¹

Экономика — гуманитарная, общественная наука, в которой не надо прикладывать специфические критерии естественных дисциплин. В частности, по возможности измерений лишь малая доля экономической теории войдет в состав "науки". Поэтому Шумпетер определяет понятие науки широко: "это любая область знания, вырабатываемая специализированную технику поиска и интерпретации (анализа) фактов"; "это усовершенствованный здравый смысл"; "это знание, вооруженное инструментами". Под такое определение подпадает и экономика. "Нет ничего зазорного: назвать какую-то область знаний наукой. — Это не комплимент и не порицание".²

Однако, по мнению автора, "случай о изучением экономики особенно труден, поскольку здесь соотношение между обывательными и научными знаниями гораздо больше смещено в сторону первых, чем в остальных областях научного исследования. Каждый знает, что богатый урожай связан с низкими ценами на продовольствие, а разделение труда повышает эффективность производства. Эти знания, очевидно, являются преднаучными, и бессмысленно видеть в них, если они встречаются в старинных книгах, научные открытия. Прямативный аппарат теории спроса и предложения научен. Но научные достижения в данном случае настолько скромны, что различить

1. Шумпетер И. История экономического анализа. В кн.: Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. I, М., 1989, с. 249

2. Шумпетер И. Указ. соч., с. 251, 252

127

обстоятельством породило множество ошибок. Если мы стараемся постигнуть сознание людей, далеких от нас по времени или по культуре, мы рискуем не понять их не только в том случае, когда грубо подставляем себя вместо них, но и тогда, когда мы изо всех сил стараемся проникнуть во внутреннее устройство их сознания. К сожалению, каждый аналитик сам является продуктом своей социальной среды и своего места в обществе. Это побуждает его обращать внимание на определенные факты и смотреть на них под определенным углом зрения. И это еще не все: влияние среды может внушить человеку подсознательное стремление видеть факты в том или ином свете. Это подводит нас к проблеме влияния идеологии на экономический анализ".⁷

Шумпетер специально выделяет марксистский анализ идеологических влияний. "Маркс установил, что человеческие идеи и системы идей не являются первичными двигателями исторического процесса, как до сих пор утверждал историографы, а образует "надстройку" над более фундаментальными факторами. При этом идеи и системы идей, господствующие в данное время в данной социальной группе, интерпретируют факты и вытекающие из них следствия искаженно. Это происходит по тем же причинам, которые искажают представления человека о его собственном поведении. Иными словами, человеческие идеи имеют тенденцию прославлять интересы и действия господствующих классов и поэтому содержат (или подразумевают) такое их изображение, которое может сильно расходиться с истиной".⁸ Данные системы идей Маркс называл идеологиями. Он заявлял, что основная часть экономической науки его времени выражала лишь идеологию промышленной и торговой буржуазии.

Маркс, по мнению автора, внес большой вклад "в наше понимание исторических процессов и общественных наук", значение которого существенно "ограничивается (но не уничтожается)" рядом отговорок. Во-первых, "Маркс совершенно не замечал идеологических элементов своей собственной системы. Но ведь его понятие идеологии в принципе универсально. Мы не можем сказать: все вокруг нас идеология, а мы стоим на острове абсолютной истины. Идеология трудящихся не лучше и не хуже, чем какая-либо другая".⁹

Во-вторых, марксистский анализ идеологических систем сводит их к отступкам классовых интересов, которые, в свою очередь,

7. Шумпетер И. Указ. соч., с. 274

8. Шумпетер И. Указ. соч., с. 275

9. Шумпетер И. Указ. соч., с. 275

129

выражаются исключительно в экономических терминах. Согласно Марксоу, идеология капиталистического общества, грубо говоря, прославляет интересы класса капиталистов, состоящие в погоне за денежной прибылью. Поэтому идеология прославляющая не экономическое поведение капиталистов, а что-нибудь еще, например, национальный характер, должна быть в конечном счете сводима к экономическим интересам господствующего класса".¹⁰

Шумпетер признает социальное положение "безусловно могущественным фактором", но оно "не означает, что наше сознание определяется исключительно экономическими составляющими нашей классовой позиции или, если даже это так, идеологическое влияние не может быть сведено лишь к влиянию классового или группового материального интереса". Сам принцип идеологической ориентации надо понимать шире: "1) идеология есть надстройка над реальной объективной социальной структурой и одновременно ее порождение; 2) идеология имеет тенденцию отражать эту реальную структуру в специфическом искаженном виде".¹¹

В-третьих, марксисты предполагают, что высказывания, в которых явно идеологическое влияние, однозначно подлежат осуждению. Но автор подчеркивает, что идеология - "вовсе не ложь"; а суждения о фактах, входящие в нее, "не обязательно должны быть ошибочными". "Разумеется, велико искушение одним ударом избавиться от системы неутраченных нам положений, объявив ее идеологией. Этот прием весьма эффективен (примерно в той же степени, что и личные нападки на оппонента), но логически он неприемлем".¹²

Общественное сознание не бывает однородным и отражает различные "общества на группы и классы различной природы". "Эти группы обладают разными возможностями утвердить свое сознание в масштабах всего общества и оставить след в литературе, который был бы заметен следующим поколениям. Это порождает проблемы интерпретации, часто неразрешимые. В частности, общественное сознание в данное время и в данном месте не просто различается у разных групп, но и зависит от положения и интеллекта индивидов, входящих в ту или иную группу. Оно различается у политиков и лавочников, фермеров, рабочих, которых "представляют" эти политики. Общественное сознание может проявляться в системах политической экономики, которые создаются авторами, принадлежащими или принадлежащими к определенным общественным группам".¹³

10. Шумпетер И. Указ. соч., с. 275 - 276

11. Шумпетер И. Указ. соч., с. 276

12. Шумпетер И. Указ. соч., с. 276

13. Шумпетер И. Указ. соч., с. 278 - 279

130

Весьма обстоятельно И. Шумпетер описывает процесс формирования "видения" (что в терминологии К.-Г. Гадамера звучит как возникновение "предрассудков"). Автор предлагает посмотреть, на каком этапе научного исследования "в него могут проникнуть идеологические элементы, как их можно опознать и попытаться устранить".

"Чтобы поставить перед собой какую-либо проблему, мы должны прежде всего иметь перед глазами определенный набор связанных явлений, представляющих собой достойный объект для исследования. Иными словами, аналитической работе должен предшествовать преданалитический акт познания, поставляющий материал для анализа... Такой преданалитический акт познания мы называем "видением". Интересно, что такое видение не только исторически предшествует любой аналитической работе, но и может вторгнуться в историю уже сложившейся науки. Это происходит тогда, когда кто-либо учит нас "видеть" вещи в новом свете, никак не обусловленном фактами, методами и результатами, характерными для предыдущей стадии развития науки".¹⁶

Ближайшая задача состоит в том, "чтобы облечь наше видение в слова или концептуализировать его", чтобы из элементов, обозначенных терминами (понятиями), составить упорядоченную схему или картину. Одновременно с этим решаются еще две другие задачи. "С одной стороны, мы собираем новые факты в дополнение к уже известным и разочаровываемся в надежности некоторых других фактов, входивших в наше первоначальное видение. С другой стороны, само создание схемы или картины обогащает первоначальное видение новыми связями между фактами, новыми понятиями, а иногда и разрушает какую-то его (видения) часть. Работа о фактах и "теоретическая" работа, без конца обогатившая и проверяя друг друга, ставя друг другу новые задачи, в конце концов создадут научные модели, временные продукты их взаимодействия, сохраняющие некоторые элементы первоначального видения, к которым предъявляются все более жесткие требования адекватности и последовательности".¹⁷

Этот процесс широко открыт для идеологического воздействия, которое осуществляется уже на самом первом этапе преданалитического познавательного акта. "Аналитическая работа начинается с видения, а оно идеологично по определению. Если есть хоть какой-нибудь мотив, побуждающий нас видеть факты так, а не иначе, то

16. Шумпетер И. Указ. соч., с. 281 - 282

17. Шумпетер И. Указ. соч., с. 283

132

Необычно выделение И. Шумпетером трех моментов: 1) политической экономики - изложения системы экономической политики, исходя из единого нормативного принципа (либерализма, социализма и т.д.); 2) экономической мысли - совокупности всех мнений и пожеланий по экономическим проблемам, имеющих хождение в общественном сознании в определенном месте и в определенное время; 3) собственно экономического анализа.

Понятие поступательного прогресса касается только научно-аналитического аппарата, потому что существуют некие общепринятые группой профессионалов стандарты, которые позволяют ранжировать различные экономические теории (чтобы каждая из них превосходила предыдущую). Эта иерархия прослеживается во времени, т.е. более поздняя по происхождению теория, как правило, превосходит предшествующую.

"Ничего похожего на этот прогресс анализа мы не встретим ни в истории экономической мысли, ни в исторической последовательности систем политической экономики". Столь решительное умозаключение поясняется примерами. "Бессмысленно говорить, что идеи Карла Великого в области экономической политики, воплотившиеся в его законодательной и административной деятельности, превосходят экономические идеи, скажем, Хаммурапи, но уступают общим принципам экономической политики династии Стюартов, которые, в свою очередь, не достигают до уровня идей, лежащих в основе актов американского конгресса. Конечно, некоторые меры государственной политики могут быть нам симпатичнее других, и на этом основании мы можем проанализировать их в порядке своего предпочтения. Но ранг любой экономической идеи в этой иерархии будет определяться оценочными суждениями ее составителя, его эмоциональными и эстетическими предпочтениями".¹⁴

Если исключить из рассмотрения достоинства и недостатки используемых методов анализа, то аналогичный вывод применим к системам политической экономики. "Мы можем предпочесть современный диктаторский социализм миру Адама Смита или, наоборот, но такие предпочтения будут столь же субъективными, как предпочтения, оказываемые блондинкам или брюнеткам (пользуясь сравнением Зомбарта). Иными словами, в вопросах экономической и всякой иной политики нет места понятию "прогресс", поскольку отсутствует база для сравнения".¹⁵

14. Шумпетер И. Указ. соч., с. 280

15. Шумпетер И. Указ. соч., с. 280

131

можно не сомневаться, что мы увидим их так, как нам хочется. Чем простодушнее и наивнее наше видение, тем опаснее оно в том случае, если мы попытаемся получить из него универсальные выводы. Кстати, тот, кто ненавидит свою общественную систему, вовсе не обязательно создаст более объективный ее образ, чем тот, кто ее любит. Ненависть не менее слепа, чем любовь. Единственное, чем мы можем утешиться, так это тем, что существует широкий круг явлений, никак не затрагивающих наши эмоции и поэтому представляющих разным людям одинаково. Но, кроме того, мы можем отметить, что правила и приемы анализа в той же мере независимы от идеологии, в какой наше видение пронизано ею".¹⁸

Эти методы позволяют, по мнению австрийского экономиста, легко распознать их некорректное применение, устранить порожденные идеологией ошибки, содержащиеся в первоначальном видении. Причем, это исправление осуществляется "автоматически, помимо воли исследователя". "Новые факты, накапливаемые исследователем, воздействуют на его теоретическую схему. Новые концепции и взаимосвязи, открытые им или другими учеными, должны подтверждать его идеологию или уничтожить ее. Если не мешать этому процессу, он хотя и не защитит нас от возникновения новых идеологий, но очистит существующую идеологию от ошибочных взглядов".¹⁹

Однако, И. Шумпетер скептически относится к окончательному устранению идеологических влияний на экономическую науку. Он считает, что достижимо лишь сужение области "идеологически искаженных положений". Ибо "многие явления входят в область личного опыта, а уж отсюда изгнать идеологию, или... сознательную нечестность невозможно".²⁰ Рациональное видение мира имеет полную силу только в сфере науки. Но жизнь многообразна и далеко выходит за рамки рациональных научных аргументов.

18. Шумпетер И. Указ. соч., с. 283

19. Шумпетер И. Указ. соч., с. 284

20. Шумпетер И. Указ. соч., с. 284

133

ГЛАВА IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

I. Соотношение между наукой и политикой у С.Н. Булгакова

Герменевтика экономической теории не ограничивается изучением мнений ученых и специалистов по поводу различных концепций. Она занимается также исследованием взаимодействия науки и политической деятельности с точки зрения "перевода" социально-экономических знаний на язык повседневного массового общения. Это взаимное влияние науки и политики анализирует С.Н. Булгаков в работе "Философия хозяйства". Автор начинает с изложения особенностей социальной (в том числе, экономической) науки и ее связи с политикой. После такого своеобразного методологического введения рассматривается соотношение политической экономии и хозяйственного руководства.

С.Н. Булгаков считает, что "соответственно двойственному объективно-логическому и прагматическому характеру своему наука должна поверяться двойного рода критерием, оцениваться не только со стороны логической правильности своих заключений, их последовательности, целесообразности, экономия мысли, изящества, стройности, но и со стороны своей практической, ориентировочной годности".¹

Социальная наука отвечает этим критериям, ибо "коренится в практической нужде". "Если есть области научного знания, где прагматические корни его лежат, можно оказать на поверхность, то к числу их бесспорно принадлежит социальная наука, и в частности вся группа экономических наук... Инструментальный, ориентировочный, технический характер этих наук настолько очевиден, что у многих даже пробуждается естественное сомнение, можно ли считать науку такую отрасль знания, в которой интереси практики, вопросы социального поведения так явно перевешивают и поглощают собой интереси научной теории. К тому же самая почва научного исследования здесь настолько зыбка, что выносит только временные, легко воздвигаемые, но и постоянно сносимые постройки".²

Общественная наука "по-своему стилизует действительность" (философски, социологически, статистически), и ее "понятия суть продукты такой преднамеренной и сознательной стилизации". Критически осознания собственную природу наука должна знать свой стиль и границы познавательных возможностей. Социологические

1. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.143

2. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.191 - 192

134

о котором идет речь, просто не существует, "классовый интерес" в данном применении этого понятия есть логический фетиш и вместе с тем фикция, а интересующее нас утверждение просто лишено всякого содержания. Верно лишь то, что поведение отдельных личностей может быть рассматриваемо и как единичное, и как социальное (классовое, профессиональное, национальное, государственное, общечеловеческое). Но выдавать эти схемы, получаемые апостериори, эти эмпирические обобщения за теоретически установленный закон, действующий с "естественной", невариативной необходимостью, значит впадать в логическое недоразумение".⁵

Наряду со статистической и социологической стилизацией политической экономии широко применяется абстрагирующее и изолирующее изучение, т.е. "сознательное и преднамеренное упрощение, а постольку и методологическое извращение действительности, чего наука, вообще говоря, отнюдь не боится". Упрощение действительности делает ее доступной "логическому преодолению посредством понятий". Однако подобный схематизм при большой степени абстракции "способен приводить к заведомо фикциям". Очень важно при этом не переступать "границу дозволенного". Особенно подчеркивается мысль, что "социальный детерминизм не есть вывод социальной науки, но ее методологическая предпосылка, обуславливающая самое ее существование".⁶

Предположение, "будто социальная наука и впрямь может определять социальную жизнь" Булгаков называет "идеальной", которая основана на непонимании различий между историей и социологией. Первая обращается к зашедшему прошлому, "не знает свободы и все истолковывает по закону причинности, воспринимает в свете детерминизма". Это истолкование имеет в виду однократное, во всем своеобразии неповторимое прошлое. Напротив, социология исходит из допущения "при прочих равных условиях", стремится найти единообразное и типичное в поступательном ходе событий, считает, "что действительность в известных пределах однообразна и повторяется, а в этом смысле закономерна". Следовательно, "социальная наука держится на фикции, именно на заведомо неверном предположении о неиндивидуальности индивидуального, типичности и закономерности того, что по самому существу своему отрицает и эту типичность и закономерность".⁷

Стало быть, возникает проблема, которую формулирует автор: "Каким образом заведомо фиктивные, методологические предположения

5. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.198,199,200

6. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.203

7. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.206

136

обобщения сходны с методом статистических средних, поскольку стремятся к логическому святию большого количества индивидуальных фактов в совокупности, выражаемые затем относительно простыми формулами для законов.

Подобного рода абстракции применимы лишь к характеристике совокупностей и пригодны для тех же целей и в тех же пределах, что и статистические средние. "Они могут выразить некоторые равнодействующие индивидуальных фактов, но отнюдь не предопределять эти самые факты. И таким сверхиндивидуальным характером обладают основные понятия социологов по самой их логической структуре".³ Наглядным примером служит "столь излюбленное в марксистской социологии понятие класса".

С.Н. Булгаков возражает против такого понимания класса, при котором "каждый отдельный индивид выразит собой сущность своего класса в главных его свойствах", т.е. "часть приравнивается целому, а индивидуальное коллективному". "Это означало бы не что иное, как поверить в реальность среднего статистического субъекта и без дальних разговоров приравнять его конкретным индивидам. Очевидно, остается возможным только такое понимание класса, согласно которому он есть абстракция, тоже своего рода средняя, выражающая закономерность для данной совокупности. Класс определяется классовым интересом, т.е. внешним положением в производстве и поведении, из него проистекающим".⁴

"Следовательно, - продолжает автор, - классовой психологии как индивидуальной, собственно говоря, и не существует, и если в марксизме постоянно делается смешение или даже отождествление той и другой, а социологическая точка зрения смешивается с психологической, это плод общей философской неясности и невзработанности марксизма... Класс со всеми своими атрибутами - классовым интересом, классовым поведением - только и существует в смысле некоторой средней равнодействующей из поведения отдельных лиц, рассматриваемых как социальная "совокупность". Его понятие не априорно или нормативно, но апостериорно и эмпирично, оно представляет собой логическую схему определенного научного стиля, который характеризуется сжатием множественных явлений в единство, в "совокупность" и выражает некоторую вероятную ожидаемость (конечно, при прочих равных условиях) именно такого, а не иного поведения... Поэтому того преддетерминированного классового поведения,

3. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.198

4. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.198

135

наук не препятствует тому, что наука выдерживает практическое испытание, оказывается технична, т.е. фактически пригодна к ориентировке в действительности? В применении к социальной науке вопрос ставится так: как возможна политика, эта прикладная социальная механика, поскольку она основывается на социальной науке, или теоретической социальной механике?"⁸ Ответ на такую постановку вопроса дает сама жизнь. Она "свидетельствует в пользу этой возможности и ее подтверждает", ибо социальная наука возникает из практических потребностей.

Наука, в понимании Булгакова, представляет собой "орудие социальной техники или, что то же, социальной политики". Последняя есть "нерв социальной науки, она владеет ключами от всех ее замков". Возможная научность политики не отрицается субъективным характером практической деятельности. Поскольку всякая деятельность, в том числе и социальная - это синтез свободы и необходимости. "В рассматриваемом случае свобода выражается именно в этом субъективизме, волевым устремлении социальной деятельности, в моменте оценки, а необходимость в научной ее обусловленности со стороны средств".⁹ Научность нельзя отождествлять с полной детерминированностью. Ее надо понимать "как пользование данными научного опыта при обосновании плана действий".

Социальная политика как область научного рационализма и социологического моделирования человеческих отношений "далека от непосредственного чувства". Она имеет свой собственный объект: "это действие на совокупности, на социальное тело". "Область такого действия все расширяется, - в государственной, социально-экономической, общекультурной области растущее обобществление жизни и сознание этой обобщественности, социализм жизни и социологизм сознания непрерывно расширяет и упрощает компетенцию социальной политики. Этим создается все увеличивающееся механизирование жизни, преобладание абстрактности и уменьшение конкретности в человеческих отношениях. Социальная политика заменяет любовь, возможную лишь в отношении к личности, но не к совокупности - будь это "партия", или "класс", или "человечество" - "идеальность"... теплота личных отношений вытесняется общественно-утилитарным рационализмом, непосредственность чувства - пресловутая "принципиальность", так что успехи социализма и рост общественной солидарности отнюдь не сопровождаются необходимостью

8. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.207

9. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.208

137

увеличением любви или даже симпатии и уменьшением вражды между людьми. Скорее можно думать даже обратное: социализм может быть делом и простого расчета и выгоды, "интереса", а не любви, и сам по себе он во всяком случае еще не говорит об увеличении любви среди людей. Социальная политика есть механика, которая может приводиться в движение разными мотивами".¹⁰

Перевод теоретических положений на язык политических решений затрудняется герменевтическими проблемами внутри самой науки. Об этих сложностях говорит С.Н.Булгаков: "Дискурсивное... мышление находит все во всем, лишь переходя от одного к другому, отгадываясь от частного к частному же и лишь в самом этом переходе находясь обрече. Потому дискурсивное мышление - философия, а тем более наука - множественно по своей природе... Потому философские системы могут правомерно различествовать между собой в зависимости от исходной своей ориентировки, или, иначе говоря, по поводу одного и того же объекта, с одинаковой верностью истине как идеалу познания, можно, исходя из разных точек ориентировки, построить разные системы, научные и философские подобно тому, как одну и ту же гору можно измерять и снимать с различных сторон и точек, при неодинаковом освещении, и все эти проекции при одинаковом объекте хотя и будут различны, но не противоречивы. Различие не есть еще противоречие или, по крайней мере, может не быть им, поэтому мы не узаконяем возможности противоречивых систем. Различные точки зрения могут в известной степени мирно сосуществовать, противоречивые же взаимно исключаются одна другой. (Эта мысль положена в основу истории философии у Гегеля и его продолжателей)".¹¹

Разногласия теоретических концепций дополняется многообразием политического выбора. "Хотя социальная политика вообще способна обладать научностью, однако это вовсе не значит, чтобы из данных научных посылок о необходимости следовала только одна система политики, и именно она-то и была единственно научной. Напротив, из одних и тех же научных данных могут вытекать различные, но в то же время с одинаковой степенью научности обоснованные направления социальной политики, другими словами, из данного научного инструмента может быть сделано различное употребление. Только благодаря неправильному пониманию природы науки и границ социального детерминизма, получает силу широко распространенное представление о том, что возможна только одна научная

10. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.208 - 209

11. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.27 - 28

138

из необходимости к свободе". В этом смысле социализм имеет, "конечно, столько же общего с научностью, как и картины магнетового рая". В целом авторское отношение к прогностическим способностям социологии также весьма скептическое. "Скромные предвидения могут быть приписаны социальной науке лишь с большими оговорками", ибо ее закон "улавливает общую закономерность для данной совокупности" лишь в следствиях, а не в производящих причинах, потому и "значимость" их очень ограничена".¹⁴

Общие методологические рассуждения о социальных науках Булгаков конкретизирует применительно к политической экономии, формулируя предмет и стиль исследования (своего рода "предрассужди") экономической теории. "Политическая экономия есть наука о народном богатстве, поскольку оно становится личным достоянием, или, наоборот, о личном хозяйственном уделе каждого, поскольку он зависит от социальных условий хозяйства".¹⁵ Различные школы экономической мысли расходятся "в своих учениях, но не в самой проблеме" и "своими разногласиями несколько затемняют единство этой исходной ориентировки".

Первое препятствие, которое приходится преодолевать экономической герменевтике, это неопределенность самого основного понятия - богатства. Оно, "при всей жизненности своей, отличается аморфностью и расплывчатостью, обычно свойственной наиболее жизненным понятиям". Каждое научное направление толкует исходный пункт по-своему. "Выбор диктуется практическими мотивами исследования, и в частности указывается историческими условиями: для нас ясно, почему меркантилисты считали богатством деньги, физиократы - продукты земледелия, фритредеры - промышленность, социалисты - материальные блага вообще, а Рёскин - человеческую жизнь, и каждый прав с своей условной, ориентировочной точки зрения, и каждое определение годится для этой цели".¹⁶

Отсутствию единства подходов не мешает постижению смысла отдельных концептуальных построений. Герменевтическая интерпретация позволяет сглаживать исторические и логические разрывы между относительно самостоятельными течениями экономической мысли. "Понятие богатства и все с ним связанное и из него вытекающие понятия произвольно, прагматически устанавливаются, соответственно направлению научного внимания, и не допускают логической законченности, замкнутости, да и не ищутся в ней. По

14. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.212

15. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.215

16. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.216

140

социальная политика. Радикальный детерминизм лежит в основе и так называемого "научного социализма".¹²

Возможная степень "научности" социализма и социалистической политики, по мнению С.Н.Булгакова, "не больше и не меньше, как и для всякой иной социальной политики". Она может опираться на научные данные "в своих предначертаниях", а может, напротив, идти вразрез с ними. "Социалистическая политика, как и всякая иная, остается искусством, "техникой", но, как и всякая техника, она может опираться на науку... наука обосновывает технику, а техника, в свою очередь, "гарантирует" науку. Социальная политика, как вид техники, в силу действительного своего характера направляется волей: она ставит идеалы политики, наука же лишь консультируется относительно средств, а не целей. Политика принимает социалистическую окраску не потому, что таковой требует наука, но потому, что данные лица или общественные группы хотят социализма, видят в нем - справедливо ли или ошибочно - панацею от всех социально-экономических зол, хотя его до всякой науки и помимо нее, вовсе не в силу его научности, но его желанности. Иллюзия "научного социализма", которую ослепляли себя и своих доверчивых последователей Маркс и Энгельс, в том именно и состоит, будто наука может служить не только опорой для социалистической политики, давая некоторую поддержку социалистическим надеждам, но и основой самой воли к социализму. Однако, если бы даже признать неизбежность данного развития научно предостановленной (что, конечно, само по себе совершенно невозможно), то из этого признания еще не родится необходимо воля к этому развитию. В основе социализма лежит, несомненно, воля к нему и вера в него, имеющая своеобразный религиозный оттенок, и это сохраняет всю свою силу, конечно, и относительно Маркса и Энгельса".¹³

Автор не разделяет марксистских "предрассуждений", согласно которым концентрация капиталистической промышленности неизбежно приводит к социализму. Факт концентрации производства может использоваться лишь в качестве научной ориентировки, "по аналогии с тем, как практика страхования от огня пользуется данными пожарной статистики". Ошибочно и представлено, будто социалистической наукой "обосновывается наступление земного рая, идеального состояния жизни отдельных личностей и общества, приносящего о собой разрешение всех жизненных вопросов и обозначающее "прыжок

12. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.209 - 210

13. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.210 - 211

139

эта неопределенность и, так сказать, подвижность понятия богатства и бедности и дает политической экономии необходимую гибкость и приспособляемость к исторически меняющимся задачам, поддерживает в ней в потребной мере эмпиризм и историзм, что необходимо для нее в качестве науки об историческом, об изменяющемся во времени. Объект политической экономии, хотя и отличается неопределенностью логических границ, практически, однако, достаточно несомненен и может быть научно определен, так сказать, то в том, то в ином ракурсе, причем каждый раз получается и соответственный логический профиль".¹⁷

Политическая экономия характеризуется также противоречивостью своей методологии. Она вынуждена разрываться между крайностями индивидуальной и социальной точек зрения. "Если стоять исключительно на точке зрения индивидуального, то можно сказать, что совокупностей в действительности вовсе нет, они суть лишь домыслы досужего воображения: нет ни капитализма, ни капиталистов или пролетариев, а существуют лишь конкретные субъекты, живые люди, имеющие имена, фамилии, биографии. И, наоборот, согласно методу совокупностей, не найдется места для биографии или вообще индивидуальных дат, так же как с известной высотой отдельные дома сливаются в улицы, образующие кварталы и общий тип города. Конечно, идя от индивидуального, при исчерпывающем изучении (практически, впрочем, совершенно недоступном для человека) можно прийти и к социальному и групповому, фактически включив в его в исчерпывающее изучение действительности, но от группового изучения нет прямого пути к индивидуальному, а может быть только скачок. Поэтому практически индивидуальное и социальное суть как бы различные миры, как и вообще научное изучение действительности, несмотря на постулируемую им всеобщую связь, разделяет действительность на отдельные, взаимно не сообщающиеся между собой миры".¹⁸

В "научном стиле" политэкономии преобладает социологизм, который она старается внести в понимание конкретных жизненных или исторических явлений. По мнению С.Н.Булгакова, "в стремлении устанавливать законы хозяйственной жизни, политическая экономия (хотя бы и исторического направления) есть наука социологическая, приносящая с собой в качестве априорных определенности методологические предпосылки, и прежде всего характерный социологический детерминизм. Благодаря этому детерминизму, она вычер-

17. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.217 - 218

18. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.218 - 220

141

кивает индивидуальность и ставит на ее место группы и классы, "совокупности", в которых индивидуальное всецело закрывается типическим, поэтому устраняется свобода и творчество и повсюду видится лишь непрерывная социальная закономерность.¹⁹

Основные понятия политической экономии "даже и не могут быть применены к индивидуальному явлению, просто не годятся для него, ибо выводят за его пределы. Единичное существует для политической экономии лишь как средний экземпляр своего социального типа: например, данный рабочий Иван Сидоров существует здесь как член класса пролетариата".²⁰ Она "понимает и истолковывает" индивидуальные явления "только в связи с другими явлениями, как социальные совокупности".

Автор "философии хозяйства" указывает на ограниченность изучения экономических явлений "в чистом виде". "Это основоположение политической экономии, что явления хозяйственной жизни обладают качеством повторяемости или типичности, есть общее методологическое предположение экономических закономерностей. Вместе с тем очевидно, что этим положением наперед исключено не только все индивидуальное, но и вообще новое, историческое: и в этом политико-экономическом мире, как и ранее в социологическом, ничего не происходит, не совершается никаких событий, вращается лишь какой-то экономический "вечный двигатель".²¹

Хотя "законы" политической экономии "имеют дело не только со статикой, но и с динамикой явлений, не только с их существованием, но и с последовательностью", однако они по содержанию своему статичны. Ибо "здесь принципиально исключена возможность новых, т.е. непредусмотренных данной закономерностью причин". Типичен в этом отношении "прогноз" Маркса касательно развития капитализма к социализму: он целиком основан на предпосылке "при прочих равных условиях" и представляет собой мысленное продолжение лишь одной из "тенденций", т.е. обобщение некоторых сторон современной действительности".²²

"Но как только политическая экономия поворачивается лицом к конкретной исторической действительности, — пишет далее С.Н. Булгаков, — и делает попытку понять ее не только как механизм, но как творчество, тогда выясняется и значение личности как творческого начала не только истории, но хозяйства. Хотя до сих пор мы характеризовали политическую экономию как дисциплину социологию, или "номографическую", однако, благодаря указанной"
19. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.218
20. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.218
21. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.221
22. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.221 - 222
142

сметки. Поэтому экономическая политика по природе своей есть искусство, хотя и научное искусство... Всякое научное суждение по поводу конкретного факта или вопроса представляет собой своеобразное соединение понятий общих и индивидуальных, номографических и идиографических, в вопросах же экономической политики это соединение, благодаря сложности объекта суждения — экономической жизни, и невысокой, благодаря этому, степени научности политической экономии, представляется особенно запутанным. От общего к частному ведет не постепенный переход, но логический скачок, причем он может быть сделан в различном направлении. Вот почему так нелегко договориться между собой ученым и в оценке фактов, и в практических выводах, чем вызывается иногда подозрение и относительно самой науки, как будто наука знает какой-нибудь секрет подхода к фактам. Поэтому, когда надлежит высказаться по вопросу, касающемуся совокупностей, политическая экономия испытывает затруднения вследствие своей абстрактности, хотя и не более, чем всякая другая наука, но если дело идет не о совокупности, а об индивидуальном явлении, тогда эти затруднения удвоятся и становятся так велики, что в известных случаях делают прямо невозможным какое бы то ни было научное суждение... Во многих случаях такие абстрактные суждения до крайности обесцениваются, превращаются в общие места. Обычно в таких случаях послышки науки восполняются суждениями практического разума или здравого смысла, которые, одобренные данными научного анализа, и принимаются иногда за заключения науки".²³

Обоснование экономической политики выстраивается из оценочных суждений: какой должна быть экономика. Это предполагает формулирование целей хозяйственного развития страны. Экономические цели могут получить широкое политическое признание только в самой абстрактной форме, которая напрямую не противоречит интересам различных социальных групп. Примерами таких целевых установок служат: социальная справедливость в распределении доходов, полная занятость населения, устойчивое денежное обращение и стабильные цены, социальная защита нуждающихся, экономическая свобода, экономический рост и эффективность производства и т.п.

Хозяйственная политика начинается с герменевтики, с толкования общепризнанных социальных целей. Следует определить, каковы допустимые колебания цен и покупательной способности денежной единицы, приемлемый уровень безработицы и справедливая дифферен-

23. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.227 - 228

неопределенности ее логических очертаний, в ней можно констатировать наличие и часто описательных элементов или изучения исторического, "идиографического"... Прагматизм науки делает то, что элементы номографические, хотя и представляют собой важнейшую часть, или логический центр науки, не являются, однако, сами по себе целью, нужны лишь как средства ориентировки, ценны, поскольку полезны".²³

Возможность отвлеченного теоретизирования в политикоэкономии "не имеет границ", и потому, считает автор, "оно непременно должно стоять под контролем сознательного, критического прагматизма, спрашивающего: кому это выгодно? Возможны ведь и такие восхождения от фактов к теории, за которыми не может последовать обратного нисхождения. Теория есть продукт отложенной научной мысли, кристалл науки, и потому без теории не обходится ни одна наука, однако никогда не должен убираться мост, соединяющий оба берега, и номография все же остается средством для идиографии, или, иначе, теории для практики, которая всегда конкретна, исторична".²⁴

Разрыв существует не только между отдельными положениями экономической теории, но и между наукой в целом и практической деятельностью. Поэтому приходится наводить герменевтические мостики между политической экономией и экономической политикой. Причем, из одних и тех же научных поисков можно вывести совершенно различные рекомендации практикам, и одинаковые политические решения обосновывать непохожими друг на друга концептуальными построениями. Все зависит от выбора логических переходов, от убедительности предлагаемых доказательств.

С.Н. Булгаков так подводит итоги своим размышлениям: "Политическая экономия, как социальная наука вообще, представляет собой единство экономической теории и экономической политики. Теория помогает ориентироваться в вопросах практического характера и дает руководящие указания или общие послышки, но вместе с тем по своему отвлеченному характеру, никогда не дает указаний в конкретной, окончательной форме, так чтобы можно было в ее формулу прямо подставить цифровые величины, произвести требуемые действия, и решение будет готово. Напротив, эти указания науки всегда даются в общей и неопределенной форме, необходимо предполагающей еще участие интуиции, творчества или хотя простой"

23. Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 224

24. Булгаков С.Н. Указ. соч., с.226

интуиция в распределении доходов, желательные темпы экономического роста и повышения производительности труда и т.д.

От общего к частному возможен только "логический скачок" и политика оказывается перед проблемой конкретизации задач, выбора решений и согласования интересов. Здесь возникает проблема двойного рода. Во-первых, надо соотносить мероприятия, направленные на достижение различных целей. Они объективно противоречат друг другу, и между ними приходится искать компромисс. Во-вторых, нужно сдерживать недовольство тех социальных групп, чьи интересы ущемляются проводимой политикой. И вообще активно воздействовать на массовое общественное сознание, стараясь уверить людей в правильности хозяйственного руководства. Логика рациональных доказательств смешивается с эмоциональными аргументами, а то и попросту уступает им место. Ради убедительности политики прибегают к внешне правительственной риторике, к популизму, забывая про науку.

2. Экономико-политическая герменевтика В.И.Ленина

Блестящим интерпретатором теоретического наследия К.Маркса был В.И.Ленин. Вождя партии большевиков экономическая часть марксизма интересовала не сама по себе, а как средство достижения политических целей. Поэтому абстрактные положения трудовой теории ценности занимали относительно мало места в ленинских работах. Ленин, как правило, ограничивался повторением воззрений социал-демократических теоретиков, в особенности К.Каутского, отстаивавших марксово понимание проблемы стоимости в полемике с концепцией Бем-Баверка или ее сторонниками внутри рабочего движения, в частности Э.Берштейном.

Поверхностные критические рассуждения начинающего вождя не затронули существа дела. Так, в 1899г в рецензии на книгу К.Каутского "Берштейн и социал-демократическая программа" Ленин возмущался "чисто эклектическим замечанием вроде того, что теория предельной полезности школы Госсена — Девенсона — Бема не менее справедлива, чем теория трудовой стоимости Маркса". Затем он воспроизводил мысли лидеров немецкого пролетариата: "Обе теории сохраняют свое значение для разных целей, — говорит Берштейн, — ибо Бем-Баверк имеет априори такое же право абстрагировать от того свойства товаров, что они произведены трудом, как Маркс — абстрагировать от того их свойства, что они суть полезности. Каутский указывает, что это совершенно нелепо —

считать две противоположные, исключающие друг друга теории пригодными для разных целей (причем Берштейн не говорит, для каких целей пригодна та или другая теория). Вопрос состоит вовсе не в том, от какого свойства товаров мы вправе априори абстрагировать, а в том, как объяснить основные явления современного, основанного на обмене продуктов, общества, как объяснить стоимость товаров, функцию денег и пр.⁴ Стало быть, в политической деятельности исходные посылы важны лишь постольку, поскольку из них можно сделать желаемые конечные выводы.

Чтобы оправдать стремление своей партии к власти, Ленину приходилось отстаивать идеологические и теоретические обоснования ее программы. Защищать марксизм становилось все труднее.

Дело в том, что некоторые идеи Маркса обретают привлекательность в неблагоприятных общественных условиях, при плохой хозяйственной конъюнктуре, когда наблюдается обнищание (пролетаризация) широких слоев населения на фоне процветания немногих. Требования социальной справедливости в распределении доходов и имущества легко принимают форму крайне радикальных лозунгов уничтожения частной собственности (крупной или всей), антагонистической борьбы сословий внутри одного гражданского общества, политической диктатуры и т.п. Бедственное положение революционизирует массы, вынуждает людей отстаивать собственные интересы чрезвычайными мерами, вплоть до насильственного устранения законного правления.

Иная картина характерна для экономических подъемов. Рост производительности труда увеличивает производство, доходы и занятость, позволяет находить взаимоприемлемое сочетание интересов хозяйствующих субъектов — предпринимателей, лиц наемного труда, собственников, государства. Зарядженность марксизма на свержение существующего общественного строя не встречает охвата в среде рабочих, ибо улучшения благосостояния можно добиваться и при "классовом перемирии".

Смена идеологического настроения в обществе обычно совпадает с длительными, полувекowymi колебаниями экономической конъюнктуры, известными в современной литературе под названиями "циклы Н.Д.Кондратьева" или "длинные волны".⁵ Именно на стыке циклов началась политическая карьера В.И.Ульянова-Ленина и завершилось распространение марксизма в России и других европейских странах.

Г. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.4, с.203
* Подробнее об этом см.: Черемисинов Г.А. Большие циклы в экономике: исторический опыт, теоретические модели и государственная политика. Саратов, 1993

146

литическом же отношении они грешили тем, что неизбежно,вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина на точку зрения хозяина (т.е. точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария".⁶

По второму вопросу высказывание Ленина более точно: "только самое короткое время и только самые близорукие люди могли думать о переделке основ учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъема и процветания... Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время увеличивали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху — и в смысле отдельных политических и экономических кризисов и в смысле полного крушения всего капиталистического строя (надо бы добавить — основанного на свободной конкуренции Г.Ч.) — это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты".⁶

Третий вопрос, в отличие от первых двух, непосредственно не касался стратегии и тактики политической борьбы. Поэтому он выполнял роль своеобразного дописка в пролетарско-трудовой идеологии. Здесь Ленин скуп на слова: "О теории стоимости надо только сказать, что кроме намеков и воздыханий, весьма туманных, по Бем-Баверку, ревизионисты не дали тут решительно ничего и не оставили поэтому никаких следов в развитии научной мысли".⁷ Списать с имени Бем-Баверком Ленин не пожелал.

Падение популярности большевиков перед первой мировой войной усугублялось аргументированной критикой различных положений марксизма. Спасая теорию, Ленин отстаивал теоретическое обоснование партийной программы с помощью догматического толкования взглядов Маркса. Увидевшая свет в 1913г статья "Три источника и три составные части марксизма" — классический образец канонизации марксистского учения. Здесь стремление внушить веру в святость отца научного социализма оседелствовало с превратительным отношением к идеологическим противникам, навешиваемым им ярлыков вместо честных научных споров.

5. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17, с.21

6. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17, с.21 — 22

7. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17, с.22

148

Зависимость между конъюнктурными колебаниями и увлечением коммунистической доктриной можно подтвердить ссылкой на статью Ленина "Марксизм и ревизионизм", изданной в 1906году. "Первое полвека своего существования (с 40-х годов XIX века) марксизм боролся с теориями, которые были в корне враждебны ему". К 90-м годам того же века "марксизм уже побеждает безусловно все прочие идеологии рабочего движения".⁸ Следовательно, возникновение учения К.Маркса и упрочение его позиций явно связаны с переломом долгосрочных тенденций экономического развития к худшему в 40-е годы прошлого столетия и затяжной депрессией 1870 — 1880-х годов.

"Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения, — те тенденции, которые выразились в этих учениях, стали искать себе иных путей. Изменились формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И второе полвека существования марксизма началось (90-е годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма. Былший ортодоксальный марксист Берштейн дал имя этому течению, выступив с наибольшим шумом и с наиболее цельным выражением поправок к Марксу, переименовав Маркса, ревизионизма".⁹ Глушиной причиной перемены идеологических установок в социалистическом рабочем движении стал мощный промышленный подъем во всех развитых странах с середины 90-х годов XIX столетия.

Полемика с ревизионистами была не столько рациональной, сколько эмоциональной. В центре внимания дискуссии находились три вопроса: концентрация производства, экономические кризисы и теория стоимости. В области политической экономии ревизионисты были "разносторонни и обстоятельны; на публику старались воздвигать "новыми данными хозяйственного развития". Говорили, что концентрации и вытеснения крупным производством мелкого не происходит в области сельского хозяйства вовсе, а в области торговли и промышленности происходит она крайне медленно. Говорили, что кризисы теперь стали реже, слабее, вероятно, картели и тресты дадут возможность капиталу совсем устранить кризисы. Говорили, наконец, что и теория стоимости Маркса не мешает исправить по Бем-Баверку".⁴

По первому вопросу, считает Ленин, ревизионисты "грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма, — в по-

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17, с.18

3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17, с.18 — 19

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17, с.20

147

"Беспристрастной" социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но вод казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству". Поэтому "учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде "вредной секты".⁸

По мнению Ленина, "в марксизме нет ничего похожего на "сектанство" в смысле какого-то замкнутого, законченного учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые перводавая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма. Учение Маркса всеобщее, потому что оно верно. Оно полно и строго, давая людям цельное мировоззрение, непримиримое ни с каким суеверием".⁹

Интерпретация философского и экономического наследия Маркса велась с позиций социалистической пролетарской партии, готовящей насильственным путем прийти к власти в России. "Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором проявляли донные все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма".¹⁰ Упоминание трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости понадобилось для оправдания "классовой борьбы рабочих" и провозглашения революционного лозунга "Капитализм победил во всем мире, но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом".

Примечательно следующее ленинское рассуждение: "Люди всегда были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями распознавать интересы тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшения всегда будут одурчаемыми защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и глупо оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть одно средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и

8. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с.40

9. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.23, с.40 — 43

10. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.23, с.47

149

организовать для борьбы такие силы, которые могут – и по своему общественному положению должны – составить силу, способную сменить старое и создать новое".¹¹ Таким образом, забота о людях труда на словах на деле означала использование их большевиками в качестве орудия борьбы за господство в обществе.

Те же партийно-политические интересы обусловили смену ленинской риторики после захвата власти в октябре 1917 года, ибо революционный переворот совершился отнюдь не по рецептам канонизированного марксизма. Всего через полгода в работе "О "левом" ребячестве и мелкобуржуазности (май 1918г) Ленин писал: "Марко не связывал себе и будущим деятелям социалистической революции насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как часто и сильно будет она меняться в ходе переворота".¹²

Вопрос повернулся в практическую плоскость. "Мы, партия большевиков, Россию отвоевали – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять".¹³ сказано несколько раньше (в апреле 1918г) в статье "Очередные задачи советской власти", Предстояло разрабатывать новое, неканоническое толкование марксизма, совместимое с проводимой политикой.

Экономико-политической герменевтикой проникнута брошюра "Детская болезнь "левизны" в коммунизме", напечатанная в июне 1920г. Вначале в ней Ленин отдает дань прошлому упоминанием, что большевикам возник "на самой прочной базе теории марксизма", а затем на протяжении почти ста страниц доказывает необходимость отхода от догматического понимания марксистского учения и невозможность строгого соблюдения его принципов в партийной деятельности. Взгляд с поста главы правительства – Председателя Совета Народных Комиссаров – почти полностью противоречит прежней точке зрения оппозиционера. В новой герменевтической ситуации Ленин благославляет то, что ранее проклинал: ревизионизм в теории и оппортунизм (тактику уступок и соглашательства) в политике.

Неоднократно поднимается проблема компромиссов. "Отрицать компромиссы "принципиально", отрицать всякую допустимость компромиссов вообще, каких бы то ни было, есть ребячество, которое трудно даже взять всерьез".¹⁴ "Вся история большевизма, и до и

- 11. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.23, с.47
- 12. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с.304
- 13. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.36, с.172
- 14. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.20

150

посредственно опирается в своей работе на профессиональные союзы и другие общественные организации. Поэтому "все разговоры о том, "сверху" или "снизу", диктатура вождей или диктатура массы и т.п., не могут не казаться смешным ребяческим вздором".¹⁵

Правильная партийная элита навязывает идеологические предрассудки, укрепляющие ее престиж среди широких социальных слоев. Но поддержание популярности требует гибкого отношения к исходным партийным установкам. "Неизбежно впадет в ошибку тот, кто вздумает выводить тактику революционного пролетариата из принципов вроде: "коммунистическая партия должна сохранять свою доктрину в чистоте и свою независимость от реформизма незапятнанной". Задача состоит "в том, чтобы уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому своеобразию отношений между классами и партиями, к тому своеобразию в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать".²⁰ "Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами" – нужно такое применение "основных принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частности, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям".²¹ Эти различия "совершенно неважны и мелки с точки зрения чистого, т.е. абстрактного, т.е. незрелого еще до практического, массового, политического действия коммунизма".²²

Ради завоевания политической власти все средства хороши, так считает В.И. Ленин, призывая "соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления и тому подобное".²³ Такая двусмысленная позиция, позволяющая сохранить внешнюю пристойность при любой смене политической тактики, находит свое методологическое обоснование в рассуждениях о формах и содержании рабочего движения и социализма. "Новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы... наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму

- 19. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с.32
- 20. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.74
- 21. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.77
- 22. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.80
- 23. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.80

152

после Октябрьской революции, полна случаями лавирования, соглашательства, компромиссов с другими и в том числе с буржуазными партиями!"¹⁵

В оправдание такой тактики приводятся соответствующие доводы: "Наша теория не догма, а руководство к действию – говорили Марко и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких "патентованных" марксистов, как Карл Каутский, Отто Бауэр и т.п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата. "Политическая деятельность – не тротуар Невского проспекта" (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга), говорил еще русский великий социалист домарковского периода Н.Г. Чернышевский. Русские революционеры, со времен Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины".¹⁶

В полемике с "правверными" коммунистами Ленин раскрывает механизм герменевтического воздействия на массовое сознание. "Всем известно, что массы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; – что классами руководит обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; – что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, избираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями".¹⁷

"Соотношение вождей – партии – класса – масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партии к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в Союзы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков... Партией... руководит избранный на съезде Центральный Комитет из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям... Выходит, следовательно, самая настоятельная "олигархия". Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цема партии".¹⁸ Кроме того, партия не-

- 15. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.54
- 16. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.55
- 17. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.24
- 18. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.30 – 31

151

другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими условиями".²⁴ Искусно отделив "форму" от "содержания", можно беспреступно начинать произвольными программными положениями формально марксистскую партийную платформу. Более того, ссылаясь на изменившиеся обстоятельства, легко открещиваться от "неудобных" высказываний К.Маркса по тем или иным важным вопросам.

Так, обосновывая необходимость "диктатуры пролетариата" для подавления враждебных сил, Ленин настойчиво подчеркивал формальные критерии деления общества на классы. "Марко и Энгельс, – говорил он, выступая на X съезде РКП(б) 16 марта 1921г., – основательно боролись о людях, которые забывали о различии классов, говорили о производителях, о народе или о трудящихся вообще... Нет трудящихся вообще, или работающих вообще, а есть либо владеющий средствами производства малкий хозяйчик, у которого вся психология и все навыки жизни капиталистические... либо наемный рабочий, с совершенно иной психологией, наемный рабочий в крупной промышленности, стоящий в антагонизме, в противоречии, в борьбе с капиталистами".²⁵

Через год, 27 марта 1922г на очередном XI съезде РКП(б) Ленин утверждал обратное, отказывая в пролетарской принадлежности тем самым наемным рабочим, от имени которых его партия установила политическую диктатуру. "Очень часто, когда говорят "рабочие", думают, что значит это фабрично-заводской пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времени войны на фабрике и на заводе пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы опраться от войны, а разве у нас сейчас общественные и экономические условия таковы, что на фабрике и заводе идут настоящие пролетарии? Это неверно. Это правильно по Марко, но Марко писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века. На протяжении шестидесяти лет это правильно, а для России теперешней неверно".²⁶

Иногда ревизия марксизма осуществлялась не в виде однозначного отрицания, а более тонко. В статье "О значении золота теперь и после полной победы социализма" (ноябрь 1921г) Ленин, объясняя переход от наступательной политики "военного коммунизма" к стратегическим оборонным маневрам новой экономической политики (нэпа), писал: "Отношение реформ к революции определено точно

- 24. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.89
- 25. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.43, с.100 – 101
- 26. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.45, с.106

153

и правильно только марксизмом, причем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата... После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменением, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма".²⁷

Еще один пример переименования марксизма - это разговор об экономике и политике, диалектике и эклектике в брошюре "Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина". Известно, что Маркс относил политику к сфере надстройки, которая определяется экономическим базисом, что политические интересы производны от экономических. Однако Ленин веляет: "Политика есть концентрированное выражение экономики... Политика не может не иметь первенства над экономической. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма".²⁸

Соединение политического и хозяйственного подходов лидер большевиков считал недопустимой эклектикой, ибо оно подрывало неограниченное подчинение профсоюзов партии. Отстаивая единое централизованное руководство, Ленин пускается в длинное разъяснение преимуществ диалектической логики по сравнению с формальной. При этом он ссылается на прогнозы Гегеля, считаемого им Гегеля о необходимости "брать предмет в его развитии, "самодвижении", о том, что "абстрактной истины нет, истина всегда конкретна". Хотя по всей экономико-политической герменевике Ленина применены основные суждения Гегеля о философии софистов из "Лекций по истории философии".

"Если полагают, будто софистика дурна в том смысле, что она представляет собой своеобразную особенность, виновными в которой являются лишь дурные люди, то следует сказать, что она вместе с тем куда более распространена, чем это можно думать, ибо всякое рассуждение, исходящее из оснований, приведение оснований за и против, выдвигание таких точек зрения есть софистика".²⁹ Стили-

27. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.44, с.228

28. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.42, с.278

29. Гегель Соч. т.Х, М., 1932, с.18

нистического Манифеста"(независимо от того, высказаны ли эти идеи прямо по существу дела, в виде намеков или обрисованы в аллегорической форме).

Подтверждением данной мысли служат последние статьи("О кооперации", "О нашей революции"), продиктованные В.И.Лениным в 1923 году. Он бранил "теоретика Интернационала" за то, что "они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени падающе. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики".³³ Но вокруг российских коммунистов колотился, что о переходе к нэпу (новой экономической политике), "мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм".³⁴ "Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещь для своего времени очень полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Так, кто думает т.е., одновременно было бы объявить просто дураками".³⁵

33. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.45, с.378

34. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.45, с.376

35. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.45, с.382

чительная манера софистов "доказывать, не касаясь самого предмета, как такового, а посредством оснований, которые черпаются из осязательных чувств, представляющих последние целями человека... С такого рода рассуждениями можно скоро зайти так далеко(если не дождят до этого, то причиной служит недостаток образования, софисты же были очень образованы), что будешь знать, что если идет речь об основаниях, то можно посредством них все доказать, можно для всего находить основания за и против".³⁰

Софисты учили риторике, красноречию, опирались на стремление учеников стать мудрыми. "Мудростью считают именно знание того, что составляет силу среди людей и в государстве и что я должен признавать таковой; зная эту силу, я умею также побуждать других действовать в соответствии с моей целью... Тот человек силен, который умеет сводить дела людей к абсолютным целям, движущим людьми".³¹ Поэтому софисты сделали учителями красноречия; "последнее есть как раз то искусство, посредством которого отдельное лицо может приобрести почет у народа, равно как и осуществлять то, что служит на пользу последнему... Красноречие было одним из первых требований для того, кто управляет народом или убеждает его в чем-либо... Но красноречие характеризуется в особенности тем, что оно выдвигает многообразие точки зрения и придает силу тем из них, которые согласуются с тем, что мне кажется полезным; оно есть, следовательно, образование, позволяющее выдвигать в применении к данному конкретному случаю одни точки зрения, а другие отодвигать на задний план".³² Отвергая неизбежность логических оснований, софистика утвердила диалектичность мысли.

Новое прочтение Маркса вызвало не только внутренними российскими условиями - превращением большевиков в господствующую партию -, но и переменами в международном рабочем движении. Лидеры социалистического интернационала выдвинули привлекательную, современную, немарксистскую парадигму социализма, учитывавшую специфику очередной полувекковой, кондратьевской волны. Сохранить дальше марксистское видение социализма можно было либо ценой его "реформационного толкования", либо объявлением всех политических мероприятий соответствующими идеям автора "Комму-

30. Гегель Указ. соч., с.19

31. Гегель Указ. соч., с.9

32. Гегель Указ. соч., с.10

ГЛАВА V. ИСТОКИ ТЕОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ: "НОВАЯ ЭКОНОМИКА" Е.А.ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Неутихающие споры вершат страницы истории, воскрешая из забвения имена людей, чьи взгляды пророчески воплотились в судьбе советского государственного хозяйства. Среди них выделяется Евгений Алексеевич Преображенский - человек, стоявший у истоков теории советской экономики.

Книга Е.А.Преображенского "Новая экономика"(издававшаяся и отдельными главами в "Вестнике Коммунистической Академии") и обширные статьи по вопросам финансовой сферы и эмиссии денег, об условиях равновесия мировой хозяйственной системы, о протекционизме и аграрной политике рассказывали, как причудливое переплетение идеологических и конкретно-исторических предположений сформировало в 20-е годы XX в новую экономическую концепцию, определявшую(конечно, с известными оговорками) развитие советской экономики на последующие 60 лет. Перед глазами предстает достаточно целостная теория, которая по-своему понимала прошлое и будущность народного хозяйства страны, указывая пути преодоления хозяйственной разрухи и развала кредитно-денежного обращения вследствие мировой и гражданской войн, намечала направления дальнейшей индустриализации России.

В последнее время отдельные статьи Преображенского публиковались тенденциозно и бессистемно. Так, глава "Основной закон социалистического накопления" из книги "Новая экономика" была напечатана в журнале "Вопросы экономики" № 9 за 1988 год в виде материала для критики. Редакция вспомнила о Е.А.Преображенском с целью показать силу Н.И.Бухарина - полемиста: его статья "Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок (к вопросу об экономическом обосновании троцкизма)" печаталась следом за первой. Полемика велась действительно очень остро, но теоретически весьма поверхностно. Об этом говорит уже другая публикация без комментариев в "Вопросы экономики" 1990г, № 6 статьи Преображенского "Еще раз о социалистическом накоплении"(ответ тов. Бухарину), в которой автор убедительно опровергает большинство бухаринских выводов. Разрозненные фрагменты хороши лишь для шалочного знакомства, а чтобы понять всю глубину концептуальных построений, надо обратиться к полному тексту книги Е.А.Преображенского.

Проблематика "Новой экономики" отразила биение пульса своего времени - завершение периода послевоенного восстановления хозяй-

отва и преддверие очередного долгосрочного промышленного подъема. В связи с этим рассматриваются три группы проблем: во-первых, теоретико-методологические основы социализма; во-вторых, регуляторы хозяйственного механизма социалистического типа; в-третьих, схемы воспроизводства и условия равновесия хозяйственных систем.

Буква и дух марксизма предопределили идеологические и концептуальные основы разработанной Е.А.Преображенским экономической теории. Причем социалистическая парадигма Маркса исповедывалась им сугубо ортодоксально, полностью и без остатка: истинность доктрины не подвергалась сомнению. Напротив, развитие общественных процессов оценивалось с позиции соответствия теоретическим воззрениям. И несмотря на известную догматичность, учение социализма успешно справлялось с задачами научного обоснования экономической политики советского государства вплоть до середины 80-х годов XX века. В чем же причины такой устойчивости?

Идеалу государственной институционализации рабочего класса ради построения справедливого общества была суждена долгая жизнь, поскольку идеи опирались на интересы постоянно растущих социальных сил: промышленных рабочих и правящей от их имени государственной бюрократии. Бурный рост индустрии превращал промышленных рабочих в наиболее массовый и влиятельный слой населения. Возникла потребность в самоутверждении ведущей социальной силы. Поэтому пролетарская идеология К.Маркса, провозгласившая, что государственная организация класса наемных работников (диктатура) — неременное условие построения светлого будущего, легла на благодатную почву. Понимание социализма в виде статической системы устраивало и официальные власти. Групповые интересы служащих государственного аппарата (бюрократии) поддерживали мнение о государстве как надчеловеческом, надклассовом учреждении, старания коего направлены на общее благо. Наконец, лица наемного труда, получавшие доход и занятость в государственном секторе экономики, по привычке связывали свое собственное благополучие с деятельностью правительства, одобрительно относились к казенному предпринимательству.

Кроме того, привлекательность марксистской теории поддерживалась возможностями гибкого толкования ее основополагающих принципов в соответствии с изменяющимися историческими условиями. Дело в том, что герменевтический подход неизбежен в любой обществоведческой концепции, поскольку всеобщие предпосылки применяются к конкретным специфическим ситуациям. Научные обобщения не

158

нако, если собрать все эти отрывки вместе, мы получаем гораздо больше того, что мы находим в сочинениях Маркса при беглом чтении, без специального изучения этого вопроса".¹

Итак, первая проблема — выявить и собрать вместе мысли К.Маркса о социализме, создать целостное представление. Уже на этом этапе возможен разночтения: каким образом свести воедино внешне не связанные друг с другом высказывания.

Следующая трудность состоит в правильном понимании и толковании основных идей марксизма. Необходимо переводить "алгебраические формулы" на упрощенный "язык арифметики". Однако, абстрактность теоретических выводов, в известном смысле, — их достоинство. Об этом напоминает Е.А.Преображенский: "Относительно организации производства в социалистическом обществе, формулировки Маркса и Энгельса являются весьма алгебраическими, тем не менее они сохраняют свое руководящее принципиальное значение, поскольку путем сравнения с капиталистической системой рельефно отмечают своеобразные особенности социалистической структуры".²

Наконец, замечание, проливающее свет на долгожительстве в нашей науке социалистических представлений Маркса и Энгельса: "Основная черта всех их экскурсий в эту область — это крайняя осторожность, крайняя общность формулировок. Из этих формулировок можно сделать вывод: чем меньше конкретности, тем долговечней то или другое положение. Мы в СССР уже имеем некоторый опыт социалистического строительства и на собственном опыте можем видеть, как правильны были все эти осторожные и общие формулировки, как долговечны, как мало пришлось бы брать назад из сказанного их авторами. Совсем иное дело с чисто конкретными предположениями".³

К. Маркс обосновывал коллективный образ жизни, и государственному социализму полагался им как достойная альтернатива буржуазному индивидуализму. По мнению Маркса, общество создает условия для полной реализации родовой сущности человека, и оно должно регулировать повседневную жизнь каждого индивидуума. В противовес стихийной, частично-капиталистической организации житейского уклада социализм означает торжество разума в лице государства-коммуны, которое дает все больше социальных гарантий всем трудящимся.

Такая народнохозяйственная точка зрения имеет и свои сла-

1. Преображенский Е.А. Социалистические и коммунистические представления о социализме. Вестник Комм. Академии, 1925, кн.12, с.49, 51
2. Преображенский Е.А. Социалистические и коммунистические представления о социализме, с.50
3. Преображенский Е.А. Социалистические и коммунистические представления о социализме, с.54

160

восприниматься непосредственно. Чтобы понять их смысл, нужна интерпретация. Поэтому парадигмы общественной мысли (исходные концептуальные схемы, модели, методы исследования, господствующие в течение определенного времени в научных кругах) достигают логической завершенности лишь в истолковании.

Историческое понимание означает, что предшествующие социально-экономические воззрения, традиции соотносятся с настоящим и усваиваются при помощи этого сопоставления. Стало быть, каждая эпоха переосмысливает одно и то же учение на свой лад. Творческий процесс познания не сводится к обыкновенному воспроизведению. Его результаты обретают ту форму, какую задает им исследователь. Из единичных абстракций можно делать самые различные заключения.

Когда заходит разговор о приверженности социалистическому выбору или о новом прочтении Маркса, всплывает проблема герменевтики. Во-первых, ясна постановка вопроса — какой социализм или какие из взглядов К.Маркса имеются в виду. Во-вторых, всякий текст допускает и нуждается в многообразных толкованиях. Следовательно, объектом спора становятся не только основополагающие принципы, но и то, как они трактуются. С этих позиций интересно обратить взор на замысел "Новой экономики".

Явно не случайно Е.А.Преображенский начинает с изложения социалистических и коммунистических представлений о наилучшем устройстве общества (особо выделяя точки зрения К.Маркса и Ф.Энгельса), а затем переходит к обоснованию метода теоретического анализа советского хозяйства. Здесь четко прослеживается герменевтический аспект. "У Маркса и Энгельса мы не найдем никаких описаний и замечаний о будущем обществе, которые означали бы разрыв с наукой и апелляция к утопии, но мы находим в их работах ряд таких замечаний о будущем обществе, которые они не только могли делать, но сходили с почвы науки, но и должны были делать как раз в интересах научного анализа капиталистического общества. За исключением соответствующих страниц из "Критики Готской программы" и некоторых замечаний по случайным поводам, огромное большинство мест из Маркса, касающихся отношений будущего, представляют из себя продолжение научного анализа капиталистической системы". "Несомненно, Маркс в качестве научного прогноза и рабочей гипотезы имел в своей голове довольно законченное представление о социализме, по крайней мере в общих чертах. Но из этой картины в его работах мы находим либо отрывки, либо формулировки крайне общие, максимально алгебраические. Од-

159

бости. Она упускает из виду мотивы деятельности каждого отдельного человека. При этом ограничение личной свободы поддерживается морализирующей идеологией строгой иерархической подчиненности. Индивид, не обладающий самооценностью, низводится до уровня заурядного исполнителя воли государственных чиновников. Марксистская модель социализма идеализирует единое централизованное управление, массовое производство и массовое потребление. Отсюда берет свое начало тенденция рассматривать все процессы усредненно, ориентироваться на примитивное равенство (уравниловку), нивелируя различия между социальными группами и внутри них.

Иной, менее радикальный взгляд на мир, признающий антиномию "личность — гражданское общество" нормальным состоянием, открывает возможности сосуществования либеральной и социалистической идей на основе их взаимного обогащения. Тем самым создаются условия поиска наименее конфликтных способов сочетания индивидуальных и общественных интересов. Коллективные (социалистические) формы гарантий достойного человеческого существования должны выступать органической надстройкой над своим естественным базисом — частной жизнью людей.

Среди важнейших характеристик нового социалистического общества Преображенский перечисляет следующие переходные экономические отношения: смену плановым хозяйством стихийного капиталистического товарно-денежного хозяйства; превращение прибавочной ценности в прибавочный продукт; заработной платы — в средней рации; равную оплату труда рабочих различной квалификации; преодоление противоположности между умственным и физическим трудом, промышленностью и сельским хозяйством.

Сотворение концепции экономики социалистического типа сопровождалось оригинальным методологическим обоснованием. Е.А.Преображенский писал: "Политическая экономия есть наука, вскрывающая законы развития, равновесия и отчасти законы распада товарно-капиталистического способа производства, как беспланового, неорганизованного способа производства. Антиподом товарного производства, исторически сменяющим его, является плановое социалистическое хозяйство. Но если в сфере экономического бытия товарно-капиталистического способа производства в хозяйстве плановом противостоит продукт, ценности — измерение рабочим временем, рынку в качестве сферы проявления закона ценности — бухгалтерия планового хозяйства... то в сфере науки политическая экономия уступает свое место социальной технологии, т.е. науке о социально организован-

161

ном производстве".⁴

Согласно положениям Маркса о свободе и необходимости, закономерности в экономике социализма сохраняются, но форма их реализации претерпевает изменение. "Не цены на рынке после производства, а колонки цифр социалистической бухгалтерии до производства бьют тревогу и дают на совещание планирующих центров: они извещают руководящие хозяйственные центры о нарастании новых потребностей, а тем самым о той экономической необходимости, к которой надо приспособляться. Эта антиципация закономерности составляет как раз первую характерную черту нового, социалистического производства, отличающую его от старого".⁵

Односторонность марксистского подхода весьма наглядно проявилась позднее в советской политэкономии, которая пыталась объяснить действие экономических законов самих по себе в качестве регуляторов народного хозяйства. Бесуфобность экономической мысли порождалась методологическими предубеждениями. Бель единственно полноценным субъектом хозяйствования признавалось государство (в лице его органов управления).

Выбор методологии исследования зависел от идеологических установок. Господство марксистской парадигмы в советской экономической науке утверждало соответствующий стиль мышления. Диалектика преимущественно понималась не по-гегелевски, т.е. не в виде примирения разума с существующим порядком вещей, диалектического ознания противоположностей. Наоборот, возобладал негативный момент диалектического метода: взаимное исключение, антагонистичность борьбы нового со старым. Постоянно культивировался дух революционности.

Способ построения теоретических конструкций К.Маркса заключался в нахождении посредствующих звеньев (переходов) между сторонами противоречивых экономических отношений. Логика переходов заворачивалась от самого высокого уровня абстракции до конкретных хозяйственных связей. Исходная абстракция, при этом, должна была выражать наиболее зрелые, "классические" формы капитализма в их "чистоте". Во время написания "Капитала" таковой была система свободной конкуренции. Все некапиталистические уклады не принимались во внимание, так как они не характеризовали "буржуазную

4. Преображенский Е.А. Новая экономика, М., 1926, с.54-55. Это предвидение сбылось. Первые учебники по политической экономии социализма появились спустя почти три десятка лет, вслед за реабилитацией самой науки.

5. Преображенский Е.А. Новая экономика, с.61.

оставить не так: может ли быть при таком положении два регулятора, а может ли не быть двух регуляторов? Единой может быть лишь в каждый данный момент равнодействующая двух борющихся сил, реально складывающаяся в каждый данный момент распределение труда и средств производства между системами и рыночная форма связи между ними, больше всего меняющая свое содержание как раз на противоположных полюсах хозяйственного целого." Если каждое начало борется за преобладание во всей системе, тем самым оно борется за тот тип регулирования, который органически свойственен данной системе производственных отношений, взятой в ее чистом виде".⁶

Так укреплялось дошедшее до наших дней противопоставление планового начала и рынка, неприятие товарно-денежных отношений. В духе "классических" традиций Преображенский считал регуляторами объективные экономические законы: закон первоначального накопления, закон диалектического накопления и закон ценности. Анализ содержания каждого закона и их взаимодействия посвящены две главы "Новой экономики".

Развитие народного хозяйства с момента установления советской власти сравнивается с первыми шагами капиталистического способа производства. Последнему потребовался период первоначального накопления капитала, который очень обстоятельно описан Марксом в первом томе "Капитала". По аналогии с ним делается вывод о необходимости первоначального накопления при социализме. "Первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускорит наступление момента, когда начнется техническая и научная перестройка государственного хозяйства и когда это хозяйство получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом... Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом первоначального или предварительного социалистического накопления... Основным законом неведомо советского хозяйства, в настоящий момент претворяющего эту стадию, как раз и является закон первоначального или предварительного социалистического накопления".⁷

6. Преображенский Е.А. Социалистические и коммунистические предельности о социализме, с.71 - 73

7. Преображенский Е.А. Основный закон социалистического накопления. Вестник Комму. Академии, 1924, кн.8, с.64

специфику" и не претендовали на роль ведущей социальной силы. Это упрощение явно затрудняло использование теории при изучении конкретной экономики, которая всегда многоукладна. Чистому капитализму свободной конкуренции (прошлому) противопоставлялся чистый государственный социализм (будущее). У этих крайностей не было общих точек соприкосновения и они застывали в форме антиномии. Поэтому теория социализма у Маркса оказалась очень абстрактной.

Достоверность социалистических прогнозов "отца научного коммунизма", несмотря на их ущербность, не подвергалась Преображенским сомнению, потому что за альтернативу им брался капитализм эпохи свободной конкуренции. Каждое изменение в хозяйственном механизме представлялось поэтому как отрицание капитализмом самого себя и как переход к противоположной общественной системе, например, возникновение акционерной формы собственности, образование монопольных структур и т.п. Разве будет противоречить действительности ученке, если оно заявляет, что будущее непохоже на настоящее?

С другой стороны, когда на новом историческом этапе сохраняются некоторые черты старого общества и нет ряда ожидаемых свойств, то это легко списать на "трудности" переходного периода. Аппеляция к возможности переходных ситуаций, ометавших остатки прошлого и контуры будущего, позволяет удовлетворительно толковать теории чистых форм. Концепция переходного периода обладает достоинствами динамической и гибкой рабочей гипотезы. Она показывает общественные связи в развитии, допускает сосуществование любого набора экономических укладов. Путем конкретизации снимаются жесткие ограничения ортодоксальных предсказаний. Не случайно советское хозяйство после пролетарской революции в октябре 1917 г. называлось экономикой переходного типа (периода). Марксистскую парадигму таким образом удалось "приземлить", согласовать с реальностью.

Е.А.Преображенский указывал на сложности, которые вытекают из самого типа наших производственных отношений, из перекрещивания в них социалистических начал с началом товарного производства. "Здесь как раз мы имеем тот пункт, где при применении основных основ марксистского метода исследования приходится модифицировать те методологические приемы, которые Маркс применял при анализе производственных отношений чистого капитализма." Если в едином хозяйственном организме имеется борьба двух начал, как антагонистическая форма движения вперед всей системы, свойственная диалектическому процессу развития вообще, то "вопрос надо

Отличие от периода первоначального капиталистического накопления заключается, во-первых, в том, что социалистическое накопление должно происходить не только за счет прибавочного продукта мелкого производства, но и за счет прибавочной стоимости капиталистических форм хозяйства. Во-вторых, разница здесь обусловлена тем, что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на спине монополистического капитализма, и, следовательно, располагает такими средствами регулирования всего хозяйства и такими методами перераспределения национального дохода экономическим путем, какие были недоступны капитализму на заре его развития".⁸

Это очень поучительное замечание: исторически капиталистическое производство возникает на основе мелкотоварного хозяйства (третьи лица) национального рынка и натурального хозяйства колони. Но оно само, в свою очередь, служит предпосылкой для крупных отраслевых (монопольных или олигопольных) трестов и концернов. Венчает же пирамиду укладов государственное хозяйство и централизованное регулирование национальной экономики. В Советском Союзе тенденция становления государственного хозяйствования была ослеплена символом социалистической идеологии: все государственное нарекалось социалистическим, стало быть прогрессивным и справедливым. Тому были свои веские причины и историческое оправдание. Новая, хотя и традиционная для России, социальная сила - государственное предпринимательство - подчиняла себе остальные уклады экономики. Оставалось выяснить: в каких формах и до какого момента должна вестись эта борьба?

Е.А.Преображенский и тут верен духу ортодоксального марксизма, подчеркивая, что период предварительного социалистического накопления не только есть время собирания материальных ресурсов новой экономики для окончательной победы ее над капиталистической формой, но в то же время период непосредственной борьбы государственного хозяйства с частным. Убедительные доводы положены им в основу рассуждений о способах вытеснения "исторически более высокой социалистической системой хозяйства всех досоциалистических форм". Государственное хозяйство вступает в борьбу только как единое целое. Победить капитализм в его родной стихии конкурентной среде - дело почти безнадежное. Но предприятие в

8. Преображенский Е.А. Основный закон социалистического накопления, с.65

едином комплексом государственной экономики ощущает за собой всю силу этого организованного хозяйства. Здесь получается добавочная сила в результате действия большой экономической массы. Другая причина преимуществ социализма — сращивание государственной власти с государственным хозяйством. Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, в пределах экономически возможного и технически достижимого), не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления.⁹

При таком подходе совершенно естественны скептические оценки использования ценовых калькуляций, перевода трестов на коммерческий расчет и создания условий для конкуренции между ними. Подобные мероприятия — всего лишь "педагогические меры" для подтягивания и рационализации жизненных предприятий.

Будучи дальним экономистом, Преображенский предлагает конкретные меры перелива средств накопления в пользу государственного сектора. Это, в первую очередь, использование монополии на железнодорожный транспорт, банковскую систему и внешнюю торговлю. Еще одним важным рычагом воздействия выступает политика цен на продукцию госсектора и государственные закупки в частном (городском и крестьянском) хозяйстве.

Много недоразумений внесло в нашу отечественную экономическую мысль завершение К.Маркса, что в будущем обществе исчезнет товарно-денежные отношения. В каждом новом явлении экономической истории пытались найти моменты, подтверждающие столь однозначное предсказание. То, что казалось непохожим на капитализм свободной конкуренции, можно было назвать шагом к отмиранию товарного производства. Советские экономисты не критично восприняли предположения Р.Гильфердинга об отрицании товарно-денежных отношений уже при образовании капиталистических монополий, так как крупные производственные комплексы в корне изменили хозяйственный механизм общества; тем более ослабительным представлялось объяснить процесс расширения государственного регламентирования экономики концом рыночного хозяйства. Хотя и в первом, и во втором случае товарно-денежный оборот продолжал надежно обслуживать вновь возникающие экономические отношения.

Новая экономическая политика, возродившая торгово-денежные связи, заставляла искать компромисс между доктриной и жизнью. Закон социалистического накопления ограничен демократией товарного

9. Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления, с.93 и сл., с.99

идущее отмирание действия закона ценности внутри круга государственного хозяйства, при очень большом разгуле действия закона ценности за пределами государственного хозяйства".¹² Как мы видим, Е.А.Преображенский излишне заостряет различия между рыночным регулированием конкурентного типа и монопольного типа, но не видит их взаимосвязи (логики переходов).

В условиях чистой конкуренции никто из производителей не контролирует рыночную ситуацию. Постоянные колебания цен поддерживают соответствие спроса и предложения. Монополисты же почти полностью владеют конъюнктурой. Они устанавливают относительно стабильные цены, располагая возможностью планировать объемы производства с учетом предельного спроса и даже формировать структуру потребностей. Поскольку прекращаются колебания цен, заранее рассчитываются величина спроса и размеры выпуска продукции в натуральном выражении, то легко последовать за К.Марксом и решить, что пора сменить стоимостные формы на исчисление затрат труда в единицах рабочего времени. Но ведь в действительности деньги продолжают выполнять функцию всеобщего эквивалента, определяют относительные уровни цен. Государственно-монополистическое регулирование непохоже на свободную конкуренцию, но оно спокойно уживается со всеми атрибутами рыночного хозяйства, используя их в своих интересах.

Тщательный разбор механизма закона ценности в зависимости от степени монополизации является несомненной заслугой Преображенского. Постигая закон, — в конкретных формах его проявления — многие смогут почерпнуть для реальной политики приватизации участники нынешних дискуссий о формах собственности. Ибо перед глазами развертывается картина многоукладной экономики, которой еще предстояло пройти тернистый путь к экономике государственно-организованного хозяйства. Проще двигаться в обратную сторону, когда известны очертания "железного берега".

Всеобщее огосударствление российского хозяйства возобновилось в 1926 — 1927гг после восстановления довоенного уровня производства. Однако идеологическое и теоретическое обоснование этому процессу Е.А.Преображенский подготовил заранее, о чем свидетельствуют его научные труды. Их пророческий характер говорит о том, что автор прекрасно разбирался в общих объективных тенденциях развития экономики и понимал специфику истории России, условия формирования ее национального рынка.

12. Преображенский Е.А. Закон ценности в советском хозяйстве, с.14

хозяйства с присущей последнему закономерностью, линией развития и методами регулирования. Товарное хозяйство ограничено, охвачено "своим законом социалистического накопления, законами развития чужеродного для него социалистического тела. Поэтому наше хозяйство, "не будучи еще социалистическим, не является уже также и чисто товарным".¹⁰ Чтобы доказать истинность аксиомы о ликвидации закона ценности, Е.А.Преображенский сравнивает марксовы определения стоимостных категорий (прибавочной стоимости, зарплат, прибыли и т.д.) с конкретными условиями советской экономики.

Логика проста. Универсальный характер товарно-денежных форм заменяется спецификой эпохи свободной конкуренции в чистом виде. А поскольку она канула в лету, то туда же надлежит отойти всем рыночным отношениям. Поэтому полемика ведется не столько вокруг товарно-денежных форм как таковых, сколько вокруг конкретных черт рыночного хозяйства "классического" капитализма.

Действие закона ценности исследуется в двух аспектах: во внешнеэкономических связях (противопоставление СССР мировому капиталу) и внутри советской экономики (борьба госсектора с "морем" товарного хозяйства). "Напор капиталистического монополизма может встретить преграду лишь в социалистическом монополизме. Страна, которая перейдет к социализму, будучи и экономически и технически слабей американского капитализма, в период незаконченной перестройки своего хозяйства на новой базе, будет бороться с ним не экономическими превосходящими своими третируемыми же отраслей хозяйства, а более высокой организационной структурой всего хозяйства".¹¹ Социалистическая терминология здесь — лишь "пань моде". Становление государственно-монополистической структуры в отечественной экономике диктовалось стремлением отстоять свой национальный рынок.

В советском хозяйстве связь третируемой государственной промышленности с самостоятельным крестьянским хозяйством бесконечно слабее по линии обмена и по линии кредита, тогда как организационная структура промышленности исторически более высокого типа, чем в любой капиталистической стране. В результате такого своеобразного положения мы неизбежно должны иметь далеко

10. Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления, с.107

11. Преображенский Е.А. Закон ценности в советском хозяйстве. Вестник. Ком. Академии, 1926, кн.14, с.12

* Отказ от государственной политики протекционизма, по мнению Преображенского, "означает практически безразличию для двух третей нашего рабочего класса и притом для его наиболее квалифицированной части".

Конкретные особенности: масштаб концентрации производства и сбыта, сочетание монополистических и конкурентных тенденций, — обуславливают возможности влияния на цены. Наиболее сильные позиции отраслей, изготавливающих средства производства, в которых государственный сектор является в одном лице монопольным производителем и монопольным покупателем. "Здесь категория цены носит чисто формальный характер, это лишь титул на получение из когды общегосударственного хозяйства определенной суммы средств на дальнейшее производство и на определенный уровень расширенного воспроизводства".¹³

Когда государство является монопольным производителем, но не монопольным покупателем средств производства, то, — по мнению Преображенского, категория цены приобретает здесь "двойственный характер: с одной стороны, это по-прежнему калькуляционный метод, позволяющий планового распределения ресурсов внутри государственного круга, а с другой стороны, где дело касается обмена веществ между государственным и частным хозяйством, это — функция первоначального накопления, ограниченная действием закона ценности".¹⁴

Если государство не имеет монопольного положения ни в производстве, ни в сбыте, то государственное планирование заготовительных цен "наткнуется на две границы, налагаемые законом ценности": одну — в сторону максимума (средняя цена мирового рынка), другую — в сторону минимума (степень выгодности производства данного продукта в сравнении с другими).

Характерными особенностями производства средств потребления в сравнении с производством средств производства являются: 1) более значительная роль конкуренции частного хозяйства в производстве и сбыте; 2) более значительное влияние закона ценности со стороны колебания цен на охрпе; 3) более значительная и более непосредственная зависимость от платежеспособного спроса частного хозяйства на государственную продукцию; 4) более значительное влияние на розничные цены соотношения между спросом и предложением.¹⁵

Своего рода укором радикальным реформаторам нынешнего времени звучат слова середины 20-х гг: "Когда промышленность принадлежит на 80% государству, ликвидация диспропорции, если исключить увеличение импорта, возможна лишь на основе планового

13. Преображенский Е.А. Закон ценности в советском хозяйстве, с.16

14. Преображенский Е.А. Закон ценности в советском хозяйстве, с.19

15. Преображенский Е.А. Закон ценности в советском хозяйстве, с.26

расширения государственной промышленности, в уровень с возросшим спросом. Лишь частично и в весьма скромных размерах рост цен может привести к расширению мелкого кустарного и ремесленного производства в охваченных товарным голодом отраслях. Товарный голод есть предостережение руководящему промышленностью государству, это требование установления пропорциональности, о которой кричит весь экономический организм страны".¹⁶

Рыночные диспропорции в экономике смешанного типа (при тяготении монопольных цен к стабильности) прежде всего устраняются наращиванием производственных мощностей в результате структурных межотраслевых сдвигов, но не одними ценовыми колебаниями. Закон ценности в состоянии вызвать увеличение цен в рознице, но бесцельно провести через этот инструмент возросших цен к перераспределению производительных сил страны в сторону ее более быстрой индустриализации. Частный торговый капитал загребает сотни миллионов, но на производство его почти не влияет.¹⁷ Через шесть с половиной десятилетий история повторилась...

Взгляды Е.А. Преображенского на прибыль при социализме отражали его общее негативное отношение к регулируемому воздействию закона ценности. Согласно им, норма прибыли должна определять размеры накопления для каждой отрасли производства. Соответствующая норма задается элементами производственной программы и прежде всего уровнем отпускных цен. В результате "социализации промышленности" и развития "планового начала" в сфере социалистического накопления категория прибыли "исчезает" и как распределительное отношение буржуазного общества (вместе с ликвидацией класса капиталистов), и как регулятор распределения производительных сил между отдельными отраслями государственного хозяйства. Поэтому прибыль не нашлось достойного места среди категорий концепции "Новой экономики" и среди критериев эффективности производства.

Точно также рента не играет роли оценочного показателя в сельском хозяйстве. Ибо национализация земли, по мнению автора, устраняет условия существования абсолютной ренты. Кроме того, устойчивые различия в плодородии земельных участков еще не дают оснований считать дифференциальный налог с крестьян дифференциальной рентой. Прямое налоговое обложение крестьянства, не эквивалентующее наемного труда, и обложение доходов кулачества в

16. Преображенский Е.А. Закон ценности в советском хозяйстве, с. 26
17. Преображенский Е.А. Закон ценности в советском хозяйстве, с. 27

170

Следующий узел проблем "Новой экономики" - применение марксовских схем воспроизводства в исследовании капиталистической и советской систем хозяйства. При анализе воспроизводства конкретного капитализма "мы не можем сделать ни одного шага", не опираясь на данный Марксом анализ воспроизводства при чистом капитализме. С другой стороны, без анализа равновесия при конкретном капитализме, т.е. без анализа равновесия между капиталистическим и малым самостоятельным товарным производством нам будет трудно изучать равновесие в хозяйственной системе СССР, где в условиях товарного обмена переплетаются три формы воспроизводства: простое товарное хозяйство, капитализм и государственное хозяйство пролетариата.¹⁸ - такова логика рассуждений Преображенского.

Рассматривались пять основных вопросов: 1) простое воспроизводство при смешанной экономике капитализма и простого товарного производства; 2) расширенное воспроизводство при чистом капитализме в условиях роста органического состава капитала; 3) расширенное воспроизводство при конкретном капитализме; 4) снижающееся воспроизводство в условиях той же экономики; 5) равновесие при расширенном воспроизводстве в хозяйстве СССР.

Разрешение первых трех проблем демонстрирует потенциальные возможности схем воспроизводства К.Маркса. Эти абстракции по праву занимают видное место в макроэкономической теории между односекторными моделями (кейнсианской и монетаристской школ) и межотраслевыми балансом В.В. Леонтьева. Схема, вычленившая два подразделения в каждом секторе национальной экономики, применима к анализу максимально обобщенных расчетов накопления капитала. Однако более детальное исследование оборота совокупного капитала предполагает конкретизацию исходных абстрактных посылок. По такому пути пошел и Е.А. Преображенский, предложив оригинальную постановку вопроса, в которой учитывались намерения и экономические интересы советского государства.

Примечательно, что научные абстракции К.Маркса, использованные при попытке объяснить механизм общественного воспроизводства в условиях капитализма свободной конкуренции, оказались реальностью в эпоху монополий. Стабильный уровень цен и заработной платы сочетался с изменяющимися объемами производства. Роль ведущей переменной играет доля накопления в доходах. Парадокс заключается в том, что нерешенные экономические параметры со-

18. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР. Вестник Комм. Академии, 1928, кн. 17, с. 36 и сл.

172

той же части, в которой они создаются личным трудом кулаков, есть не земельная рента "в марксовском смысле слова", а отчуждение в пользу государства части прибавочного продукта мелкого производства. Это налогообложение мелкотоварного для быстрого расширения промышленного производства, поскольку оно, в свою очередь, повышает технический уровень сельскохозяйственного труда.

Е.А. Преображенский постоянно напоминал о диспропорциях, которые могли возникнуть из-за недонакопления (низких темпов накопления) в промышленности: замедления развития всего народного хозяйства, сохранения городской безработицы и аграрного перенаселения, неудовлетворенном товарном голоде на промышленные изделия, ухудшении внешнеэкономического положения государства, падении покупательной способности рубля и т.д. Действительно, без подъема промышленности нельзя преодолеть технической отсталости страны. Но тем не менее теория, обосновывавшая экономическую политику укоренной индустриализации, оказалась однобокой.

Структурные диспропорции в экономике появляются при любых нарушениях весьма подвижного, неустойчивого равновесия между секторами. Сходным образом и уменьшение приростов сельскохозяйственного производства может тормозить прогресс в индустрии. А в новой государственной экономике Преображенского практически не предусматривалось мер по стимулированию роста сельхозпродукции. Нарращивание производства в аграрном секторе считалось само собой разумеющимся. К тому же предполагалось чрезмерное изъятие прибавочного продукта у крестьян, лишавшее деревню собственных источников расширения воспроизводства. Нанесенное плачевное состояние российского сельского хозяйства - это закономерный итог недонакопления в аграрном секторе на протяжении всей послекрестьянской истории.

Теоретические конструкции "борьбы" законов и классовых сил, экономическая политика государства, построенная по принципу "или-или", не позволили находить оптимальные пропорции в динамично меняющемся народном хозяйстве. Нужен был иной, более взвешенный подход. Индустриализацию следовало проводить одновременно с ростом производительных сил сельского хозяйства.¹⁹

* Так в 20-е годы предлагали индустриализировать страну Н.Д. Кондратьев и др., отстаивая сбалансированность темпов развития взаимосвязанных секторов экономики. См.: Кондратьев Н.Д. Индустрия и сельское хозяйство в их взаимоотношении // Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства. М., Новая деревня, 1928, с. 31 - 48

171

тавляют основу двух полярно противоположных по идеологии экономических теорий - Дж.М. Кейнса и Е.А. Преображенского. Значит, наша отечественная экономическая мысль, как и государственное хозяйство, развивались в русле мировых циклов экономического роста, правда, в своих исторически неповторимых национальных формах.

Е.А. Преображенский не просто повторяет марксовские схемы, но и вводит в них свои новые условия. Прежде всего, выделяет два подразделения (производство средств производства и производство предметов потребления) еще в одном секторе экономики - мелкотоварном. Затем показывает процесс реализации при возрастающем органическом строении капитала, но в отличие от известных расчетов В.И. Ленина в работе "По поводу так называемого вопроса о рынках" (1893г) - Полн. собр. соч., т. I, с. 79) при одновременном перераспределении прибавочной стоимости в обоих подразделениях. Таким образом сглаживаются несоответствия в нормах накопления между подразделениями, которые были в схемах Маркса, и показывается направление перелива капитала. Заслуживает внимания вывод о том, что перегруппировка сил внутри мелкобуржуазного сектора служит элементом равновесия в капиталистическом секторе, увеличивая эластичность хозяйственного механизма.

Вместе с тем Преображенский не заметил внутреннего логического противоречия схем Маркса, в которых поток накапливаемого капитала течет независимо от нормы прибыли и даже вопреки ей. Преимущество оказывается на стороне отраслей, производящих средства производства. Но перелив в первое подразделение свободного капитала явно расходится с движущими мотивами предпринимательства, ибо тем норма прибыли ниже, чем во втором. Этот курс можно легко устранить, заменив единую норму прибавочной стоимости в уравнениях реализации, на обычный средний уровень прибыли.²⁰

Известно, что темпы и пропорции накопления сильно зависят от состава капитала. Однако исходная посылка о непрерывном возрастании органического строения не выдерживает критики из-за своей однобокости. Пожалуй, правильнее говорить о колебательной динамике соотношения различных частей основного и оборотного капитала, о периодической смене тенденций роста и падения. Признание цикличности, свойственной большинству экономических процессов, позволяет развязать и теоретический узел марксова закона тенденций нормы прибыли к понижению. Обычно наращивание органического строения сопровождается повышением производительности труда, что, в свою очередь, вызывает снижение относительных цен * Об этой и других возможностях конкретизации схем см.: Червоткин Г.А. Методика проведения деловых игр в курсе политэкономии капитализма. Саратов, 1990

173

основного капитала. Это периодическое обесценение средств производства поддерживает циклические колебания конъюнктуры, ведет к уменьшению органического состава.

Впечатляет разработка Е.А. Преображенским ситуации сокращения воспроизводства. Речь идет о теоретических исследованиях и оценке хозяйственного развития европейских стран в первую мировую войну и послевоенный период. Созданная им модель пригодна для изучения функционирования экономики советского государства не только в военное время, но и в период "холодной войны". Ибо политика гонки вооружений стала одной из главных причин, усугубивших нынешний кризис государственного хозяйства.

То, что писал Преображенский о капиталистической системе, почти дословно применимо и к недавней истории отечественной экономики. "Теоретически мыслимы следующие наиболее характерные случаи снижающегося воспроизводства: 1) когда при данном и неизменном размере непроизводительного потребления капиталистического общества происходит неуклонное сокращение производительности занятого рабочего населения, или падение производительности труда той же массы рабочих сил при старом уровне зарплат, или сокращение производительности занятых рабочих сил одновременно с падением производительности труда; 2) когда при тех же, и даже растущих временно, размерах занятого рабочего населения и при том же, и даже растущем, уровне производительности труда непроизводительные расходы капиталистического общества растут с такой огромной быстротой, что поглощают не только идушую на накопление часть годовой прибавочной ценности, но и съедают ежегодно часть основного и оборотного капитала производства".¹⁹

Впрочем, непроизводительное потребление осуществлялось не только в виде растраты созданных ценностей, но и увеличения мощностей воинной промышленности. Источниками растущих расходов были: прибыль, которая раньше шла на расширение воспроизводства, сокращение запасов, проедание без возмещения оборотного капитала и прекращение амортизации основных фондов. При этом приток занятости рабочих в оборонной промышленности был равнозначен увеличению числа безработных, т.е. исполнению непроизводительной армии труда. В таких условиях расширенное воспроизводство само собой переходило в простое и далее скатывалось к снижающемуся уровню.

19. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР. Вестник Комм. Академии, 1928, кн. 18, с. 63

174

ственной жизни, т.е. закона ценности и закона первоначального социалистического накопления.

"Борются две системы равновесия: равновесие на капиталистической основе, на основе включения в мировое хозяйство, регулируемое законом ценности, путем ликвидации советской системы и придаления пролетариата; равновесие на основе временного неэквивалентного обмена, служащего источником социалистической реконструкции и неизбежно означаящего приращение капиталистических тенденций развития, особенно в земледелии".²¹ Следовательно, обмен продукцией между госсектором и крестьянским хозяйством не может быть эквивалентным ни с точки зрения соотношения реальных трудовых затрат, стоящих за обмениваемой продукцией, ни с точки зрения соотношения с пропорциями обмена, существующими в мировом хозяйстве".²²

Не со всем из сказанного Е.А. Преображенским стоит соглашаться. Да, действительно, борьба двух сил, двух форм собственности, сосуществование двух типов регулирования: монополии и конкуренции. Да, перераспределение ресурсов накопления в тяжелую промышленность из сельского хозяйства по причине индустриализации страны. Но теоретически это можно объяснить и иначе.

Взаимодействуют, вероятно, не законы, а сферы разделения труда. Соотношение сил определяет ценные пропорции обмена и резервы накопления в каждом секторе экономики. Следовательно, содержание всякого закона выражает раскладку социальных сил в конкретных исторических условиях. Государственное хозяйство не отменяет закона стоимости (ценности), хотя оно использует свои специфические способы регулирования цен и рыночного обмена.

Понятие эквивалентности обмена нельзя привязывать к какому-либо одному этапу истории, например, к капитализму свободной конкуренции. Общественное развитие меняет основу эквивалентности. Это вполне согласуется со взглядами К.Маркса в "Капитале". Обмен пропорционально затратам труда преобладал в мелкотоварном городском хозяйстве. Переход к крупному производству и массовому использованию вольнонаемного труда утвердил новые критерии равенства. Купля-продажа рабочей силы покоится уже на иной мере обмена — сумме средств существования работников. Предприниматели реализуют товары по ценам производства, которые также напрямую не связаны с затратами труда. Стало быть, и при капитализме, вопреки мнению Преображенского, цены не совпадают с реальными

21. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие в системе СССР, с. 28
22. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие в системе СССР, с. 25

176

Разрушение капитала в обоих подразделениях накладывает отпечаток на ход восстановительного периода. В первую очередь необходимо реконструировать основные фонды первого подразделения и, по мере возможностей, второго. Следовательно, не приходится ожидать резкого повышения доходов населения. Одновременно устанавливается более высокий индекс цен на предметы потребления.

Дополнительные трудности выхода из кризиса порождаются взаимосвязью с мировым хозяйством. Падение объема производства резко сокращает экспорт и импорт, углубляя уже сложившиеся диспропорции. Натуральный состав воспроизводства зависит от соотношения цен на внутреннем и внешнем рынках, состояния платежного баланса, валютных курсов, кредита и задолженности. Ради валютных поступлений идет распродажа ниже стоимости — рабочей силы страны и основного капитала. Инфляционное падение экспортных цен толкает вверх цены внутреннего рынка, подстегивает внутреннюю инфляцию. Назревают крупные структурные сдвиги в национальной экономике.

Постижение закономерностей снижающегося воспроизводства помогает Е.А. Преображенскому выделить наиболее существенные черты советской экономики в период военного коммунизма. Военно-потребительский характер народного хозяйства тех лет сменился новой экономической политикой или периодом "первоначального социалистического накопления". Хозяйственное равновесие советской системы периода первоначального социалистического накопления отличается от периода военного коммунизма тем, что здесь восстановлена рыночная форма связи между государственным хозяйством и частным, а также на сцену появляется капиталистический сектор. Сближает же переходящую систему с военным коммунизмом неэквивалентность обмена, которая продолжает существовать, хотя и в весьма смягченной форме.²⁰

Если марксов анализ пропорционального распределения труда при чистом капиталистическом воспроизводстве исходил из эквивалентного обмена, как обязательной предпосылки, исследование воспроизводства в хозяйстве СССР, по мнению Преображенского, должно исходить из неэквивалентности обмена, ликвидлируемой постепенно и систематически. А это значит, что в основе всего процесса постоянно предполагается существование двух разных систем собственности на средства производства и двух разных регуляторов хозяй-

20. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие в системе СССР, Вестник Комм. Академии, 1927, кн. 22, с. 25

175

трудовыми усилиями. Так, Р. Гильфердинг в "Финансовом капитале" изучал уже другие модели цен, которые возникают при акционерной собственности на монополю регулируемого рынка и вытекают не из прибыли, а только рентные доходы собственников (процент, дивиденд).

Социальная формулировка закона ценности — тяготение к ценам равновесия, — несмотря на перечисленные выше модификации, сохраняется, но масштабы эквивалентности каждый раз определяется своеобразными неповторимыми обстоятельствами. "Справедливые" ценные пропорции складываются в процессе взаимодействия различных социальных групп. Соотношение сил в экономике проявляется как господствующая тенденция, которую непредвзвешенно считать объективно необходимой. Любое колебание спроса и предложения затрагивает чьи-то интересы, одним приносит выгоду, другим — убытки. Долгосрочная перемена конъюнктуры на исходе запа в пользу промышленности диктовалась потребностью в неогоролевых структурных сдвигах и предполагала относительно повышение промышленных цен. Сегодня, напротив, в условиях острого продовольственного снабжения населения конъюнктура благоприятствует активной аграрной политике и способствует относительному возрастанию цен на продукты сельского хозяйства.

Пожалуй, среди исторических особенностей хозяйствования советского государства было больше "государственного", чем "глубоко социалистического". На такие мысли наводит анализ Е.А. Преображенским семи условий равновесия в советской экономике.

Прежде всего, внутренние цены на промышленную продукцию должны быть выше мировых до момента преодоления технической отсталости государственного хозяйства. Второе условие равновесия — поддержание необходимых пропорций накопления в госсекторе во избежание кризиса сбыта и товарного голода. Третья предпосылка — максимальная связь с мировым хозяйством, чтобы импорт служил автоматическим регулятором расширенного воспроизводства, не переставая быть источником накопления. В-четвертых, пропорциональность обмена по ценовым паритетам и натуральному составу между государственным и частным хозяйством.

Наконец, откровение Преображенского о повышении уровня накопления: экономика страны с точки зрения развития производительных сил делается более прогрессивной, растет прибавочный продукт во всем обществе, растет быстрее сумма всей валовой и чистой

177

продукции общества, быстрее растет накопление, но самый переход на новые рельсы, означающий рост удельного веса первого подразделения, должен вызвать временную диспропорцию во всем хозяйстве. Эта "временная" диспропорция преследует нас и поныне.

Остальные условия равновесия хозяйственной системы СССР — постоянный рост заработной платы, систематическое снижение пен на продукцию госсектора, поглощение развертывающимся государственным хозяйством и интенсифицирующимся земледелием избыточного населения страны, явной и скрытой безработицы.

Успех экономической политики государства зависит от умения находить бесконфликтные формы разрешения социальных противоречий, о которых писал Е.А. Преображенский в те далекие годы и которые напомнили о себе сегодня при активизации рыночных начал. Придется давать ответы на вопросы: как совместить усиленное накопление с необходимостью роста доходов, стимулировать производство и сдерживать цены, наращивать товарность крестьянского хозяйства и социально поддерживать маломощные слои деревни, проводить рационализацию производства и бороться с безработицей?

Времена меняются. Закономерности остаются. Не должна "девальвировать" своей ценности и прагматичная экономическая теория, обосновывавшая экономическую политику государства в период социального переустройства России.

23. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие в системе СССР, с. 59

178

лежит не только на правительстве, но и на его экономических консультантах, стало быть, затрагивает честь науки. Отчасти эти просчеты оправдываются желанием скорейшего решения насущных проблем и вытекающей отсюда спешки. Но оутенность — не главное объяснение неудач. К ошибкам предрасполагает сам процесс реформирования и вовлеченность в него экономистов и политиков.

Реформа обозначает очередной исторический разрыв. Необходимость переустройства становится возможностью, когда общество перестает довольствоваться тенденциями своего развития, когда появляются силы, способные изменить существующий порядок вещей. Предпосылкой и непременным условием общественных преобразований является критика прошлого и настоящего ради будущего. Она заставляет пересматривать устоявшиеся взгляды на историческую судьбу страны. Новое видение формирует соответствующие идеологические предассулки, которые проникают в общественное сознание, политику, социальные науки, вытесняют господствовавшую ранее идеологию. Рекомендации экономистов в бурные времена воспринимаются лишь в лозунговой форме. Отдельные, разрозненные теоретические положения занимают место некогда целостных концепций, создают видимость солидного обоснования проводимым мероприятиям.

Конфликт старого и нового усиливается "нуждой выше крайности", обострением противоречий интересов различных социальных слоев населения. Дополнительный накал борьбе идей придает отрясающее к власти партийные группировки. В пиковые моменты политических сражений нагнетается атмосфера всеобщего отрицания прошлого. Возникает ощущение, будто рвется связь времен.

Вот и в нынешних реформах пока преобладает дух разрушительности. Они направлены на слом прежней, "тоталитарной" системы и проходят под девизом переделки до основания всех общественных уложений. Прошлое ассоциируется в массовом сознании с однопартийным режимом и его стержнем — марксистской коммунистической (социалистической) идеологией. Ведь тонкая и умелая интерпретация "марксистско-ленинского учения" на протяжении долгих лет буквально цементировала общество.

Но достаточно стройная, непротиворечивая теоретическая схема "социалистической" экономики была отброшена политикой поспешности "цивилизованного" рынка. Подвергнувшись обструкции принципы "командно-административной" системы отступили под натиском "преимущества" либерального, частнохозяйственного предпринимательства. В результате наша страна испытала исторический разрыв в политике,

180

ИСТОЛКОВЫВАЯ СВОЕ ПРОШЛОЕ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Изучение толкований трудовой теории стоимости не замыкается в сфере чисто научных споров, а выходит в область социальных отношений людей, экономических и политических. Оно открывает простор герменевтическому творчеству, подвигает к расширению исторических рамок и предмета исследования, заставляет вспомнить о традициях отечественной экономической мысли.

Сейчас крайне важно разобраться в происходящих событиях, дать им трезвую, взвешенную оценку. В этом деле незаменим герменевтика. Во-первых, в ее основе лежит наше собственное отношение к реальным проблемам. Ведь понимание есть, в конечном счете, самопонимание, осмысление перемен в российском обществе, которые связывают воедино прошлое и настоящее. Во-вторых, мы пребываем в типичной герменевтической ситуации "сплошных разрывов".

Общепринятые теоретические схемы последних десятилетий не годятся для объяснения процессов создания многоукладной экономики и "перехода к рынку", тем более, в экстремальных условиях обвального спада производства, структурной отраслевой перестройки, развала и натурализации хозяйственных связей, ус. ливающей инфляции и т.д. Они были рассчитаны на иную модель механизма регулирования односекторной государственной экономики, сориентированы на противоположные тенденции: постепенный рост национального дохода, фиксированные цены, устойчивое денежное обращение и т.п. Теперь логика науки перестала соответствовать логике хозяйствования.

Этот отрыв теории от практики усугубляется разладом между внешне привлекательными целями экономической политики, ее сомнительными средствами и плчевыми результатами. Пока, к сожалению, политики пытались видоизменить экономику ценюв лихих построений и разрушений, не чувствуя границы дозволенного. Такая "решительность" выступает основной причиной углубления кризиса в экономике, чрезвычайно затрудняет ее реформирование. Ибо в народном хозяйстве нельзя ожидать полезных сдвигов без устранения влияния дестабилизирующих факторов, без наращивания объема производства и ресурсов накопления капитала. Для этого придется восстанавливать многое, уже испорченное почем зря, т.е. двигаться в обратном направлении.

Ответственность за промахи в хозяйственном руководстве

179

экономике, идеологии, социальных науках, который вызвал общенациональный кризис, грозящий развалом государственности.

Если быть точным, то мы оказались в ситуации двойного разрыва. Один достался нам в наследство от тоталитарной системы, которая сделала все, чтобы отрешиться от многовековых традиций народа и начать отсчет нового времени с момента захвата власти большевиками в 1917г. Второй наложился на первый на рубеже 80 - 90-х годов XX века. Разрывом теперешнего "демократического" руководства еще 70 лет отечественной истории отсылаются в небытие.

Оба разрыва при внешней несхожести имеют общие черты. Они чрезвычайно идеологизированы. В них довлеет злоба дня, нетерпимость к инакомыслию. И для большевиков, и для сегодняшних реформаторов характерна непримиримая борьба с "пережитками" прошлого. Рационально сформулированные абстрактные цели (коммунистическая или рыночная перспектива) поддерживают революционный настрой. В обоих случаях вводится своя периодизация истории страны, страдающая узостью временного горизонта, отгороженного "новейшим летоисчислением".

Указанные разрывы расконали развитие российского хозяйства, российской экономической мысли на три отталкивавших друг друга периода. Такое аномальное состояние во многом объясняется активным влиянием политики и идеологии на хозяйственную деятельность и общественные науки. В былые годы КПСС ограничивала рамки исследований "современностью" — сроками правления очередного лидера государства или датами существования своего режима. Видение нынешнего руководства также существенно обособлено последними лет. Поэтому не стоит удивляться, что теоретическое обоснование реформ так и осталось убогим.

Истолкование исторических тенденций всегда будет половинчатым, если оно довольствуется только противопоставлением предшествующего периода последующему, не показывает логики переходов между ними. Осознание преемственности сейчас архи необходимо во благо возрождения России. Пришла пора преодолевать коскуственную разорванность нашей жизни, обратиться к кладви забытых традиций прошлого, почтить пламя разрушающего радикализма. Сохранение старого — такая же свободная установка, как перелом или обновление.

Устранять внутреннюю надломленность предстоит и экономической науке. Ход общественных процессов подрывает авторитет гос-

181

подстоявших прежде мнений, заставляет по-иному осмыслить пржитие при "чистом" государственном хозяйстве годы. Несколько лет, истекших с начала "перестройки", образовали то требуемое минимальное отстояние во времени, которое удаляет от сиюминутности оценок директивно-плановой экономики. Завершенность этапа функционирования "командно-административной" системы выдвигает его из актуальности событий и выключает органической составной частью в непрерывную историю отечественного хозяйства. Создается благоприятная герменевтическая ситуация для того, чтобы раздвинуть временной горизонт исследований, перекинуть мостки из дореволюционной эпохи в настоящее.

Вглядываясь в минувшее, мы не уходим в чуждые миры, а остаемся у самих себя, занимаемся самопознанием. Встреча с прошлым показывает условность, даже мелочность предрассудков, очерчивающих пределы научного видения после каждого общественного разрыва. Подвижный герменевтический горизонт преодолевает обособленность отдельных эпох, охватывает в целостности историю Отечества, как бы оно ни именовалось - Русь, империя, СССР, СНГ, Российская Федерация. Он вывешивает точки соприкосновения противоборствующих идеологий, содействует достижению более высокой общности между людьми, исповедующими разные ценности, т.е. облегчает текущее реформирование.

Смещение временного горизонта позволяет установить такие исторические рамки, которые представляют изучаемую проблему в своих истинных пропорциях. Думается, что анализ толкований трудовой теории стоимости в российской экономической мысли можно начинать с последней четверти XIX века. Нижеследующие предпосылки лежат в основе заданной точки зрения.

Во-первых, с 80-х годов прошлого столетия Россия пошла по пути создания собственной крупной промышленности. Начали набирать силу общемировые тенденции перехода от аграрного к индустриальному обществу, в коем мы живем и поныне. Во-вторых, этот промышленный подъем сопровождался распространением марксизма в нашей стране, особенно с 90-х годов XIX века. Пролетарская идеология обрела своих носителей - растущий слой городских рабочих и вдохновителей - социал-демократов. В-третьих, именно в конце прошлого века отечественные экономисты разных школ: Г.В. Плеханов, М.И. Туган-Барановский, С.Л. Франк, П.Б. Струве и др. - прошли через увлечение марксистским учением.

Попытка проследить преемственность в развитии российской экономической мысли через сопоставление воззрений в конце XIX и

182

нашей оценки".

"Все вышесказанное о теории политической экономии особенно применимо к теории ценности и, в частности, к трудовой ценности. Нигде не господствует столь ошьюного разногласия, как в оценке этой последней. Одна видит в трудовой теории ценности в том виде, в каком она нам дана в системе Маркса, логически вполне законченное и материально верное во всех отношениях учение и считают его краеугольным камнем всего научного анализа современного экономического строя, другие склонны смотреть на нее, как на неудачную гипотезу, давно опровергнутую и слдланную в архив научных заблуждений".

"В нашей литературе постепенно начинает завоевывать себе место сознание, что теория ценности Маркса не может считаться окончательным разрешением проблемы ценности и что она нуждается в основательных поправках и дополнениях. Попытки такого исправления имеются у нас уже в изобилии, но большинство их страдает одним недостатком: они сознательно отказываются пользоваться результатами научной разработки этого вопроса, выполненной противниками теории Маркса, и потому сводятся к частичным, мелочным дополнениям, опирающимся главным образом на другие мысли Маркса или части его системы. Это стремление дополнить Маркса Марксом же есть последнее ухищрение догматизма спасти себя самого, оставши догматизмом критическим".

"Среди лиц, дорожащих экономическим мировоззрением, связанным с системой Маркса, быть может, возникнут опасения, как бы критическая проверка одной из теоретических основ этого мировоззрения не повредила его жизнеспособности. Но... это опасение совершенно неосновательно. Общественные идеи автора "Капитала" не были им созданы: они существовали и до него, так как коренятся в самих условиях современной социальной жизни, и жизнеспособность их держится не на той или иной теории, а на социальных чувствах и интересах. Валькое вековое течение европейской мысли стоит выше мнений, быть может, величайшего и гениальнейшего, но все же лишь одного из его представителей и не может потерпеть ущерба от критики этих мнений, которые служат лишь одним из этапов на пути его научного освещения".

"Но и сама система Маркса не может быть разрушена критикой отдельных ее положений. Подобно всем творениям великих умов, она обладает значением, которое не исчерпывается значением всех входящих в нее положений, и поэтому не падает вместе с ними.

в конце XX веков - это не пустое оригинальничанье, а шаг вперед по выстраданному наукой пути. Обоснованность выбора герменевтического горизонта подтверждается литературными первоисточниками. То, что писал почти сто лет назад С.Л. Франк, поражает своей актуальностью.

По мнению С.Л. Франка, выказанному в 1900 году, "в последнее время" в русской экономической литературе "замечается отрядный поворот: догматическое преклонение перед системой Маркса уступает место ее критической проверке и созидательной работе ее дальнейшего развития и дополнения. Это служит симптомом к прекращению того невыносимого состояния, в котором еще до сих пор находится экономическая наука. Мы имеем в сущности не одну, а две экономические науки - науку "марксистскую" и науку "буржуазную", из которых каждая говорит на совершенно особом языке, не прислушиваясь к мнению другой и считая его мнение в большей или меньшей степени заведомой ложью... Невыгоды такого деления на две непримиримые научные партии отражаются больше всего на партии марксистской: тогда как так называемая "буржуазная" или "официальная" политическая экономия быстрыми шагами двигалась вперед и с каждым днем завоевывала новые горизонты, наука "марксистская", несмотря на глубину и плодотворность ее основных мыслей и талантливость ее представителей, упорно топталась на одном месте, занимаясь догматическим толкованием старых, превратившихся почти в ходячие фразы, положений даже там, где действительность или научная мысль давно их опередила".

"Вплоть до самого последнего времени вся наша оригинальная литература по теории политической экономии сводилась к популяризации учения Маркса. Мало того... мы не имеем переводов трудов лучших современных теоретиков-экономистов. Все развитие теории политической экономии за последние 20 - 30 лет прошло незамеченным для нас, потому что не удавалось в раз принятую схему теории Маркса; учения Кинса, Менгера, Бем-Баверкера, Джевона, Маршалла и многих других остались до сих пор китайской грамотой для огромнейшей части нашей образованной публики, и если имена эти упоминаются в нашей журнальной литературе, то только для того, чтобы послать по их адресу резкие упреки в "отсталости" и "буржуазности" - эпитеты, которые до последнего времени прилагались, впрочем, у нас ко всем, кто имел смелость не ограничиваться выражением своего согласия с учением трех томов "Капитала", а заниматься самостоятельным исследованием тех же вопросов... В конце концов не европейской науке, а нам самим придется стыдиться

183

Эти положения являются до известной степени лишь случайной формой, в которую вылилась система, и все их изменения, дополнения и исправления так же мало вредят жизнеспособности общего духа системы, как мало вредит ремонт отдельных частей здания его прочности и крепости, раз только оно стоит на твердом фундаменте и раз сохраняется неприкосновенным единство заложенной в нем архитектурной идеи".

В рассуждениях С.Л. Франка верно подмечена неоднозначность понимания марксизма. С одной стороны, показывается ограниченность и догматизм экономической теории, изложенной в "Капитале". С другой стороны, признается наличие существенных резервов жизнеспособности этого учения. Такая двойственность объясняет, почему русская экономическая мысль "переболела" идеями Маркса, "переварила" их на рубеже веков и пошла дальше. Однако, после октября 1917 г. марксизм вернулся "воерьез и надолго" уже в качестве насильственно навязываемой доктрины, а не свободно выбранного научного направления.

Реставрация коммунистического мировоззрения в России состоялась благодаря приходу к власти новой силы - партии большевиков. Вначале "ленинцы" использовали марксизм как оружие борьбы с традиционной формой правления - монархией, затем - как "дубину" против Временного правительства, потом - как средство закрепления своего господства от имени пролетариата. Секрет успеха экономической теории Маркса заключался в том, что она лишь по форме выражала чаяния основной масс неимущих работников, а на самом деле защищала интересы новоявленной бюрократии. Если термины "социалистический", "общественный" приравнивались по значению к "государственному", то ясно, что подобное толкование было выгодно парадийно-советской номенклатуре. Групповые интересы столоничальников опирались на полноправное распоряжение казенной, общественной собственностью. Но сие привилегированное положение не стремилось адширивать. Наоборот, создавалась видимость социальной идиллии, почти "бесклассового" советского общества с равными для всех возможностями.

Полвека назад И. Шуметер писал, что идеология бюрократии, "помимо прочего включает чисто идеологическое отрицание того факта, что ей присуд групповой интерес, который может влиять на проводимую ею политику. Это - первый пример влияния идеологии на анализ, первый, потому, что под влиянием именно этой бюрократи-

И. Франк С.Л. Указ. соч., с. I, II, III, IV, V, VI

185

ческой идеологии сформировалась антинаучная привычка экономистов рассматривать государство как надчеловеческое учреждение, деятельность которого направлена на общее благо, и игнорировать реальные факты из области государственного управления, предоставляемые современной политологией.² Не мудрено, что политическая экономия использовалась для утверждения социального статуса советской партийно-хозяйственной бюрократии, уменьшения экономической свободы "простых" граждан.

Трудовая теория стоимости как исходный пункт концептуальных построений несла важнейшую идеологическую нагрузку, примеряла не только теорию, но и народ с условиями его существования. Провозглашение труда единственным источником ценностей выдавалось за формальное признание приоритета интересов рабочего класса. "Наука" внушала рядовым труженикам, что они — настоящие хозяева своей страны, поскольку они создают и совместно присваивают материальное богатство.

Справедливым объявлялось только распределение "по труду" в форме заработной платы (независимо от уровня последней). Насаждалась "пролетарская" точка зрения людей, не имевших почти ничего, кроме своих рук и возможности работы по найму на казенных предприятиях. Все "нетрудовые" доходы и их источники (предпринимательство, собственность и т. д.) порицались и запрещались. Односторонне подчеркивались положительные моменты (без указания слабостей и неэффективности) государственной собственности и централизованного директивно-планового управления по сравнению с частной собственностью и стихийной рыночной конкуренции.

Интересно, что трудовая теория стоимости, с научной точки зрения, непосредственно не вписывалась в модель реальной "экономики всеобщего труда". Ибо в казенном хозяйстве цена определялась не только на основе трудозатрат, но и затрат капитала (вернеемванного в "фонды"), а также с учетом природных, рентажных факторов. Анализ стоимостных пропорций относился к тому разделу теории советской экономики, который содержал узловые понятийно-методологические досылки: гипотезу о смене общественно-экономических формаций, учение о классовой борьбе и т. п. Эти абстрактные положения почти не затрагивались течением хозяйственной жизни, допускали произвольное толкование, а потому успешно справлялись с ролью идеологических предрассудков. Бюрократия сознательно навязывала воззрения, охранявшие ее групповые интересы.

2. Цумпетер И. Указ. соч., с. 277
186

логики изложения и понимания смысла последующих глав.³ В анализе реальных рыночных проблем пригодна методология классической школы, синтезировавшая разрозненные исходные посылы К. Маркса и Г. Бем-Баверка.

Возвращаясь в лоно мировой науки, мы должны признать, что экономика России, несмотря на все зигзаги, двигалась по общему вектору истории человечества. Собственный опыт убеждает в том, что даже в революционных ситуациях вынужденно сохранялись прежние закономерности общественного развития. Пренебрежение, а тем более насильственное отклонение от этих тенденций выводило страну из состояния социально-экономического равновесия, вызвало кризисные потрясения. Напротив, политика, придерживавшаяся объективной направленности изменений, придавала ускорение положительным процессам, обеспечивала социальную стабильность. С этих позиций и надо смотреть на нынешние реформы.

Ориентиром для руководства за может служить практика передовых стран. Однако общемировые тенденции складываются из особенностей отдельных государств. Поэтому не избежать сопоставления национального своеобразия России со "среднестатистическими" ведущими державами. Точно так же наша экономическая наука, впитывая зарубежные достижения, не имеет права быть точной копией взглядов иностранных экономистов. Абстрактные теоретические положения должны конкретизироваться реальными условиями.

Неповторимость отечественной истории заключалась в уникальной экономической роли государства. Именно центральная власть была инициатором всех крупнейших преобразований. Так, длительный подъем хозяйства на волне промышленной революции с конца прошлого века до первой мировой войны оказался возможным благодаря расширению казенного предпринимательства и экономической политике самодержавия, поощрявшей инвестиции частного капитала.

В 20-е гг текущего столетия передовые отрасли российской промышленности перешли в собственность государства, и продолжение индустриализации страны выпало на долю госсектора. При всей внешней несхожести идеологии народных комиссаров и царских министров прослеживалась устойчивая преемственность в централизованном хозяйственном руководстве. Такова была объективная логика экономического развития России, ограничивавшая свободу выбора альтернативных управленческих решений.

3. Макконелл К. Р., Брю С. Д. Экономика. Принципы, проблемы и политика. Т. 2, М., 1992, с. 30

Указанный методологический раздел решал двоякую задачу. Во-первых, он показывал, что с марксистской точки зрения, советская социалистическая экономика — "закономерный" результат поступательного развития и "высшая" для данного исторического этапа форма. Во-вторых, убеждал, что опыт нашей страны подтверждает истинность и прагматизм экономической теории К. Маркса. Иными словами, вначале делались допущения, которые затем сами себя поясняли, но не доказывали.

Все, что касалось изучения практических вопросов, составляло другой, слабо связанный с первым, раздел. Здесь ощущалось бегущее мысли и пульса времени, вырабатывались конкретные рекомендации для проведения экономической политики, теории держала проверку на правильность. Лишь пропагандистская риторика, скрывавшая противоположность интересов различных социальных групп, напоминала о существовании "донаучных" предрассудков.

Следует однако заметить, что директивное планирование мало оглядывалось назад и редко выходило за пятилетние прогнозы. Поэтому не возникало потребности в серьезных обобщениях фактов за длительные промежутки времени и в выявлении долгосрочных, фундаментальных хозяйственных тенденций, относительно независимых от политической конъюнктуры. Напротив, каждое изменение "курса партии" одобрялось как новое слово в науке.

Теперь, после официального отказа от марксистского мировоззрения, возникла необходимость в переосмыслении и "идеологического" и "прикладного" разделов экономической теории. Построение современных концепций возможно уже только на основе нового видения преемственности и разрывов в истории российской экономической мысли, в становлении отечественного хозяйства. Начинать надо с приобщения к традициям русских экономистов, говоривших "на одном языке" с ведущими течениями зарубежной экономической науки, т. е. придется расширять понятийно-методологический аппарат.

В учебниках изложение трудовой теории стоимости следует дополнить пересказом теории предельной полезности. Обзор обеих абстрактно-иллюстративных схем нужен для формирования культуры экономического мышления и для дидактического перехода к более сложным моделям. Использовать их в качестве прикладных методик нельзя. В этой части учебного курса уместна сноска, которая сопровождает в новейшем американском пособии "Экономика" теорию потребительского поведения: "Преподователь может не включать эту главу в свой курс. Она может быть пропущена без ущерба для

Правительство большевиков многое заимствовало из перспективной политики поощрения промышленного подъема, которую проводила самодержавная власть на рубеже XIX и XX веков. Советские руководители, так же как и окружение государя-императора, видели в создании современной промышленности самый надежный способ укрепления могущества России, повышения ее международного конкурентного статуса. Эта общность цели неотвратимо вела к общности (правда, неполной) средств достижения задуманного.

Национальные интересы потребовали введения в 80-е гг прошлого века высоких таможенных пошлин, которые ограждали от иностранных конкурентов отечественную промышленность и перераспределяли внутренние ресурсы в пользу последней. Такого же жесткого протекционизма придерживалось большинство развитых стран в периоды становления новых отраслей собственной индустрии. Естественно, что уровень мировых цен брался в расчет как мерило эквивалентности обмена лишь по тем товарам и сделкам, какие казались "справедливыми" с точки зрения запросов родной экономики.

Сельскохозяйственные цены нашего внутреннего рынка соответствовали мировым, поскольку вывоз зерна был основной статьей экспорта. Наоборот, промышленные цены из-за таможенных пошлин отделились от мировых. Например, в конце XIX века цены чугуна отечественного производства в 3-4 раза превосходили европейские.

Подобные ценовые пропорции сохранялись и во время индустриализации Советского Союза, так как сельское хозяйство по-прежнему оставалось ведущим сектором производства и основным источником накоплений. Спор между экономистами на исходе первой четверти XX века шел не об источниках накопления, а о размерах и способах изъятия средств деревни на нужды развития тяжелой индустрии. Интересы казенной промышленности защищались уже не только запретительными таможенными тарифами, но и монополией советского государства на внешнюю торговлю.

Преобладание сельского уклада характеризовалось слабым внутренним рынком, ведь значительную часть потребностей крестьяне удовлетворяли собственными продуктами. Поэтому сравнительно невысокий уровень благосостояния в России дополнялся еще меньшими денежными доходами и низкой покупательной способностью населения. Ограниченность сфер торгового и денежного оборота затрудняла образование и накопление свободных капиталов. Все эти препятствия приходилось преодолевать как императорской, так и советской власти.

Недостаточность частного хозяйственного спроса на фабрично-заводскую продукцию государство старалось компенсировать увеличением своих закупок. Расширению емкости внутреннего рынка служили государственные заказы, выдаваемые в первую очередь предприятиям тяжелой промышленности. Огромные размеры поставок по правительственным разнарядкам способствовали организации крупных предприятий, возникновению монопольных объединений в промышленности и синдикатов в торговле.

Оплата многомиллионных госзаказов стала возможной благодаря отлажке механизма сосредоточения денежных ресурсов в руках казначейства. Централизованные финансовые фонды и до, и после революции 1917 г. обильно пополнялись за счет поступлений из госохраны (доходов от эксплуатации железных дорог, прибыли казенных предприятий и т.д.). Наряду с этим, безотказно действовал "насос" податного обложения. Косвенные налоги (акцизы, налог с оборота и т.п.) собирали такую дань с отраждан, какую едва ли смогло бы взять прямое обложение их доходов и имущества. Логика политики ускоренного экономического роста диктовала свои условия перераспределения средств в промышленность через государственный бюджет. Необходимо было сдерживать и без того скудное личное потребление россиян, стимулировать сбережения и инвестиции капитала.

Начало обеих индустриализаций сопровождалось появлением устойчивой национальной валюты - "червонца". Денежная реформа 1895 - 1897 гг ввела систему "золотого стандарта", т.е. обращение полноценных золотых монет и их свободный обмен на кредитные билеты. В 1922 - 1924 гг вместо обесценившихся "совзнаков" были выпущены в оборот бумажные банкноты червонцев с золото-валютным обеспечением. Однако твердый курс рубля был составным элементом, а не предпосылкой подъема отечественного хозяйства. Об этом не грех вспомнить сегодняшним реформаторам российской экономики. Нелепо провозглашать стабилизацию рубля приоритетной целью и одновременно вести политику, ускоряющую и углубляющую кризисный спад производства.

Современная правительственная концепция проведения реформ пренебрегает пока богатейшим опытом экономической истории России, более того, она направлена на полный разрыв с прошлым, и потому в корне своем порочна. Новации должны опираться на объективные тенденции развития, сохранять преемственность в государственном хозяйствовании, иначе они вызывают чрезвычайные разрушения всех устоев народной жизни. Катастрофические социальные потрясения

190

гарантировать нельзя. В этом убедились на собственном опыте советское правительство, отказавшись после нпа от совместного предпринимательства с западными партнерами.

Национальная денежная единица обычно имеет две взаимосвязанные, но самостоятельные координаты: курс по отношению к иностранным валютам и покупательную способность на внутреннем рынке. В "команде" руководящих финансистов, судя по всему, пока считают, что первое условие важнее (дабы ублажить иноземных кредиторов), хотя здравый смысл и элементарная ответственность перед собственным народом говорят - второе.

Нельзя иметь стабильный курс рубля, не имея сбалансированных внутренних рынков денег, товаров, рабочей силы, капиталов (фондов). Причем если диспропорция на рынках денег и товаров преодолевается в течение нескольких месяцев или лет, то рынки рабочей силы и капиталных благ движутся к равносному состоянию более десяти лет. Поэтому выход России из кризисной ситуации - это длительный, многоступенчатый процесс, который предполагает мудрую долгосрочную государственную политику, а не скороспелые проекты интернационализации отечественной экономики.

Проводимую у нас в стране экономическую реформу целесообразно изучать в сопоставлении с прошлым опытом еще и потому, что она становится интереснее всех движущих социальных сил: государства, предпринимательского сословия (управленцев - организаторов хозяйственной деятельности), широких слоев населения, работающего в хозяйственной деятельности, широких слоев населения, работающего по найму. Устремления перечисленных действующих лиц обычно совпадают в периоды экономических подъемов и резко расходятся во времена неблагоприятной конъюнктуры. Поскольку экономический рост способствует увеличению занятости, доходов людей, поступлению налогов в госбюджет, расширяя разобщенность между всеми, за исключением кризисные спады усиливают разобщенность между всеми, заставляя перекладывать друг на друга бремя трудностей.

Государство - самый сильный хозяйствующий субъект, поэтому оно доминирует в обществе. Его экономические интересы связаны с теми средствами, которыми распоряжаются органы государственной власти, т.е. прежде всего с бюджетом и казенным имуществом. Интересы российской казны всегда стояли выше всех остальных интересов. Однако благополучие финансов зависит от благосостояния народа и уровня экономического развития страны. Тем самым полна гается предел вмешательству бюрократии в хозяйственную жизнь, за которым начинается разлагающее влияние на производство и ходы и занятость. Этого пока еще не хотят признавать нынешние

192

во времена гражданской войны, насильственной коллективизации деревни, политического развала Советского Союза - наглядные тому примеры.

Беда в том, что в качестве "официальной доктрины" правительство (с подачи Е.Гайдара), избрало ортодоксальную версию "монетаризма" - учения, прямо противоположного традициям русского хозяйства. Согласно взглядам монетаристов, первопричиной экономического процветания является стабильное денежное обращение. Ради него государству следует резко ограничить свое вмешательство в хозяйственную деятельность: сократить финансовые расходы (инвестиционные, социальные и т.д.) и заботиться лишь о бездефицитности бюджета; обеспечить режим свободной, почти беспопытной внешней торговли; устанавливать "реальные" обменные курсы национальной денежной единицы на иностранные валюты; прекратить волеу регулирование цен и в итоге отказаться от стратегии поддержки экономического роста страны.

Повышение цен на энергоносители, по рекомендациям зарубежных специалистов, не поможет России жить в согласии с мировыми ценами, а сделает ее беззащитной перед иноземными конкурентами, которые получат на откуп наш внутренний рынок. Ближайшими последствиями такого шага окажутся новые витки инфляции, банкротство российских предпринимателей, падение занятости и доходов населения. Зачем интегрироваться в мировое хозяйство за счет принесения в жертву интересов соотечественников, путем развала национальной экономики ("по решению" Международного валютного фонда) и потери остатков конкурентоспособности державы?

Не приведет либерализация цен ни к конвертируемости рубля, ни к притоку иностранного капитала. Затрагиваям производителям выгоднее будет сбывать у нас свои товары, нежели вкладывать деньги в создание предприятий на российской территории. Чтобы вынудить их поступать наоборот, надо узаконить охранительные таможенные тарифы, как это сделало царское правительство еще сто лет назад. Пошлины понижают доходы от продажи ввозимых товаров, но повышают цены и прибыли производителей, работающих на внутренний рынок, привлекают зарубежных инвесторов.

Конвертируемость рубля в конце XIX - начале XX вв поддерживалась не только наращиванием экспорта русского зерна, но и продуманной таможенной регламентацией, которая стимулировала мощный приток европейского капитала. Посредством одного лишь экспорта сырья и продовольствия конвертируемость своей валюты

191

реформаторы. Политика правительства, провозглашающая высшей приоритетом бездефицитность бюджета, разрушает основу своего существования. Ибо падение прибылей и заработков едва ли может сопровождаться обилием налоговых поступлений.

Естественно, такой ход реформы не устраивает руководителей предприятий. Они выступают против неразумного радикализма за стабилизацию производства и постепенный переход к смешанной частно-государственной экономике. Вполне объяснима воля "дирикторского лобби" к сохранению собственного социального статуса, иногда даже ценою отказа от заведомо полезных шагов реформы, например, закрытия неэффективных и экологически грязных производств. Тем не менее абсурдно видеть в достаточно продуманной программе отечественных промышленников лишь проноски "старой хозяйственной номенклатуры", заявляя, "что главное здесь - забота не о людях, а исключительно о госпредприятиях". Подобные рассуждения досужих экономистов распадаются от первого же риторического вопроса - кто, если не основная масса населения, зарабатывает средства к существованию на госпредприятиях?

Гораздо более приемлемыми выглядят альтернативная официальная концепция продолжения реформ, разработанная секцией "Экономики и социологии" Академии естественных наук России (опубликована в "Экономической газете" №32 за 1992г) или Декларация обенационального экономического согласия ("Экономика и жизнь" № 28, 1993г). В них заложена идея национального единения, поиска компромисса интересов всех социальных сил, создания эффективной рыночной экономики на основе долгосрочных инвестиций и межотраслевых структурных сдвигов. Извещенный подход предлагается и при осуществлении приватизации казенной собственности. Активную роль в этом процессе должно сыграть государство, поощряя научно-технический прогресс и обеспечивая необходимые социальные гарантии.

К сожалению, на первом этапе реформ руководство России само устранилось от выполнения подобных, сугубо государственных функций, ограничилось отставанием своих узкобюрократических интересов, и пока не смогло поднять ее уровня державного мышления. Представленная российским правительством программа приватизации через раздачу приватизационных чеков - ваучеров, вероятно, выродится в обычную политическую кампанию. Ее можно считать очередной попыткой снять с себя бремя ответственности за социальные последствия реформ, ибо она усиливает дезорганизацию национальной экономики и ускоряет кризисный спад производства и доходов. Сходным образом поступило правительство большевиков при переходе

193

к непу.

В 1921г были денационализированы (переданы частным владельцам и кооперативам безвозмездно, за выкуп или на правах аренды) мелкие и средние предприятия. Из почти 40 тысяч национализированных в ходе гражданской войны промышленных заведений Совнарком оставил в своем непосредственном подчинении одну десятую часть, самые крупные. В казне не было денег для восстановления такого количества производств. Не хватало ресурсов даже для финансирования в нормальном объеме оборотных средств госпредприятий, а основной капитал в некоторых отраслях "продавался" вплоть до 1924 года.

Разгосударствление сопровождалось стабилизацией финансов и денежного обращения, массовой безработицей и оттоком рабочей силы из города в деревню, консервацией многих предприятий. При этом правительство прилагало все силы для скорейшего возрождения тяжелой промышленности, озабочивая ее попечительством в области цен, финансирования и налоговой политики. Иначе же государственные лидеры оставили производителей один на один со своими бедами.

"Благотворительная ваучеризация" будет иметь намного более серьезные последствия по сравнению с непом. Так как в те далекие 20-е годы свыше 80% населения составляли сельские жители, которые были слабо связаны с рынком и денежным обращением, удовлетворяя почти все потребности собственными продуктами. Сейчас ситуация противоположная. На долю горожан приходится более 70% жителей России. Они сильнее пострадали от приватизации, потеряв работу после приостановления государственной помощи убыточным предприятиям, уменьшения госзаказов, рационализации производства. Основная часть россиян получает средства к существованию от работы по найму и приобретает все необходимое в торговых точках. Поэтому мероприятия по оздоровлению финансов и кредитно-денежного обращения затрагивают всех соотечественников, уменьшают их интересы.

Внешне привлекательный жест — официальная программа приватизации — это продолжение игры "за одни ворота". Вначале либерализация цен отменила многомиллиардные социальные дотации. Затем введение зависящего налога на добавленную стоимость укрепило финансы за счет народного кармана. Теперь в свою собственность граждане смогут получить не надежное обеспечение (например, земля), а имущество предприятий, подавляющая часть которых

134

через назначаемых руководителей предприятий во всех отраслях материального производства и услуг, учрежденных кредитно-финансовой сферы. Для координации всего государственного хозяйства был создан громоздкий, строго централизованный аппарат управления. Такие институциональные изменения трансформировали систему экономических регуляторов.

Рыночные отношения преобразились до неузнаваемости, но не исчезли совсем. Поэтому называть действовавшую систему абсолютно нерыночной, сугубо командно-административной неверно. Это — стохастический прецедент, далекий от реальности. Чтобы устранить перекос в пользу государственного регулирования и не перегибать от усердия палку в другую сторону, возрождая частную инициативу, надо точно знать степень деформации рыночного механизма. Прежде всего, желательно отказаться от одномерного, плоского понимания рынка. Западные экономисты совершенно верно выделяют в едичном национальном хозяйстве четыре типа рынков: товаров, денег, рабочей силы и капиталов (фондов).

Политика фиксированных оптовых и розничных цен выключила ценообразование из механизма регулирования равновесия спроса и предложения на товарном рынке. Эта мера вполне объяснима. Бюрократическое управление всегда стремилось к упрощению, унификации и стабильности. Твердые цены избавляли от необходимости индексировать доходы работников госсектора, повышать пособия и выплаты нетрудоспособным гражданам. Создавалась видимость социально сильной политики. При неизменных ценах не страшен был дефицит государственного бюджета. Непомерные расходы покрывала эмиссия бумажных денег. При этом возник эффект "устойчивости" национальной валюты. Концентрация производства на крупнейших предприятиях и их узкая специализация обуславливали существование системы монопольных (негибких) цен, которая законодательно закреплялась хозяйственной бюрократией.

Отсутствие массовой безработицы говорило о показном благополучии на рынке труда. Запрещение частного предпринимательства позволяло ограничивать заработную плату работников текущим потреблением. Возможность накопления собственного капитала исключалась. Право распоряжения народными сбережениями бюрократия оставила за собой, что заметно повысило ее престиж в общественной иерархии. Стабильным товарным ценам соответствовали твердые ставки низкой заработной платы. Таким образом, рынок труда характеризовался массовым предложением дешевой рабочей силы, поступающей из сельской местности и домашнего хозяйства. Она

196

оснащена устаревшим оборудованием (по оценкам специалистов, необходимо вывести из оборота до 2/3 производственных мощностей). Тем, кто не потеряет даров ваучеризации при банкротстве убыточных и закрытии малорентабельных предприятий в условиях обвалного спада экономики, еще долго придется оплачивать техническое перевооружение оставшихся на плаву производств.

В ближайшие годы вряд ли возможно создание желанного среднего слоя — массы частных собственников. Во-первых, для периодов кризиса и структурной перестройки хозяйства характерна поляризация общества, но не его усреднение. Во-вторых, объективно необходима концентрация ресурсов для реализации долгосрочных инвестиционных проектов. Следовательно, потребуется не только создание мощных инвестиционных фондов, собирающих воедино разпыленные средства частных владельцев, но и обильные субсидии из госбюджета в сочетании с активным централизованным регулированием экономики. Таким образом, независимо от смены идеологических "декораций" устойчивые объективные тенденции заставляют сохранять преемственность в экономическом развитии страны.

* * *

Новый герменевтический подход позволяет описать теоретическую модель советского хозяйства на "международном" ("классическом") экономическом языке, понятном представителям различных научных школ. Иной взгляд на один и те же факты помогает осознать, что у нас не "социалистическая" или "капиталистическая", а родная российская экономика, от постоянного совершенствования которой никуда не уйти.

Известно, что вмешательство государства в экономику расширялось на протяжении XX века во всех без исключения развитых странах. В этом смысле современную организацию хозяйственной деятельности в России следует признать вполне закономерным историческим результатом. Но общемировая тенденция, набравшая силу с 80-х годов текущего столетия, проявилась в Советском Союзе в искаженной и трагической форме.

Именно на исходе первой трети XX века, когда были разломаны или уничтожены частнохозяйственные и коммерческие структуры, окончательно утвердилось оплошное огосударствление отечественной экономики. Насильственное объединение крестьян в колхозы, подавление частной собственности в промышленности и торговле привели к безраздельному господству казенной собственности. Теперь государству уже никто не мешал выполнять функции предпринимательства,

195

использовалась полностью, но далеко не эффективно.

Наибольшие перевороты произошли, пожалуй, на денежном рынке. Отмена коммерческого кредита (вексельного обращения) нарушила эластичность кредитования, сделала ненужным регулирование учетной ставки. Слияние банковской и бюджетной эмиссий оторвало различие между казначейскими билетами и банкнотами, между государственным долгом и ссудами банка, между казной и народным карманом. В то же время налично-денежное обращение, которое обеспечивало оферу личных доходов и обращение потребительских благ, было отделено от безналичных расчетов, ободжавших остальной хозяйственный оборот. Государственный банк СССР был в одном лице эмиссионным центром, выпускавшим наличные деньги, и системой распределения и выдачи кредитов. Такой денежный рынок целиком регулировался решениями правительства, ибо обращение денег пассивно приспосабливалось к потребностям обмена.

Фондовый рынок (рынок капиталов) почти полностью был заменен ассигнованиями из бюджета. При помощи налога на прибыль и налога с оборота (иной формы налога на добавленную стоимость) финансовое ведомство собирало в своих руках весь прибавочный продукт общества и часть необходимого продукта. Скапливавшиеся централизованные ресурсы тратились на финансирование народного хозяйства в виде беспроцентных и безвозмездных субсидий. Ассигнуя самого себя, государство не начисляло проценты. По той же причине кредиты банка выдавались под директивно установленный низкий процент, обычно не более 2-5% годовых. Таким образом, капитальные вложения не имели своей нормальной цены — процента. Их распределение поэтому осуществлялось не на рыночных принципах. Хозяйственные ведомства делили единый фонд капитальных вложений в соответствии с собственной экономической мощью и политическим влиянием, а не по коммерческим соображениям.

Твердо установленные цены, ставки заработной платы, проценты за кредит поддерживали покупательную способность рубля. Деньги превращались в чисто счетную единицу. Однако, подобная внешняя стабильность снижала способность экономики к гибкой самонастройке. Возрастала вероятность длительного неоснащения спроса и предложения. Единственным переменным параметром в равновесном хозяйстве оставался объем производства товаров и услуг. Поэтому планирование выпуска продукции по отраслям и предприятиям составляло стержень государственного регулирования. Натуральные пропорции довели над ценовыми.

Похожие процессы происходили и в мировой экономике, правда не в столь резкой форме. В развитых странах крупные, особенно

197

транснациональные корпорации начали контролировать внешние и внутренние рынки, определять их цены. Производители теперь реагируют на изменение спроса не столько колебаниями цен, сколько расширением или сокращением выпуска продукции. Появился механизм так называемой "неценовой" конкуренции, когда борьба за рынки обрета ищет вокруг качественных характеристик товаров.

Народное хозяйство России тяготело к натурализации, даже если денежная масса в обращении соответствовала ценам рыночных сделок. Этой тенденции к демонетизации содействовал ряд факторов. В частности, безвозмездное распределение капитальных вложений порождало состояние всеобщего дефицита в экономике, ибо бесплатная раздача благ делает спрос ненасыщаемым. Поскольку главным источником инвестиций являлся государственный бюджет, то неосознаваемая потребность все время подталкивала к дефицитному финансированию, а затем к увеличению скрытых долгов государства.

Излишняя эмиссия денег при твердых ценах вызвала хронический недостаток товаров, и государство вынуждено было контролировать использование почти всех материальных ресурсов в стране. Постоянный "товарный голод" привел к тому, что рыночная оптовая торговля сменилась распределением товаров по карточкам (фондирование, лимиты и т.п.), а бюрократический аппарат управления пополнился системой материально-технического снабжения предприятий и организаций. За ненадобностью еще в 30-е годы закрылись товарные и фондовые биржи, уступив место нормированному распределению производимой продукции. Так постепенно происходила деградация рыночных регуляторов. Поэтому деньги имели неодинаковую покупательную способность в различных руках и плохо выполняли функцию интегрирования национальной экономики.

Изменился и механизм конъюнктурных колебаний в экономике, т.е. деловой цикл. До сих пор советская экономическая наука на изучала специально проблему деловых (среднесрочных - от 3 до 12 лет) циклов в государственном директивно-плановом хозяйстве. Считалось, что они, известные больше под названием периодических кризисов перепроизводства, свойственны только "стихийному" рыночному регулированию. Хотя несхожесть наших конъюнктурных колебаний с западными не означала отсутствия первых. Тем более, что современный деловой цикл второй половины XX века в смешанной, частно-государственной экономике отличается от своих предшественников эпохи свободной конкуренции.

Раньше экономический подъем "на Западе" сопровождался рос-

том цен, а кризис - их падением, что помогало в скупать или распускать товарные запасы в торговле в зависимости от покупательского спроса. Теперь там наблюдается противоположная динамика цен. Когда возникают трудности со сбытом, фирмы ограничивают выпуск продукции. Снижение производства обычно опережает сокращение издержек, так как нельзя отказаться моментально от всех излишних затрат. Поэтому сначала увеличиваются затраты на единицу продукции, а затем повышаются и цены. Наоборот, в благоприятной обстановке вместе с расширением выпуска товаров снижаются издержки их производства. Подъем цен прекращается. При этом поддерживается устойчивость денежного обращения с помощью налогов и расходов госбюджета, а также активной политики центрального банка. Соотношения цен, издержек, прибыли и банковского процента управляют инициативой предпринимателей, накоплением капитала.

В условиях советского директивно-планового хозяйства вышеперечисленные параметры отличались малой подвижностью. Такая жесткость регуляторов вызвала постоянную разбалансированность российской экономики, в которой диспропорции нарастали как снежный ком. В периоды хорошей конъюнктуры рост капиталовложений сопровождался не повышением цен на средства производства, а увеличением неудовлетворенного спроса на инвестиции при неизменных ценах. Приходилось бороться с усиливающимся дефицитом продукции производственно-технического назначения. Поэтому подавляющая часть ресурсов накопления направлялась на "расшировку узких мест" в отрасли инвестиционного комплекса (машиностроение, стройиндустрия и т.д.), которые обеспечивали сооружение дополнительных производственных мощностей и новых предприятий.

Огромные масштабы строительства раздували фонды заработной платы, которые не имели нормального товарного покрытия; поскольку сроки сооружения объектов затягивались, а производственные мощности слишком поздно начинали выдавать готовую продукцию. Наокапавшиеся друг на друга государственные заказы сметали в рынка не только средства производства, но и предметы народного потребления. Дефицит сам себя поддерживал и расширял. Все большее число товаров попадало в список дефицитных и подлежало нормированию: вводились фонды, лимиты для предприятий и организаций, карточки, талоны и т.п. для граждан. Когда уровень диспропорций достигал критической черты, объявлялся всеобщий пересмотр оптовых и розничных цен, как правило, в сторону повышения. После относительной стабилизации рынка вновь одобрялось вложение громадных средств в капитальное строительство. Стартовал очередной

деловой цикл.

Периодические широкомасштабные пересмотры оптовых цен и тарифов проводились в 1936 и 1939 гг., 1949 - 1955 гг., 1966 - 1967 гг., 1973 - 1974 гг., 1982 г. Они определяли среднесрочный ритм жизни российской экономики в течение полувека в условиях господства государственной собственности, предпринимательства за казенный счет и примитивного рыночного механизма, который был насильственно лишен вексельного обращения, оптовой торговли, двухуровневой банковской системы, эластичного налогообложения. Без их восстановления, реабилитации частной собственности, без отделения казначейской (государственной) от кредитной (банковской) эмиссии денег любая политика перехода к нормальному рынку обречена на провал. Необходимо создавать эффективную многоукладную экономику смешанного частно-государственного типа. Надо реставрировать разрушенные части отечественного хозяйства и достраивать недостающие современные его элементы.